

Вятский государственный университет

**В Е С Т Н И К
ГУМАНИТАРНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ**

Н а у ч н ы й ж у р н а л

№ 3 (23)

Киров
2021

Главный редактор

В. Т. Юнгблюд, д-р ист. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-2706-3904

Заместители главного редактора

Л. В. Калинина, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0003-2271-3995

Н. О. Осипова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-9247-9279

Ответственные секретари

О. В. Байкова, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-4859-8553

И. В. Смольняк, канд. ист. наук, Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0001-9293-6639

Состав редакционной коллегии:

Исторические науки и археология

А. М. Белавин, д-р ист. наук, проф., Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН (г. Пермь);

Т. А. Закаурцева, д-р ист. наук, проф., Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

А. А. Калинин, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров);

Н. Б. Крыласова, д-р ист. наук, доц., Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь);

А. В. Лубков, д-р ист. наук, проф., чл.-корр. РАО, Московский педагогический государственный университет (г. Москва);

А. А. Машковцев, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0001-8135-4043;

Е. И. Пивовар, д-р ист. наук, проф., чл.-корр. РАН, Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва);

Ю. А. Петров, д-р ист. наук, Институт российской истории РАН (г. Москва);

В. В. Романов, д-р ист. наук, проф., Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина (г. Тамбов), ORCID: 0000-0002-9199-6573;

Д. А. Редин, д-р ист. наук, проф., Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

Филология

О. И. Колесникова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров),
ORCID: 0000-0002-6159-6261;

Е. Н. Лагузова, д-р филол. наук, проф., Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (г. Ярославль);

В. А. Поздеев, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров);

О. Ю. Поляков, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0002-9362-7720;

Н. Д. Светозарова, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);

Н. Л. Шубина, д-р филол. наук, проф., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

D. Stellmacher, д-р филологии, проф., Университет им. Георга-Августа (г. Геттинген, Германия);

H. W. Retterath, д-р филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия).

Культурология

А. С. Дриккер, д-р культурологии, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург),
ORCID: 0000-0002-8987-7591;

И. А. Едошина, д-р культурологии, Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова (г. Кострома);

Т. И. Ерохина, д-р культурологии, Ярославский государственный театральный институт (г. Ярославль);

Д. Н. Замятин, д-р культурологии, проф., Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Высшая школа урбанистики ВШЭ (г. Москва);

А. В. Костина, д-р филос. наук, д-р культурологии, проф., действительный член Международной академии наук, Московский гуманитарный университет (г. Москва);

В. Я. Перминов, д-р филос. наук, проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

Т. Б. Сиднева, д-р культурологии, проф., Нижегородская государственная консерватория (академия) им. М. И. Глинки (г. Нижний Новгород);

Г. Е. Шкалина, д-р культурологии, проф., Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола).

Научный журнал «Вестник гуманитарного образования» как средство массовой информации зарегистрирован в Роскомнадзоре (Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-67555 от 31 октября 2016 г.)

Учредитель журнала ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

Адрес издателя: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36

Адрес редакции: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36

Тел. (8332) 208-964 (Научное издательство ВятГУ)

Цена свободная

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Vyatka State University

**HERALD
OF HUMANITARIAN
EDUCATION**

S c i e n t i f i c j o u r n a l

№ 3 (23)

Kirov
2021

Chief editor

V. T. Yungblud, Dr. of hist. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-2706-3904

Deputy editor

L. V. Kalinina, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0003-2271-3995

N. O. Osipova, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-9247-9279

Executive Secretary

O. V. Baikova, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-4859-8553

I. V. Smolnyak, PhD of hist. sciences, Vyatka State University,
ORCID: 0000-0001-9293-6639

Editorial board members:

Historical sciences and archeology

A. M. Belavin, Dr. of hist. sciences, prof., Perm Federal Research Center of UrO RAS (Perm);

T. A. Zakaurtseva, Dr. of hist. sciences, prof., Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow);

A. A. Kalinin, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov);

N. B. Krylasova, Dr. of hist. sciences, associated prof., Perm State University of Humanities and Education (Perm);

A. V. Lubkov, Dr. of hist. sciences, prof., corr. member of RAE, Moscow Pedagogical State University (Moscow);

A. A. Mashkovtsev, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0001-8135-4043;

E. I. Pivovarov, Dr. of hist. sciences, prof., corr. member of RAS, Russian State University for the Humanities (Moscow);

Y. A. Petrov, Dr. of hist. sciences, Institute of Russian History of RAS (Moscow);

V. V. Romanov, Dr. of Historical Sciences, professor, Tambov State University n.a. G. R. Derzhavin (Tambov),
ORCID: 0000-0002-9199-6573;

D. A. Redin, Dr. of hist. sciences, prof., Ural Federal University n. a. the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg).

Philology

O. I. Kolesnikova, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-6159-6261;

E. N. Laguzova, Dr. of philol. sciences, prof., Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky (Yaroslavl);

V. A. Pozdeev, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov);

O. Y. Polyakov, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-9362-7720;

N. D. Svetozarova, Dr. of philol. sciences, prof., St. Petersburg State University (St. Petersburg);

N. L. Shubina, Dr. of philol. sciences, prof., Russian State Pedagogical University n. a. A. I. Herzen (St. Petersburg);

D. Stellmacher, Dr. of philol. sciences, prof., Georg-August University (Göttingen, Germany);

H. W. Retterath, Dr. of philol. sciences, Institute of Ethnography of Germans in Eastern Europe (Freiburg, Germany).

Culturology

A. S. Drikker, Dr. of cultural studies, St. Petersburg State University (St. Petersburg), ORCID: 0000-0002-8987-7591;

I. A. Edoshina, Dr. of cultural studies, Kostroma State University n. a. N. A. Nekrasov (Kostroma, Russia);

T. I. Erokhina, Dr. of cultural studies, Yaroslavl State Theatre Institute (Yaroslavl);

D. N. Zamyatin, Dr. of cultural studies, professor, D. S. Likhachev Russian research Institute of cultural and natural heritage, HSE Higher school of urban studies (Moscow);

A. V. Kostina, Dr. of philos. sciences, Dr. of cultural studies, professor, full member of the International Academy of Sciences, Moscow humanitarian University (Moscow);

V. Ya. Perminov, Dr. of philos. sciences, prof., Moscow State University n. a. M. V. Lomonosov (Moscow);

T. Sidneva, Dr. of cultural studies, professor, Nizhny Novgorod State Conservatory (Academy) n. a. M. I. Glinka (Nizhny Novgorod);

G. E. Shkalina, Dr. of cultural studies, professor, Mari State University (Yoshkar-Ola).

**Scientific journal «Herald of humanitarian education» is registered as a mass media
in Roskomnadzor (Certificate of registration of mass media PI № FS 77-67555 of October 31, 2016)**

Founder of the journal «Vyatka State University»

Address of editor: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov

Publishing company: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov

Tel. (8332) 208-964 (Scientific Publishing Company of VyatSU)

Free price

The journal is included in the List of leading peer-reviewed scientific journals, in which the main scientific results of theses for the degree of Dr. and PhD should be published

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

<i>Тимофеев Д. В.</i> Крестьянские прошения в России первой четверти XIX века: реакция власти в поисках решения крепостного вопроса.....	9
<i>Тряхов И. С., Болотов А. В.</i> Спортивная и физкультурная деятельность в годы Великой Отечественной войны (на материалах Владимирского региона).....	16
<i>Касимов Р. Р., Комлев В. А.</i> Причины неудач Красной армии в 1942 г. на примере боевых действий 86-й ОСБр	28
<i>Якимов К. А.</i> Социально-демографическая характеристика евреев-революционеров в конце XIX – начале XX веков	37
<i>Уразгалиев Р. М.</i> Образ приходского священника Православной церкви в начале XX века (по материалам царицынской печати).....	47

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

<i>Михайленко Е. Б., Золотарев Ф. Е.</i> Парадипломатия Екатеринбурга на современном этапе (1990–2021 гг.).....	53
---	----

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

<i>Ермаков А. М.</i> Желтая звезда: нацистская верхушка, немцы и стигматизация евреев в сентябре 1941 г.	64
<i>Ринчинов А. Б.</i> Современный конфликтный потенциал китайско-индийских отношений: образ Индии в китайских СМИ.....	71

ИСТОРИОГРАФИЯ

<i>Постников С. П.</i> Современная историография архитектуры Екатеринбурга. К 300-летию города	78
--	----

ИСТОРИЯ В ДОКУМЕНТАХ

<i>Марковчин В. В.</i> «Пятая колонна» в Иране. Ликвидация прогерманских организаций в 1941–1945 гг. ЧАСТЬ I.....	90
---	----

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Авдеева Е. А., Кашкарева А. П.</i> Литературная музеефикация Югры: стадия, проблемы и перспективы развития	95
<i>Ширинкина Н. А.</i> «Сейчас у нас банковское рабовладение...»: пенсионеры Пермского края о банках, кредитах и займах.....	106
<i>Попова А. Д.</i> Формирование корпоративной культуры у советских милиционеров в 1940–50-е гг.	113

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Тарасов К. Н.</i> Сохранение общей исторической памяти о Великой Отечественной войне	125
---	-----

ИЗ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ

<i>Осипов Е. А.</i> Французская средняя школа и рост религиозного радикализма. Современные тенденции.....	130
<i>Тихомиров Н. В.</i> Концепция русского централизованного государства в контексте «десталинизации» советского школьного образования (1956–1964 гг.).....	135

CONTENTS

NATIONAL HISTORY

<i>Timofeev D. V.</i> Peasant petitions in Russia in the first quarter of the XIX century: the reaction of the authorities in search of a solution to the serf issue	9
<i>Tryahov I. S., Bolotov A. V.</i> Sports and physical culture activities during the Great Patriotic War (based on the materials of the Vladimir region)	16
<i>Kasimov R. R., Komlev V. A.</i> The reasons for the failures of the Red Army in 1942 on the example of the combat operations of the 86th separate rifle brigade.....	28
<i>Yakimov K. A.</i> Socio-demographic characteristics of Jewish revolutionaries in the late XIX – early XX centuries.....	37
<i>Urazgaliev R. M.</i> The image of the parish priest of the Orthodox Church at the beginning of the XX century (based on the materials of the Tsaritsyn press)	47

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONSHIP AND FOREIGN POLICY

<i>Mikhailenko E. B., Zolotarev F. E.</i> Paradiplomacy of Yekaterinburg at the present stage (1990–2021)	53
---	----

GENERAL HISTORY

<i>Ermakov A. M.</i> Yellow Star: The Nazi elite, the Germans and the stigmatization of Jewsi n September 1941	64
<i>Rinchinov A. B.</i> Modern conflict potential of Sino-Indian Relations: the image of India in the Chinese media.....	71

HISTORIOGRAPHY

<i>Postnikov S. P.</i> Modern historiography of Yekaterinburg architecture. To the 300th anniversary of the city.....	78
---	----

HISTORY IN DOCUMENTS

<i>Markovchin V. V.</i> The "fifth column" in Iran. Liquidation of pro-German organizations in 1941–1945. PART I	90
--	----

CULTURAL STUDY

<i>Avdeeva E. A., Kashkareva A. P.</i> Literary museification of Ugra: stage, problems and prospects of development.....	95
<i>Shirinkina N. A.</i> "Now we have bank slavery...": pensioners of the Perm Region about banks, loans and loans.....	106
<i>Popova A. D.</i> Formation of corporate culture among Soviet policemen in the 1940s and 50s	113

REVIEWS AND SCIENTIFIC LIFE

<i>Tarasov K. N.</i> Preservation of the common historical memory of the Great Patriotic War	125
--	-----

FROM THE HISTORY OF EDUCATION

<i>Osipov E. A.</i> French high school and the rise of religious radicalism. Current trends.....	130
<i>Tikhomirov N. V.</i> The concept of the Russian centralized state in the context of the "De-stalinization" of Soviet school education (1956–1964)	135

Крестьянские прошения в России первой четверти XIX века: реакция власти в поисках решения крепостного вопроса

Д. В. Тимофеев

доктор исторических наук, заведующий центром социальной истории,
Институт истории и археологии, Уральское отделение Российской Академии наук.
Россия, г. Екатеринбург. ORCID: 0000-0002-6578-8762. SCOPUS Author ID: 55676146900.
Researcher ID: Q-2287-2015. E-mail: dmitrtim@yandex.ru

Аннотация. Представлены результаты исследования одного из малоизученных аспектов взаимодействия властных институтов и российских крестьян в первые десятилетия XIX в. – практики рассмотрения дел по прошениям крестьян «о свободе из владения». В первой части статьи проведен анализ обстоятельств и правовых оснований для обращения с такого рода прошениями, порядок их рассмотрения. Сопоставление комплекса документов, возникших при рассмотрении частных прошений в губернских учреждениях, Сенате и Комиссии составления законов, позволило выявить содержание и направленность аргументации участников обсуждения проблемы целесообразности корректировки действовавшего законодательства. Одной из таких проблем были выявленные пробелы в российских законах в части выявленной практики ограничений перехода прав на владение крепостными к лицам недворянского происхождения. Этот запрет в первой четверти XIX в. трактовался как превентивная мера, позволявшая уменьшить количество случаев жестокого обращения с крестьянами и дворовыми людьми. На примере разбирательств по конкретным делам выявлено, что несмотря на действия правительства, помещики продолжали отдавать крестьян в услужение, учение или работу по верующим письмам с правом наказания или даже продажи крепостных людей. Во второй половине царствования императора Александра I в правительственных кругах были сформулированы аргументы, посредством которых обосновывалась необходимость запрета перехода крестьян в зависимость от разночинцев купцов, ремесленников и священнослужителей. Одновременно с воспроизводством уже традиционных рассуждений о недопустимости и с юридической, и с морально-нравственной точек зрения применения насилия в отношении крестьян недворянами, использовались аргументы финансово-экономического порядка. Аналогичные аргументы приводились и в различных проектах постепенного смягчения и крепостного права посредством перехода на обязательные как для помещиков, так и для крестьян договорные отношения. В завершении статьи делается вывод о том, что обращения крестьян во властные структуры, даже в условиях крепостного права, были важным элементом информационного взаимодействия власти и подданных.

Ключевые слова: крепостное право, крестьянский вопрос, государственный совет, реформы в России XIX в., законодательство о крестьянах.

Одним из важных аспектов изучения общественного сознания России первой половины XIX в., позволяющим выявить представления современников о наиболее приемлемых моделях и границах социальных взаимодействий, является анализ аргументации, используемой в процессе рассмотрения прошений об освобождении крепостных крестьян. При таком подходе первоочередной задачей исследователя становится не выявление экономических, политических или иных факторов, обусловивших решение по конкретному делу, а то, каким образом и с помощью каких аргументов противоборствующие стороны отстаивали свои позиции, какие риторические приемы они считали наиболее действенными для достижения поставленных целей.

Вопреки распространенному утверждению о том, что крестьянам было запрещено жаловаться на помещиков, обращения такого рода не противоречили указам 3 (12) июня 1762 г., 19 января 1765 г. и 2 августа 1767 г., которые строжайше запрещали подавать жалобы лично в руки монарха, «...минуя надлежащие присутственные места». О том, что была практика

подачи прошений в различные властные структуры подданными «нижнего состояния», свидетельствуют фонды «Сенаторских губернских ревизий» и «Общего департамента Министерства внутренних дел» РГИА. Принятые к рассмотрению прошения порождали комплекс сопроводительных документов, предписаний и материалов расследования, решений судов и местной администрации. В отдельных случаях разбирательство по делам такого рода в Комитете министров, Сенате, Государственном Совете или «Комиссии составления законов» увенчивалось появлением проекта «искоренения помещичьих злоупотреблений» и изданием нового указа.

Яркой иллюстрацией понимания высокопоставленными чиновниками необходимости реагировать на многочисленные обращения крестьян является составленный в результате обсуждения в Сенате и Государственном Совете указ 21 сентября 1815 г. «О законах, коими должно руководствоваться при решении дел о людях, отыскивающих свободу из помещичьего владения» [2, т. 33, с. 283–289]. Со ссылкой на высочайше утвержденный доклад Общего собрания Санкт-Петербургских департаментов Сената были изложены правила рассмотрения дел о людях, «отыскивающих свободу из помещичьего владения». В этом документе впервые был обозначен не только комплекс законодательных актов, которые регламентировали процедуру рассмотрения подобного рода прошений, но и перечислены различия юридических оснований для различных регионов Российской империи.

В частности, утверждалось, что для «губерний Великороссийских» следовало руководствоваться указом 13 мая 1754 г., по которому претендовать на освобождение могли крестьяне и дворовые люди, незаписанные в первые две ревизии 1719 и 1744 гг., а также и те, кто был закрепощен после указов 20 июля 1781 г. и 20 октября 1783 г. [2, т. 33, с. 284]. Особо оговаривалось, что «о вольности» должны были ранее просить «отцы или деды», а освобождаемых по данному основанию крестьян следовало «обращать в казенное ведомство». В отношении «малороссиян, поселившихся на помещичьих землях в губерниях Великороссийских» было предписано принимать решение, опираясь на статью 2 указа 3 мая 1783 г. и запись ревизии 1782 г. Отдельными пунктами указа говорилось: а) «о людях, вывезенных в Россию или взятых в плен из разных наций» (предоставление им свободы было возможно на основании указа 28 июля 1781 г. и 20 декабря 1784 г.); б) о солдатских детях, прижитых по отставке отцов от службы, незаконнорожденных от женщин, принадлежащих казенному ведомству; в) о подкидышах и не помнящих родства; г) о «вдовах и девках мещанских и других свободного звания людях», вышедших замуж за крепостных людей, а после их смерти подавших прошение о свободе; д) о крепостных крестьянах, женившихся на воспитанницах мещанского училища; е) о заштатных церковниках, приписанных к казенным селениям, которые позднее по «Всемилощивейшему пожалованию» были переданы во владение помещику.

Особое внимание в указе уделялось «губерниям Полуденным» (Екатеринославская, Кавказская губернии, область Таврическая, Тамань и Донская область), Малороссийским губерниям и губерниям «от Польши присоединенным». В первой группе губерний для предотвращения самовольного перехода поселян с места на место и побегов крестьян было установлено правило: просители не могут быть «изъяты из помещичьего владения» за исключением случаев «подложной» или «заочной записи» за помещиком. Перечисление юридических оснований предоставления свободы в Малороссии сопровождалось кратким историческим очерком о вольности казаков и указанием на условие предоставления свободы: просители должны были доказать свое казачье происхождение. При решении дел о предоставлении свободы в губерниях, от Польши присоединенных, предписывалось руководствоваться высочайше подтвержденными докладами 18 июня 1779 г., 20 ноября 1808 г. и указом 9 апреля 1806 г. [2, т. 33, с. 283–289].

Таким образом, как следует из текста указа 21 сентября 1815 г., крепостные крестьяне и дворовые люди имели ряд формальных оснований подавать прошения о предоставлении свободы из владения помещика. Проведенный анализ крестьянских прошений показал, что на практике поводом для обращения были различные обстоятельства: жестокое обращение; неспособность помещика прокормить крестьян в неурожайные годы; жалобы на разорение имения после смерти помещика и передачи крестьян новым владельцам, наследственные права которых оспаривались в судебном порядке; в связи с отказом помещика исполнять подписанный ранее договор о переводе их в «свободные хлебопашцы» и проч. [6, с. 79–90].

В первой четверти XIX в. количественно увеличивается еще одна группа прошений – «об отыскании свободы из рабства» от дворовых людей и крестьян, находившихся в распоряжении лиц недворянского происхождения. Фактическое закрепощение крестьян недворянами

происходило в результате «отдачи» помещиком людей в «услужение» или «учение» по так называемым верющим письмам. Фактически под видом временного перевода в таких случаях совершалась незаконная продажа крестьянина или дворового человека.

Нарушения лицами недворянского происхождения запрета владеть крепостными крестьянами вызывали негативную реакцию власти. Например, 20 мая 1812 г. высочайше утвержденным мнением Государственного Совета помещикам было запрещено выдавать верющие письма, в которых доверителю недворянину разрешалось продавать людей поодиночке и без земли. 23 октября 1816 г. император утвердил мнение Государственного Совета¹ «О мерах к прекращению злоупотреблений по предмету укрепления крестьян разночинцами и прочими, дворянского права не имеющими лицами, по верющим письмам» [2, т. 33, с. 1056–1057]. В нем объявлялось, что все существовавшие до издания этого указа письма, выданные лицам недворянского происхождения, должны быть уничтожены в срок не позднее одного года для помещиков, проживающих в России, и двух лет – для тех, кто находился за границей; если же выданные ранее письма своевременно не будут уничтожены, что крестьянам или дворовым людям предоставлялась личная свобода и право записаться в другое состояние. После уничтожения доверенностей разрешалось заключать новые условия, но уже в строгом соответствии с правилами, изложенными в указе.

В действительности данный указ мало что изменил в характере взаимоотношений крестьян с помещиками и держателями верющих писем. В ряде случаев крестьянин, десятилетиями находившийся во владении недворянина, полностью утрачивал какую-либо связь с законным владельцем. Считая, что разночинец, купец или священнослужитель удерживал его незаконно, он подавал прошение об отыскании «свободы из рабства» [3, л. 5]. Если прошение не противоречило действующему законодательству, то разбирательство не вызывало у местных чиновников особого затруднения. Более сложными были случаи, когда при рассмотрении прошения выдвигались противоречивые трактовки норм закона чиновниками губернского и имперского уровней. Порой возникали дела, решения по которым оспаривались как крестьянами, так и помещиками. При таком развитии событий чиновники и заинтересованные стороны тяжбы обращались в вышестоящие инстанции, участниками обсуждения становились сенаторы, министры и члены Государственного Совета.

Показательным примером является дело по прошению крестьянина Тимофеева, «ищущего вольности из владения помещика А. Мещеринова» [4, л. 6]. Решением от 30 января 1800 г. Кирсановского уездного суда крестьянин был объявлен свободным и 2 декабря 1801 г. записан в мещанское состояние. Но его помещик подал апелляцию на это решение уездного суда в Тамбовскую Палату гражданского суда, которая, не имея информации о записи крестьянина в мещанство, предписала ему «остаться за помещиком». Однако, как следует из материалов дела, решение исполнено не было. Об этом свидетельствуют составленные в 1810 г. два постановления II департамента Сената. В первом из них департамент подтверждал решение Тамбовской Палаты о возвращении крестьянина во владение помещика, а во втором, «...когда открылось, что Тимофеев записан в мещанство <...>, оставил с семейством его в прежнем состоянии» [4, л. 9, 24]. Многолетнее разбирательство закончилось предоставлением крестьянину свободы.

В условиях существования в России прецедентной системы права подобного рода дела нередко становились поводом для постановки вопроса об устранении выявленных противоречий и пробелов в действовавшем законодательстве. Например, через 12 лет после вынесения решения (в декабре 1822 г.) материалы по делу крестьянина Тимофеева были направлены в «Совет комиссии составления законов» для подготовки заключения о целесообразности утверждения единых правил рассмотрения «прошений об отыскании свободы из владения помещиков». Участники обсуждения признавали, с одной стороны, «...что никакое решение низшего суда нельзя почитать окончательным, когда законом дозволяется на него апелляция», следовательно, помещик имел право вернуть принадлежавшего ему ранее работника. С другой стороны, ссылаясь на манифест 14 марта 1775 г. и указ 27 сентября 1815 г., члены комиссии подчеркивали: «...получивший однажды свободу, на основании наших законов, не может уже терять оную» и уточняли, что в подобных случаях крестьянин «должен быть отпускаем по паспорту для прокормления, как и прочие люди свободного состояния» [4, л. 26,

¹ Данный вопрос рассматривался в департаменте законов Государственного Совета 09.07.1815, 01.11.1815 и 28.05.1816 [1, с. 253–257].

296–30]. Одновременно был сформулирован ответ на принципиально важный вопрос: кто именно, помещик или крестьянин, должен выплачивать подушную подать до вынесения окончательного решения по делу в Сенате? В результате обсуждения в Общем собрании Государственного совета и в Общем собрании Санкт-Петербургских департаментов Правительствующего Сената был составлен проект указа. Позднее он, наряду с материалами по аналогичным делам, использовался при подготовке указа от 31 мая 1824 г., вводившим правило: если помещик заблаговременно (не позднее 1 месяца) не заявлял о несогласии с решением Губернского правления, крестьянин объявлялся «вечно свободным» и самостоятельно выплачивал подушную подать. Если бывший владелец в течение года подавал апелляцию в Сенат, то крестьянин, сохраняя право выбора места жительства и «рода занятий», получал до вынесения окончательного решения по его делу в Сенате статус «временно свободного». В таком случае финансовое бремя выплат в казну на протяжении всего периода рассмотрения дела возлагалось на помещика [4, л. 48–48 об.; 9, с. 341–342]. Таким образом, первоначально инициированный по жалобе крестьянина вопрос стал поводом для корректировки законодательства и выработки официальной позиции власти для всех аналогичных случаев.

Еще одна попытка ограничить распространение практики подложной продажи крестьян недворянам предпринималась в 1823 г. 30 апреля Сенат опубликовал высочайше утвержденное 10 апреля мнение Государственного совета «О воспрещении разночинцам иметь в услужение дворовых людей и крестьян по верующим письмам их помещиков» [2, т. 38, с. 906–908]. В преамбуле указа была дана краткая предыстория рассмотрения вопроса, позволяющая реконструировать последовательность рассмотрения такого рода дел. Санкт-Петербургское губернское правление доводило до сведения Сената информацию «о разных дворовых людях, находящихся по контрактам и условиям во владении у разночинцев». В донесении констатировалось, что разночинцы, «...держа их в своем распоряжении и услугах, предъявляют данные от помещиков покормежные виды, плакатные паспорта, адресные билеты, верующие письма <...>, и наконец, заключенные с помещиками контракты на учение дворовых людей, имеющих от роду от 20 до 30 лет и более, мастерствам и хозяйственным занятиям, хотя сами ни в каком цехе не состоят» [2, т. 38, с. 907]. Последнее обстоятельство позволяло поставить под сомнение достоверность намерений как помещика, так и лица, к которому направлялся крестьянин или дворовой человек, и представить на рассмотрение Сената ряд вопросов. При этом в самой формулировке первого вопроса четко прослеживается негативное отношение к сложившейся практике незаконной эксплуатации крестьян: «должны ли оставаться в рабстве дворовые люди, на коих ныне предъявлены упомянутые сделки о державших их прежде по верующим письмам разночинцев, которые об уничтожении тех верующих писем в годовой срок не представили в судебное место доказательств?» [2, т. 38, с. 907]. Показательно, что положение крестьян, находившихся в полной личной зависимости от лиц недворянского происхождения, обозначалось понятием «рабство».

Не менее важными представляются формулировки второго и третьего вопросов. Содержательно в них было прописано предложение Санкт-Петербургского губернского правления разрешить временное пребывание «дворовых людей в учение не иному кому, как записанным в цех мастеровым» и законом установить предельный возраст такого рода учеников². Кроме этого, сенаторам предлагалось разрешить или запретить удовлетворение казенных и частных долгов помещика крепостными, находящимися по неуничтоженным в установленный срок верующим письмам. По итогам рассмотрения обозначенных вопросов в I департаменте и Общем собрании Сената было решено: 1) признать недействительными условия «на отдачу в учение» лицам, не записанным в цеховую управу, а уже «отданным людям» предоставлять свободу «избирать себе род жизни»; 2) лицам недворянского происхождения дозволялось «держат у себя в услугах отпускаемых по узаконным видам людей и крестьян», но только на условиях найма, то есть с обязательной оплатой их труда; 3) при возмещении долговых обязательств не включать крепостных людей в счет долга, а предоставлять им свободу. По мнению членов комиссии составления законов, поддержанное и Сенатом, и Государственным Советом, для «отвращения злоупотреблений, кои, несмотря на все запретительные узаконения, доказываются примерами», необходимо ввести наказание для помещиков в виде денежного штрафа [2, т. 38, с. 907–908].

² Установление предельного возраста крепостных людей в учение Департамент Законов Государственного Совета и Сенат посчитал нецелесообразным [1, с. 518].

Однако намерение властей прекратить практику незаконной продажи крестьян лицам недворянского происхождения не привело к желаемому результату. Несмотря на угрозу штрафа в размере до 500 руб. с последующим принудительным освобождением работников, стремление владеть крепостными было сильнее установленных государством запретов. В ходе проведения сенаторских ревизий прошения дворовых людей и крестьян об отыскании свободы из владения разночинцев продолжали поступать. Например, сенаторам-ревизорам Вятской губернии А. Долгоруковым и Е. Дурасовым осенью 1824 г. было подано прошение дворовой девки Прасковьи Хромых, ищущей свободы из владения священнослужителя, в котором она жаловалась на решение губернского правления, отказавшего признать ее свободной. Из материалов расследования сенаторам стало известно, что просительница ранее принадлежала помещику Буткевичу, но была отдана им без составления какого-либо документа во владение купца Чарушина, который по истечении двух лет передал ее священнику Бердникову. После этого, по доверенности от помещика Буткевича, она была продана титулярным советником Красниковым жене прапорщика Шилова, которая через некоторое время также продала ее помещице Машковцевой. Такая сложная последовательность перехода дворовой девки от одного владельца к другому отражала лишь формальную сторону дела, так как все это время Прасковья Хромых продолжала жить в доме священника «без всякого акта» [5, л. 2–3 об.].

Изучив материалы прошения, ревизоры констатировали, что просительница «находилась во владении людей, не имеющих никакого права, проживала у них безо всяких актов», и способствовал этому «слабый надзор губернского начальства в наблюдении за точным соблюдением Высочайшей по сему предмету воли». Ссылаясь на указ 24 ноября 1816 г., они постановили: «...девке Хромых, обще с незаконно прижитыми ею детьми, предоставить свободу и право избрать род жизни по ея желанию..., а на виновных в неправильном владении ею и держании ее без пашпартов обратиться взыскание», а также объявить выговор Вятской градской полиции и губернскому правлению за «слабый надзор» [5, л. 4 об.]. Этим же постановлением было приказано обязать полицию принять меры к охранению дворовой девки Хромых до вынесения окончательного решения дела в Сенате [5, л. 6]. Ревизоры признали, что рассматриваемый случай не уникален, им известно «большое количество дел подобного рода, производящихся долговременно в уездных судах...» [5, л. 4 об.].

Логически продолжением попытки государства прекратить переход крепостных людей в личную зависимость различных категорий населения, не имевших права владения населенными землями, стало инициированное в процессе рассмотрения жалобы дворовой девки Авдотьи Ермолаевой на «жестокости и побои» от казанского мещанина Селезнева, жене которого она была отдана в услужение княгиней Болховской в 1817 г. Через два года пребывания в доме мещан Селезневых А. Ермолаева подала жалобу Казанскому Губернскому прокурору. Данное дело интересно тем, что оно содержит развернутую аргументацию против отдачи крепостных людей в услужение недворянам.

Члены Государственного Совета, признавая наличие у дворян права временно посылать своих людей для работы по контрактам, также поддерживали запрет на передачу крепостных в услужение разночинцам. При обосновании целесообразности запрещения подобной практики члены Государственного Совета отмечали, «...что таковое условие помещика с нанимателем его людей во услужение, не имеющим дворянского права, заключает в себе род кабалы, законами воспрещенной, и что под сим предлогом явно допускается нарушение закона, возбраняющего владеть крепостными людьми не имеющим на то права» [2, т. 39, с. 495]. Возможность неоднократного продления времени пребывания крестьян в услужении посредством периодического перезаключения договора, по мнению участников обсуждения, делала возможным нанимателю «...под видом временного владельца <...> оставаться таковым даже до самой смерти отданных в услужение ему людей». Было признано: «...под сим предлогом легко может скрываться даже и самая сделка в продаже оных, прикрытая только одной формою подобного условия» [2, т. 39, с. 495–496].

Дополнительными аргументами против сохранения права помещика отдавать крепостных людей в услужение недворянам были рассуждения финансово-экономического порядка, которые, по сути, воспроизводили привычные для обоснования многих решений, касавшихся изменения прав и обязанностей различных сословных и внутрисословных групп российского общества. Отмечалось, что, во-первых, при существующем порядке «...казна теряет доход, который она получает при выдаче паспортов рабочим людям», а во-вторых, при долговременном нахождении крестьян в услужении «могут произойти злоупотребления и притеснения

крепостным людям» и «даже укрепление их во вред свободному обращению работы, столь полезной для промышленности» [2, т. 39, с. 494]. В такой трактовке вводимый запрет должен был способствовать увеличению поступлений в государственный бюджет и развитию частной торговли, ремесленничества и небольших мануфактурных производств.

Следует отметить, что аналогичные аргументы высказывали в своих прошениях и проектах фабриканты и купцы, предлагавшие разрешить им (при сохранении всех прав и привилегий российского дворянства) приобретать населенные крестьянами земли. Авторы этих прошений обосновывали данную меру желанием улучшить положение крепостных людей, так как обязательным условием покупки населенных крестьянами земель было публичное и добровольное подписание договора. Согласованный при участии местных властей со всеми заинтересованными сторонами такой договор мог четко обозначить обязанности крестьян и порядок распределения между ними земельных участков. Были случаи, когда, основываясь на предложениях купечества, представители правящей элиты разрабатывали собственные проекты постепенного упразднения внеэкономической зависимости крепостных крестьян³.

Обращения российских подданных во властные структуры, вне зависимости от того, каким образом решалось конкретное дело, были действенным каналом обратной связи в системе управления как регионального, так и общероссийского уровня. В первой половине XIX в. одной из целей подобного информационного взаимодействия был поиск компромиссного решения крестьянского вопроса, при котором предоставление крепостным людям личной свободы не посягало бы на права частной собственности, одновременно минимизировало бы риск обострения социальных конфликтов.

Список литературы

1. Архив Государственного совета. Т. 4. Царствование императора Александра I. С 1810 по 19 ноября 1825 г. Журналы по делам департамента законов. СПб, 1874. С. 253–257, 516–520.
2. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 г. СПб., 1830. Т. 33. № 25.947. С. 283–289; № 26.469. С. 1056–1057; Т. 38. № 29.416. С. 906–908; Т. 39. № 29.935. С. 341–343; № 30.040. С. 493–496.
3. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 1553. Оп. 1. Д. 177.
4. РГИА. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 763.
5. РГИА. Ф. 1554. Оп. 1. Д. 80.
6. Тимофеев Д. В. «Свобода» и «рабство» в крестьянских прошениях первой четверти XIX века // Вопросы истории. 2015. № 7. С. 79–90.
7. Тимофеев Д. В. Инструментализация понятия «свобода» в России первой четверти XIX века // Вестник Пермского университета. История. 2016. № 4(35). С. 44–52.
8. Тимофеев Д. В. Перспективы решения крепостного вопроса в России первой четверти XIX века в отражении недворянских проектов и слухов // MAGISTRA VITAE. 2017. № 2. С. 9–26.
9. Тимофеев Д. В. Теория и практика источниковедения в исследованиях по истории крестьянского вопроса в России первой четверти XIX века // Мир историка и пространство истории : сборник статей к юбилею профессора Н. Н. Алеврас. Челябинск : Энциклопедия, 2018. С. 259–274.

Peasant petitions in Russia in the first quarter of the XIX century: the reaction of the authorities in search of a solution to the serf issue

D. V. Timofeev

Doctor of Historical Sciences, Head of the Center for Social History,
Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Russia, Yekaterinburg. ORCID: 0000-0002-6578-8762. SCOPUS Author ID: 55676146900.
Researcher ID: Q-2287-2015. E-mail: dmitrtim@yandex.ru

Abstract. The article presents the results of a study of one of the little-studied aspects of the interaction of government institutions and Russian peasants in the first decades of the XIX century – the practice of considering cases on petitions of peasants "for freedom from possession". The first part of the article analyzes the circumstances and legal grounds for applying with such petitions, the procedure for their consideration. A comparison of the set of documents that arose during the consideration of private petitions in provincial institutions, the Senate and the Law Drafting Commission made it possible to identify the content and direction of the

³ См. подробнее, например, проект купца, коммерц-советника Ольхина и проект министра внутренних дел О. П. Козодавлева [7, с. 49–50].

argumentation of the participants in the discussion of the expediency of adjusting the current legislation. One of such problems was the identified gaps in Russian laws regarding the revealed practice of restrictions on the transfer of rights to own serfs to persons of non-noble origin. This prohibition in the first quarter of the XIX century. It was interpreted as a preventive measure that allowed to reduce the number of cases of ill-treatment of peasants and yard people. Based on the example of proceedings in specific cases, it was revealed that despite the actions of the government, landlords continued to give peasants into service, study or work according to letters of faith with the right to punish or even sell serfs. In the second half of the reign of Emperor Alexander I, arguments were formulated in government circles, through which the need to prohibit the transition of peasants to dependence on merchants, artisans and clergymen was justified. Simultaneously with the reproduction of the already traditional arguments about the inadmissibility, both from a legal and moral point of view, of the use of violence against peasants by non-nobles, arguments of the financial and economic order were used. Similar arguments were also given in various projects of gradual softening and serfdom by switching to contractual relations that are mandatory for both landlords and peasants. At the end of the article, it is concluded that the appeals of peasants to power structures, even in conditions of serfdom, were an important element of information interaction between the authorities and subjects.

Keywords: serfdom, peasant question, state Council, reforms in nineteenth-century Russia, legislation on peasants.

Rerences

1. *Arhiv Gosudarstvennogo Soveta* – Archive of the State Council. Vol. 4. The reign of Emperor Alexander I (from 1810 to November 19, 1825). Journals on the affairs of the Department of Laws. SPb. 1874. Pp. 253–257, 516–520.
2. Complete collection of laws of the Russian Empire from 1649. SPb. 1830. Vol. 33. No. 25.947. Pp. 283–289; No. 26.469. Pp. 1056–1057; Vol. 38. No. 29.416. Pp. 906–908; Vol. 39. No. 29.935. Pp. 341–343; No. 30.040. Pp. 493–496. (in Russ.)
3. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv* – Russian state historical archive (RSHA). F. 1553. Inv. 1. File 177.
4. RSHA. F. 1260. Inv. 1. File 763.
5. RSHA. F. 1554. Inv. 1. File 80.
6. Timofeev D. V. "Svoboda" i "rabstvo" v krest'yanskikh prosheniyah pervoj chetverti XIX veka ["Freedom" and "slavery" in peasant petitions of the first quarter of the XIX century] // *Voprosy istorii* – Questions of history. 2015. No. 7. Pp. 79–90.
7. Timofeev D. V. *Instrumentalizaciya ponyatiya "svoboda" v Rossii pervoj chetverti XIX veka* [Instrumentalization of the concept of "freedom" in Russia in the first quarter of the XIX century] // *Vestnik Permskogo universiteta. Istorija* – Herald of Perm University. History. 2016. No. 4 (35). Pp. 44–52.
8. Timofeev D. V. *Perspektivy resheniya krest'yanov voprosa v Rossii pervoj chetverti XIX veka v otrazhenii nedvoryanskikh proektov i sluhov* [Prospects for solving the serf issue in Russia in the first quarter of the XIX century in the reflection of non-noble projects and rumors] // *MAGISTRA VITAE*. 2017. No. 2. Pp. 9–26.
9. Timofeev D. V. *Teoriya i praktika istochnikovedeniya v issledovaniyah po istorii krest'yanskogo voprosa v Rossii pervoj chetverti XIX veka* [Theory and practice of source studies in research on the history of the peasant question in Russia in the first quarter of the XIX century] // *Mir istorika i prostranstvo istorii : sbornik statej k jubileyu professora N. N. Alebras* – The world of the historian and the space of history : collection of articles for the anniversary of Professor N. N. Alebras. Chelyabinsk. Encyclopedia. 2018. Pp. 259–274.

Спортивная и физкультурная деятельность в годы Великой Отечественной войны (на материалах Владимирского региона)

И. С. Тряхов¹, А. В. Болотов²

¹кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России,
Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. Россия, г. Владимир.
ORCID: 0000-0001-6488-5205. Researcher ID: AAE-6529-2021. E-mail: ilja.tryahoff@yandex.ru

²доцент кафедры физической культуры,
Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых.
Россия, г. Владимир. ORCID: 0000-0002-9167-016X. E-mail: anatoly.bolotow@yandex.ru

Аннотация. Спортивная и физкультурная работа с самого начала существования советского государства рассматривалась как способ подготовки кадров для армии и революции. Отечественным историкам в настоящее время удалось реконструировать физкультурную и спортивную жизнь в ряде регионов СССР в годы военного лихолетья. В то же время среди неизученных остается рассматриваемый в статье Владимирский край. На материалах партийных фондов Государственного архива Владимирской области авторы попытались выявить основные сложности, возникавшие в этой сфере в 1941–1945 гг. В условиях Великой Отечественной войны военно-физкультурная работа осложнялась нехваткой спортивного инвентаря и инструкторов. Наиболее важным видом спорта, который имел военно-прикладное значение, являлись лыжи. Массовому их распространению мешал острый недостаток инвентаря, несмотря на правительственные постановления об их срочном производстве. В военные годы организовывались регулярные соревнования по лыжным гонкам зимой и беговому кроссу летом. На такие мероприятия привлекалась преимущественно молодежь, а комсомольские организации, по мысли властных структур, должны были своим примером показывать необходимость спортивной подготовки. Имеющиеся документы показывают, что реальная деятельность в этой сфере отличалась от той, которая была запланирована. Во многом это было вызвано войной и нехваткой средств для масштабной физкультурной и спортивной работы, а также уменьшением количества квалифицированных инструкторов, немалая часть которых была призвана в действующую армию. В то же время местные хозяйственные руководители далеко не всегда уделяли должное внимание спортивной сфере из-за решения задач, связанных с обеспечением армии необходимым оружием и снаряжением.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, физическая культура, советский тыл, спортивные мероприятия, лыжная подготовка.

История физической культуры и спорта традиционно интересует не только историков, но и педагогов. Исследование ее развития в советском государстве занимает специалистов достаточно давно. Во времена СССР известнейшим ученым, занимавшимся изучением историей физкультуры в стране Советов, был Г. С. Деметр. В своем основном труде автор смог проследить развитие этой сферы общественной жизни в первые десятилетия советской власти вплоть до начала Великой Отечественной войны. Г. С. Деметр обращал особенное внимание на роль создателя Советского Союза В. И. Ленина в становлении физкультурной работы в стране. Сам вождь мировой революции был отнюдь не чужд спорту и был заядлым спортсменом-любителем [49]. С точки зрения Ленина, хорошая физическая готовность есть неотъемлемая необходимость для любого революционера, так как она позволит в случае неудачи выдержать трудные жизненные условия (ссылку, тюрьму) или же вообще предотвратит арест. Как только партия большевиков пришла к власти, ее лидеры стали активно продвигать спорт и физкультуру в народные массы, и эта сфера общественной жизни постепенно становилась элементом не только элитарной и городской жизни, но и стремительно добиралась до сельских жителей. После смерти основателя СССР внимание к физической культуре не ослабло. Напротив, систематически стали проводиться марши физкультурников, росло количество спортивных кружков и секций, а также окончательно сложились добровольные спортивные общества. Физкультура и спорт в 1930-е гг. окончательно стали носить военно-прикладной характер, особое значение в предвоенные годы имели Всевобуч (всеобщее воинское обуче-

ние) и Осоавиахим (общество содействия обороне, авиации и химическому строительству), направленные на подготовку кадров для Красной армии. Стоит отметить, что советское руководство предпочитало проводить рабочие Спартакиады исключительно внутри страны, практически не принимая участия в довоенные годы в мировой спортивной жизни.

В настоящее время отечественные исследователи ведут работу над выявлением особенностей и специфики физкультурной работы в годы Великой Отечественной войны. Годы военного лихолетья стали наглядной проверкой достижений советской спортивной системы, сложившейся в предвоенные годы. Существующие исторические исследования, посвященные проблемам физкультурной работы, носят в первую очередь региональный характер [54; 60; 76]. Ученые дают характеристику деятельности комитетов по делам физкультуры и спорта [58; 66], пишут обзоры [61; 80] и реконструкции спортивной деятельности [53; 71; 77; 78]. В то же время ряду авторов удалось проследить государственную политику в области физической культуры в условиях военного времени [1; 55; 67; 79]. Исследования посвящены деятельности общественных спортивных организаций в подготовке молодежи к военному делу [62]. Особое внимание обращается на традиционную советскую особенность в развитии спорта – ставку на массовость [56; 57; 63]. Отдельные статьи посвящены физкультурной работе не только в регионах РСФСР, но и в иных союзных республиках огромного Советского Союза [73].

Немалое внимание педагоги и историки уделяют развитию в условиях военного времени отдельных видов спорта. Первейшее внимание здесь принадлежит лыжному спорту, что, разумеется, не случайно. Именно лыжи являлись стратегически важным видом спорта, отдельным пунктом, стоявшим в процессе подготовки воинов, которые могли бы действовать в условиях глубокого снега. Обучение населения лыжному делу велось и в предвоенные десятилетия, для чего в СССР было организовано массовое изготовление лыж, но особенно значительно к этому подтолкнул противоречивый опыт советско-финской войны 1939–1940 гг. [51; 52; 76]. Разумеется, особая роль в этой сфере принадлежала северным регионам страны (например, Карелии и Коми), Сибири и центральным областям европейской части СССР. Военно-физкультурной работе в отдельных регионах советского тыла посвящены целые диссертационные исследования [50; 65; 72].

Несмотря на немалое количество трудов по интересующей нас тематике, далеко не все регионы остаются изученными, нет обобщающих исследований по истории развития физкультурного движения в годы Великой Отечественной войны. Развитие физкультуры в Ивановской области затрагивает в своих трудах В. С. Околотин, но в собранных им материалах почти нет информации о Владимирском крае, рассмотрены в основном только общие установки ивановского обкома в этой сфере [68; 69]. Таким образом, статья ставит своей целью заполнить существующую лауну в исследовании заявленной темы в конкретном регионе и попыткой выявить специфику Владимирской области (как субъекта Центральной России) в сфере физической культуры и спорта в эпоху военного времени 1941–1945 гг.

Источниками для выполнения поставленных задач послужили разнообразные документы, хранящиеся в партийных фондах Государственного архива Владимирской области, материалы деятельности Осоавиахима и городских комитетов обороны. Кроме того, в фондах ряда предприятий и учреждений региона также встречаются упоминания о физкультурной и спортивной работе.

Общественные организации, которые должны были готовить физически развитых граждан – будущих защитников страны, упоминались немецкими военными руководителями еще в период подготовки агрессии вермахта против СССР. Начальник штаба сухопутных сил вермахта генерал-полковник Ф. Гальдер в своем дневнике 21 мая 1941 г. записал, что «Россия активизирует деятельность «Осоавиахима» [48]. Данное упоминание само по себе свидетельствует о важности данной структуры в подготовке военных кадров, правда, не имеющих реального боевого опыта, что, по мнению Ю. Г. Веремева, сильно нивелировало их реальную ценность в боевой обстановке [2].

Добровольные общества выполняли вспомогательную функцию по отношению к действующей армии, служили резервом по подготовке кадров. Помимо общесоюзной организации Осоавиахима существовали спортивные общества местного значения в городах, которыми обычно руководили профсоюзы. К таковым относились спортивные общества «Спартак», «Зенит», «Локомотив» и тому подобные. Положение этих структур было различным, кто-то влачил жалкое существование, не имея достаточного финансирования и соответствующих

запасов инвентаря, положение в иных было чуть лучшим, но несмотря на требование партии развернуть военно-физкультурную работу, выполнялось оно слабо.

В годы войны физкультурная подготовка имела особенное значение, так как стране требовались граждане, хорошо подготовленные физически. Особое значение приобретали соревнования по лыжам в зимний период и беговые кроссы летом. Соответствующие инстанции регулярно отчитывались на заседаниях горкомов об успехах в выполнении участниками норм ГТО.

23 июня 1941 г. Ивановский областной комитет по делам физкультуры и спорта издал приказ организовать военную подготовку в физкультурных учреждениях. Спортивно-массовые мероприятия было предписано вплоть до особого распоряжения не проводить [46, л. 133]. Но уже очень скоро это решение было изменено. Военно-физкультурная работа должна была стать основным направлением в деятельности комсомола [24, л. 2 об.]. 15 августа 1941 г. ГКО СССР издал постановление «О производстве и поставке лыж Наркомату обороны» в количестве 2200 тыс. пар до 1 декабря 1941 г. Предприятия Ивановской области согласно документу должны были произвести 70 тыс. пар лыж [68, с. 89]. Традиционные лыжные соревнования обычно приурочивались к годовщине создания РККА [22, л. 3–4].

В отчетном докладе III городской партийной конференции Коврова указывалось, что «основная задача физкультурных организаций в дни войны – подготовка квалифицированных, всесторонних физически здоровых кадров для пополнения рядов Красной армии». Все массовые физкультурные мероприятия должны были военизироваться. Трудящихся обучали движению шагом, бегом и другими способами и по любой местности, предполагалось научить их преодолевать различные препятствия и водные преграды, владеть рукопашным боем и ходить на лыжах.

На 1 июля 1941 г. в Коврове в спортивных обществах состояло 1147 человек, на 1 августа 1942 г. таковых было уже 1451 человек [8, л. 66]. В физкультурных организациях города было больше женщин. Из 1147 человек 725 были женщины. В Коврове имелись спортивные общества: «Зенит», «Локомотив», «Спартак», «Учитель», «Медик» [10, л. 13]. Рост членства в них был слабым [13, л. 68 об.]. База спортивного общества «Зенит» была благоустроена, а вот спортбаза Машинностроительного завода (МСЗ) не являлась культурным очагом. В городе имелось 802 пары лыж, из них 465 хранилось на базе общества «Зенит». При этом количество лыж, по мнению горкома, давало возможности к перевыполнению плана, чего в действительности не было [15, л. 5 об.]. В 1945 г. в городе числилась также водная станция с лодочным парком в количестве 15 штук, три гимнастических зала, две лыжных базы, 12 спортплощадок и городков, 18 волейбольных площадок. Но спортивного инвентаря все равно не хватало [17, л. 25]. Тогда же по документам насчитывалось 18 физкультурных коллективов, в которых состояло 4231 человек. Было создано 13 спортивных секций в составе 3431 участника, но их работа была нерегулярной [17, л. 78]. Кроме того, было 11 волейбольных площадок, две полосы препятствий, а необходимых в условиях войны штурмовых городков с устройством рвов, окопов, заборов, блиндажей не имелось [10, л. 13].

В Муроме в 1941 г. имелось 13 лыжных баз с 1016 парами лыж, правда, 25–30 % из них были не оборудованы креплениями. В то же время в железнодорожном училище города военрук Комликов организовал не только лыжные тренировки, но и массовые лыжные походы. По его заявлению, удалось подготовить к лыжному кроссу 635 человек [33, л. 65]. Несмотря на дефицит лыж и креплений, к ним по заданию обкома город должен был подготовить 3000 лыжников. Для ускорения их подготовки бюро горкома предложило выявить количество лыж как в общественном, так и в личном пользовании граждан, и как можно скорее отремонтировать [32, л. 30].

Работа физкультурных организаций города, по мнению местного партийного руководства, была запущена. Всего в городе насчитывалось 12 спортивных обществ, но количество членов в них не было учтено. С началом войны на ряде предприятий физкультурные организации распались, работа на многих не велась [31, л. 29–29 об.]. На совещании муромского горкома 16 февраля 1943 г. было отмечено, что не хватало военруков, многие из них не успев приступить к работе, мобилизовывались в армию. Кроме того, отмечалось, что у руководителей военно-физкультурного дела не было военного духа, а в школах города отсутствовали руководители лыжной подготовки [35, л. 1].

В Осоавиахиме Владимира в 1941 г. состояло 10151 человек, функционировало 134 первичные организации, был подготовлен 171 военный специалист и 1252 ворошиловских стрелка [4, л. 79]. Несмотря на определенные усилия местных партийных и советских органов,

физкультура не стала неотъемлемой частью в повседневном воспитании молодежи. В городе не было оборудованного стадиона, а зимой отсутствовал каток [6, л. 5]. Во Всевобуче в 1942 г. занималось 779 человек [6, л. 82]. В 1944 г. в очередном летнем кроссе во Владимире приняли участие 9611 человек, вместо 8500 по плану. Особенно отмечалось, что на фронтах войны храбро сражалось 128 лыжников-комсомольцев. В то же время в городе оставались и хорошо подготовленные кадры физкультурников [6, л. 5]. Для обучения лыжному делу в основном была привлечена учащаяся молодежь, в то же время молодые люди с предприятий и учреждений были задействованы не так значительно. Охватить необходимое количество населения лыжами не удавалось. Планы по ремонту и строительству новых спортплощадок существовали, но реализовать их было затруднительно [43, л. 8, 12].

Согласно данным, озвученным на заседании областного исполкома 14 декабря 1944 г., во Владимирском регионе имелось семь стадионов, 12 физкультурных залов, 160 спортивных площадок. Но отмечалось, что спортивные объекты содержатся в неудовлетворительном состоянии. Во Владимире, Гусь-Хрустальном, Собинке стадионы были разорены, а часть спортплощадок и залов заняты под другие цели. В связи с исчерпыванием свободных площадей в городах под использование подсобных хозяйств с 1943 г. начались регулярные попытки перевести спортивные площадки под огороды. Так поступили в Никологорах и Гороховце [47, л. 35]. Военный отдел Коврова, в числе ряда структур отвечавший за физкультурную подготовку, выступил с протестом по поводу такой практики. Отмечалось, что все это характерно для всей области, и соответствующее указание обкома предписывало бороться с этой тенденцией [16, л. 7]. Физкультурные залы в Гусь-Хрустальном и Владимире теперь были общежитиями и учреждениями [47, л. 35]. Дефицит материалов и топлива приводил к растаскиванию объектов инфраструктуры, в том числе спортивных сооружений. В Муроме местными жителями на дрова был разобран забор на стадионе «Локомотив» [30, л. 19].

В 1943 г. в спортивных обществах Коврова состояло 1698 человек. Среди них 1164 женщины и лишь 534 мужчины. За первые три месяца 1943 г. было проведено четыре лыжных соревнования, два пробега до Иваново и три внутри района [14, л. 16]. Таким образом, членство в спортобществах, несмотря на войну, несколько выросло. На базе одного из спортивных обществ в Коврове имелось 109 пар лыж, 259 пар коньков, 156 штук маек-безрукавок, 105 маек-полурукавок, 83 штуки трусов, 190 футболок и 114 свитеров. Считалось, что «база богатая, но из года в год она разбазаривалась». В предыдущие годы часть спортивного инвентаря осталась несобранной у членов общества, половина из которых в городе не проживала [7, л. 17 об.]. Некоторые граждане считали возможным фактически присваивать себе общественную собственность.

В 1943 г. согласно докладной записке военного отдела Гусь-Хрустального в городе было 2500 человек физкультурников старше 16 лет и 2000 членов добровольных обществ. В лыжном и летнем комсомольском кроссе, а также в велопробеге приняло участие 10325 человек [25, л. 9]. В Александрове действовало 43 организации Осоавиахима с общим числом членов 2990 человек [28, л. 5], также действовало пять добровольных спортивных обществ [29, л. 47]. В Александровском районе в 1943 г. в кроссе приняло участие 1586 человек, а в 1944 г. количество участников выросло до 2037 человек. Нормы ГТО сдали 1957 человек. Половину соревнующихся обычно составляли комсомольцы [29, л. 35 об.]. Проводились как личные, так и командные первенства по лыжам [29, л. 47].

В Кольчугино к 1944 г. действовало 16 организаций Осоавиахима с 1988 членами. Было организовано 75 лыжных команд. Проводились соревнования внутри школ, между коллективами фабрично-заводских училищ и тому подобное [38, л. 1, 4].

Зимой 1942–1943 гг. физкультурные организации города Вязники подготовили 1179 человек лыжников, в лыжном кроссе той зимой участвовало 2200 человек. Спортивно-массовая работа находилась в то же время на низком уровне, материальная база была в запущенном состоянии. За два военных года единственный городской стадион и водная станция пришли в состояние упадка и невозможности использования [42, л. 88]. Здесь также отмечалась нехватка инструкторов по физкультуре [40, л. 16].

После проведения Всесоюзного профсоюзно-комсомольского кросса физкультурные коллективы Вязников, ссылаясь на отсутствие помещения (спортзала), прекратили физическую подготовку. По мнению же бюро горкома, военно-прикладную подготовку (обучение штыковому бою, стрелковую подготовку) можно было проводить вне спортзалов. Спортивный инвентарь также требовал ремонта. Для футбольных и волейбольных команд отсутствовала обувь в спортивных организациях [41, л. 30].

К недостаткам физкультурной работы относили медленный рост количества участников спортивных обществ и их плохой учет. Не были избраны физкультурные организаторы в цехах и отделах предприятий. Инструкторы-общественники по рукопашному бою, гранатометанию и лыжному спорту были сами плохо подготовлены. Спортивные площадки также не были оборудованы [8, л. 69 об.].

Некоторые традиционные соревнования, такие как осенние эстафеты по бегу, не проводились в 1941–1943 гг. и были возобновлены только в 1944 г. [45, л. 9]. Улучшение обстановки в том году просматривалось и в массовой заливке катков, чего не осуществлялось в предшествующие военные годы [45, л. 18 об.]. По программам военно-физической и военно-допризывной подготовки в 1943 г. занималось свыше 10000 учащихся [6, л. 1 об.]. В 1943 г. в городе было подготовлено 214 инструкторов-общественников. Обучено военно-лыжному делу почти в два раза больше плана [6, л. 4 об.].

Физкультурная работа несла не только военную составляющую, но и являлась способом привлечения детей к занятиям трудовой деятельностью. Парторг завода № 521 Островский на совещании городского партийного, хозяйственного и комсомольского актива обещал силами завода сделать спортивные площадки и этим примером призвать другие заводы сделать то же самое. Он отмечал, что трудовые навыки отвлекают ребят от хулиганских поступков. Созданные при заводах военные пункты должны были организовать с ребятами военные игры [6, л. 12 об.].

Условия военного времени значительным образом затруднили организацию физкультурной работы в регионе. Далеко не все спортивные общества смогли исправно функционировать в обозначенные годы. Несмотря на острый дефицит спортивных и военных инструкторов, работа в военно-физкультурной сфере продолжала вестись. С течением войны ситуация в этой сфере улучшалась, но медленными темпами. Связано это было со стабилизацией и улучшением обстановки на фронте в 1943–1944 гг. В то же время недостаток финансирования и дефицит кадров затрудняли окончательное решение всех трудностей физкультурной и спортивной работы.

9 декабря 1941 г. горком Гусь-Хрустального принял постановление о программе подготовки военно-лыжных кадров. Было решено отремонтировать лыжную базу. До 15 декабря предприятия города должны были изготовить 300 пар палок. Физкультурная работа в школах должна была быть проверена отделом народного образования и комитетом по делам физической культуры и спорта. В школах должна была быть обеспечена военно-лыжная подготовка [20, л. 63]. Несмотря на решения бюро горкома, даже к декабрю следующего 1942 г. лыжный инвентарь и база не были готовы [21, л. 185]. Реальная работа комитета физкультуры и спорта города и комсомола сводилась к проведению разовых кроссов и состязаний. По мнению горкома ВКП(б), наличествовали неорганизованность и штурмовщина, спортивное имущество во многих организациях было растащено. Лишь зимой 1944 г. в Гусь-Хрустальном наконец был организован каток [23, л. 209–209 об.].

16 декабря 1941 г. в Коврове была проведена городская военизированная лыжная эстафета с участием команд из представителей бойцов всеобуча, истребительных батальонов и санитарных дружин [8, л. 68]. С 7 по 21 июня 1942 г. проходил 2-й профсоюзно-комсомольский летний кросс, в котором фактически участвовало 14060 человек при плане 7125 человек. В установленные нормы уложилось 12299 человек. С 3 по 17 августа 1942 г. городским комитетом физкультуры и спорта проведены профсоюзно-комсомольские соревнования по плаванию и водным переправам, охватив 6056 человек вместо 4000 по плану [8, л. 68 об.]. В нормы уложились 5648 человек [8, л. 69].

Лыжным обучением в Коврове было охвачено 8671 человек, сдали испытания по результатам подготовки 4388. Кроме того, было обучено 166 инструкторов-общественников. Для отдельных команд завода им. Киркиж была характерна неудовлетворительная посещаемость занятий. Вплотную не занимались военно-лыжной подготовкой профсоюзы. На местах сборов отсутствовали лозунги и плакаты. Местная печать и радио были практически не задействованы [11, л. 55]. В феврале 1943 г. в очередном профсоюзно-комсомольском кроссе участвовало более 4500 человек [12, л. 11 об.–12]. Лыжным обучением в феврале 1943 г. было охвачено 9476 человек [12, л. 14]. В комсомольском лыжном кроссе 1942 г. в Коврове в честь 24-й годовщины создания Красной армии приняло участие 3276 человек. Малое количество участников, по мнению горкома, было обусловлено плохой работой парторганизаций заводов и комсомола, при том, что в городе было 2402 комсомольца, а участвовало лишь 706 из них

[18, л. 98]. Комсомольцев нещадно критиковали за отсутствие авангардной роли [19, л. 19, 53]. Пропагандистская работа в местах сбора физкультурников не осуществлялась, в том числе практически не использовалась местная печать и радио [19, л. 53].

Нехватка спортивных лыж приводила к просьбам выделить их. Просьба профильного в этом отношении военного отдела направлялась из Гусь-Хрустального в 3-е Сибирское управление Лесоохраны и Лесонасаждения [26, л. 6], а также в соседний Рязанский обком, причем речь шла о 500 парах [26, л. 11]. Никто не смог помочь, объяснив это отсутствием в наличии этого инвентаря. Для распространения лыж в школах проводились занятия в каникулярное время, в том числе организовывались районные соревнования [28, л. 1].

В 1942 г. к 24-й годовщине создания Красной армии в Ивановской области была организована лыжная эстафета. Состав эстафеты формировался из бойцов народного ополчения и всевобуча в количестве 11 человек, в том числе командир отделения и политрук. Каждый участник эстафеты должен был способен преодолеть 25–30-километровую дистанцию на лыжах в полном обмундировании за один день [9, л. 4]. При этом на каждого участника должна была быть составлена врачебно-контрольная карта. Расходы возлагались на местные организации. Часть команд должны были добраться до областного центра Иваново на лыжах [9, л. 5].

К концу 1942 г. физкультурные организации Муром подготовили почти 4000 военных лыжников [32, л. 69]. В 1943 г. в профсоюзно-комсомольском лыжном кроссе имени 25-й годовщины Красной Армии участвовало 5214 человек [35, л. 7]. В летнем кроссе поучаствовало 3897 человек [34, л. 18]. В лыжном кроссе 1941–42 гг. в Кольчугино принял участие 1341 человек. В летнем кроссе 1942 г. – более 800 человек [38, л. 10].

Во Владимире лыжный кросс 1942 г. также прошел неудовлетворительно. В норматив уложилось лишь 45 % участников. Лыжная база не была подготовлена. Комсомольцев в кроссе тоже участвовало мало, лишь 305 человек [4, л. 84]. В зимнем лыжном кроссе во Владимире в 1943 г. приняло участие 11067 человек, а в летнем 13064 человека [5, л. 104].

Соревнования проводились разнообразные. Так, для лыжников проводились эстафеты как среди мужчин, так и среди женщин, гонки патрулей с метанием в их ходе гранат, а также индивидуальные гонки на 10, 15 и 20 км. Проживание участников соревнований нередко обеспечивалось за счет областного комитета физкультуры, а вот суточные на период следования к месту соревнований, билеты и сохранение зарплаты оставалось за командующими организациями [43, л. 1–3]. Летние соревнования включали в себя метание гранаты, прыжки в длину и бег на различные дистанции [44, л. 23].

За зимний период 1943–1944 гг. областной комитет физкультуры поручил подготовить в городе Коврове 4900 лыжников, также было необходимо подготовить 245 инструкторов [15, л. 4]. Той зимой лыжному делу обучалось только 38,8 % членов ВЛКСМ [15, л. 5]. В зимнем лыжном кроссе 1944 г. количество участников возросло и достигло, по данным отдела физкультуры, 20578 человек, в летнем кроссе участвовало и того больше – 26814 человек [17, л. 24 об.].

В летнем кроссе 1944 г. в Гусь-Хрустальном приняли участие 6879 человек, сдали нормы 6291 человек. Первое место заняли трудящиеся завода им. Дзержинского [27, л. 56]. Кстати, командам, побеждавшим в соревнованиях, вручали переходящие Красные Знамена ВЦСПС, грамоты и денежные премии. Размер премий варьировался от двух до пяти тысяч рублей [43, л. 23–23 об.].

В 1944 г. по разным видам спорта было проведено 45 соревнований, в которых приняло участие до 4000 человек. В документах военного отдела отмечалось, что все проводимые соревнования есть экзамены для участников, где выявлялись лучшие из лучших, с которыми надо работать на улучшение спортивных результатов. По мнению руководства военного отдела, лучшие спортсмены оставались на бумаге, а команды комплектовались за счет «старых» физкультурников [17, л. 78 об.].

Несмотря на войну, в области продолжали проводиться соревнования, и сам факт их проведения являлся крупным достижением местных властей. В течение войны отмечалась и тенденция к увеличению количества участников с каждым военным годом. В то же время большое внимание в отчетных документах к количественным показателям наталкивает на мысль, что первейшей задачей была именно формальная отчетность, а не реальная подготовка кадров.

Несмотря на военные условия, в советском тылу продолжала вестись физкультурная и спортивная работа. Теоретические основы для этой деятельности были заложены еще в

предвоенные десятилетия. Работа в сфере физкультуры играла важнейшую роль в подготовке физически подготовленных молодых людей, необходимых для Красной армии. В то же время имеющиеся документы показывают, что реальная деятельность в этой сфере отличалась от той, которая была запланирована. Во многом это было вызвано войной и нехваткой средств для масштабной физкультурной и спортивной работы, а также уменьшением количества квалифицированных инструкторов, немалая часть которых была призвана в действующую армию.

Список литературы

1. Баишев Н. И. «Физическую культуру и спорт – в быт трудящихся!»: спортивная повседневность г. Куйбышева в 1940–1950-е гг. (по материалам периодической печати) // Вестник Самарского государственного университета. 2015. № 7 (129). С. 149–154.

2. Веремеев Ю. Г. Военный дневник (К какой войне с СССР готовилась Германия). Ч. 4 (май–июнь 1941 г.). URL: <http://army.armor.kiev.ua/hist/galder-41-3.shtml> (дата обращения: 27.12.2020).

3. Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. П-100. Оп. 56. Д. 50.

4. ГАВО. Ф. П-100. Оп. 56. Д. 52.

5. ГАВО. Ф. П-100. Оп. 56. Д. 60.

6. ГАВО. Ф. П-100. Оп. 56. Д. 66.

7. ГАВО. Ф. П-116. Оп. 1. Д. 57.

8. ГАВО. Ф. П-116. Оп. 1. Д. 71.

9. ГАВО. Ф. П-116. Оп. 1. Д. 95.

10. ГАВО. Ф. П-116. Оп. 1. Д. 96.

11. ГАВО. Ф. П-116. Оп. 1. Д. 110.

12. ГАВО. Ф. П-116. Оп. 1. Д. 113.

13. ГАВО. Ф. П-116. Оп. 1. Д. 114.

14. ГАВО. Ф. П-116. Оп. 1. Д. 122.

15. ГАВО. Ф. П-116. Оп. 1. Д. 123.

16. ГАВО. Ф. П-116. Оп. 1. Д. 142.

17. ГАВО. Ф. П-116. Оп. 1. Д. 160.

18. ГАВО. Ф. П-116. Оп. 63. Д. 30.

19. ГАВО. Ф. П-116. Оп. 63. Д. 36.

20. ГАВО. Ф. П-118. Оп. 1. Д. 42.

21. ГАВО. Ф. П-118. Оп. 1. Д. 82.

22. ГАВО. Ф. П-118. Оп. 1. Д. 107.

23. ГАВО. Ф. П-118. Оп. 1. Д. 125.

24. ГАВО. Ф. П-118. Оп. 1. Д. 129.

25. ГАВО. Ф. П-118. Оп. 1. Д. 149.

26. ГАВО. Ф. П-118. Оп. 1. Д. 150.

27. ГАВО. Ф. П-118. Оп. 1. Д. 211.

28. ГАВО. Ф. П-118. Оп. 1. Д. 239.

29. ГАВО. Ф. П-119. Оп. 3. Д. 145а.

30. ГАВО. Ф. П-335. Оп. 1. Д. 5.

31. ГАВО. Ф. П-495. Оп. 1. Д. 120.

32. ГАВО. Ф. П-495. Оп. 1. Д. 126.

33. ГАВО. Ф. П-495. Оп. 5. Д. 6.

34. ГАВО. Ф. П-495. Оп. 5. Д. 9.

35. ГАВО. Ф. П-495. Оп. 5. Д. 13.

36. ГАВО. Ф. П-495. Оп. 5. Д. 77.

37. ГАВО. Ф. П-495. Оп. 5. Д. 79.

38. ГАВО. Ф. П-503. Оп. 4. Д. 9.

39. ГАВО. Ф. П-503. Оп. 78. Д. 24.

40. ГАВО. Ф. П-791. Оп. 63. Д. 12.

41. ГАВО. Ф. П-791. Оп. 63. Д. 17.

42. ГАВО. Ф. П-791. Оп. 63. Д. 23.

43. ГАВО. Ф. Р-2682. Оп. 1. Д. 1.

44. ГАВО. Ф. Р-2682. Оп. 1. Д. 2.

45. ГАВО. Ф. Р-2682. Оп. 1. Д. 3.

46. ГАВО. Ф. Р-2682. Оп. 1. Д. 5.

47. ГАВО. Ф. Р-3319. Оп. 1. Д. 44.

48. Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 2. От запланированного вторжения в Англию до начала Восточной кампании (1.7.1940–21.6.1941) / пер. с нем. И. Глаголева и Л. Киселева под ред. и с пред. п-ка Д. Проэктора. М. : Воениздат, 1969. 328 с.

49. Деметер Г. С. Очерки по истории отечественной физической культуры и олимпийского движения. М. : Советский спорт, 2005. 324 с.
50. Дерябина А. Л. Развитие физической культуры и спорта в Читинской области (1941–1956 гг.) : дис. ... канд. пед. наук. Чита, 2005. 191 с.
51. Евтропкова Д. С. Развитие лыжного спорта в Карелии в годы Великой Отечественной войны и послевоенное время // E-Scio. 2018. № 11 (26). С. 98–105.
52. Ильин А. С. Подготовка лыжников в Красноярском крае накануне Великой Отечественной войны // Армия и общество. 2014. № 6 (43). С. 53–55.
53. Кабирова А. Ш. Организация физкультурно-массовой работы в Татарской АССР в предвоенные годы и в период Великой Отечественной войны // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета 2020. № 2 (34). С. 141–153.
54. Калинин Е. А. Проблемы организации физической культуры и спорта в Карелии в годы Великой Отечественной войны // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 6. С. 62–69.
55. Ковальковская В. О. Роль физической культуры и спорта в годы Великой Отечественной войны (на примере Омской области) // Олимпийское движение: история и современность : мат-лы XXVII Олимпийской научной сессии мол. ученых и студентов Сибири, под общ. ред. Н. В. Колмогоровой. Омск : изд-во ФГБОУ «СГУФКиС». 2016. С. 41–46.
56. Конев Л. М. Развитие массовой оборонно-спортивной работы, преподавания военного дела и физкультуры в учебных заведениях Челябинской области в предвоенные годы и в годы Великой Отечественной войны // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Сер. 2: Педагогика, психология, методика преподавания. 2005. № 11. С. 103–115.
57. Королева Л. А. Развитие физической культуры и спорта в советском обществе в 1940–1954 гг. (на примере Пензенской области). Пенза : ПГУАС, 2016. 208 с.
58. Королев А. А., Артемова С. Ф. Физкультурно-спортивная жизнь Пензенской области в начальный период Великой Отечественной войны // E-Scio. 2018. № 6 (21). С. 72–76.
59. Кузнецова Л. А. Опыт подготовки боевых резервов для Вооруженных сил по линии спортивных организаций Башкирской АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 10. С. 22–32.
60. Кузнецова Л. А. Подготовка резервов, мобилизация и призыв в ряды Вооруженных сил спортсменов и работников физкультуры и спорта из Башкирской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 80. С. 186–192.
61. Лисаченко О. В. Физическая культура и спорт в годы Великой Отечественной войны в городе Стерлитамак Башкирской АССР // Новая наука: проблемы и перспективы. 2015. № 1 (1). С. 114–119.
62. Лобанова О. Б., Колокольникова З. У., Лукин Ю. Л., Фирер Н. Д., Плеханова Е. М. Военно-физкультурный всеобуч в Сибири в годы Великой Отечественной войны // Проблемы современного педагогического образования. 2016. № 51 (3). С. 171–178.
63. Могутнов А. В. О некоторых итогах оборонно-массовой работы в Южном Зауралье в годы Великой Отечественной войны 1941–1942 гг. // Власть. 2015. № 5. С. 14–18.
64. Мухамедов Р. А., Анохина А. Б. Культивирование физкультурно-массовой и спортивной работы на промышленных предприятиях Ульяновской области в 1941–1991 гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2018. Т. 20. № 3. С. 135–140.
65. Нурдыгин Е. А. Развитие физической культуры и спорта в Пензенской области (1941–1953 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2017. 210 с.
66. Нурдыгин Е. А. Физическая культура и спорт в СССР в годы Великой Отечественной войны (на примере Пензенской области) // Кирилло-Мефодиевские чтения в САМГТУ : сб. мат-в XII Всероссийской науч. конф. студентов, магистрантов и аспирантов. Самара : СГТУ, 2016. С. 110–112.
67. Нурдыгин Е. А., Королева Л. А. Физическая подготовка населения Пензенской области в начальный период Великой Отечественной войны // Образование и наука в современном мире. Инновации. 2018. № 3 (16). С. 80–85.
68. Околотин В. С. Ивановская область в годы Великой Отечественной войны. Кн. 1: 22 июня – 31 декабря 1941 г. // В. С. Околотин. Изд. 2, испр. и доп. Иваново : А-Гриф, 2017. 344 с.
69. Околотин В. С. Ивановская область в годы Великой Отечественной войны. Кн. 2: 1 января – 31 декабря 1942 г. // В. С. Околотин. Иваново : А-Гриф, 2019. 624 с.
70. Ростов Н. Д. «Мы на лыжах выходим в поход...» – подготовка бойцов-лыжников в Сибири в годы Великой Отечественной войны // Мир Евразии. 2016. № 3 (34). С. 54–56.
71. Сарычева Т. В. Общественно-патриотическое и физкультурное движение молодежи в г. Томске в годы Великой Отечественной войны // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 351. С. 100–104.
72. Сарычева Т. В. Становление и развитие советской системы физической культуры в Западной Сибири (1920–1991 гг.) : дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2017. 1000 с.

73. Тагаев М. И., Азизбаев С. С. Физическая культура в Кыргызстане в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Человек и общество. 2018. № 1 (6). С. 4–7.

74. Федоров Д. С. Военно-патриотическая направленность физического воспитания и спорта в Якутии в 1941–1945 гг. // Вестник ЯГУ, 2010. Т. 7. № 2. С. 129–133.

75. Федоров Д. С., Кладкин Н. Н., Федоров М. А., Власова Л. Д. Военно-спортивное воспитание молодежи Якутии в предвоенный период и в годы Великой Отечественной войны // История физической культуры. 2015. № 10. С. 34–36.

76. Федоров Д. С. Физическое воспитание и спорт в подготовке бойцов-якутян в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Наука и образование. 2013. № 1. С. 114–119.

77. Черданцева Р. Г. История организации занятий по физической культуре в Томске и Томском государственном университете в 1940-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 369. С. 161–163.

78. Черданцева Р. Г., Афанасенков В. О. Организация военно-физкультурной подготовки в Томском государственном университете в годы Великой Отечественной войны // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394. С. 225–229.

79. Чмыхов В. В., Федчук В. В. Физическая культура и спорт в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестник Академии следственного комитета Российской Федерации. 2015. № 2 (4). С. 107–112.

80. Шайдуллин В. Х. Спортивные соревнования в Омской области в годы Великой Отечественной войны // Омский научный вестник. 2013. № 1 (115). С. 39–41.

Sports and physical culture activities during the Great Patriotic War (based on the materials of the Vladimir region)

I. S. Tryahov¹, A. V. Bolotov²

¹PhD in Historical Sciences, associate professor of the Department of Russian History, Vladimir State University n. a. A. G. and N. G. Stoletov. Russia, Vladimir. ORCID: 0000-0001-6488-5205.

Researcher ID: AAE-6529-2021. E-mail: ilja.tryahoff@yandex.ru

²associate professor of the Department of Physical Culture, Vladimir State University n. a. A. G. and N. G. Stoletov. Russia, Vladimir. ORCID: 0000-0002-9167-016X. E-mail: anatoly.bolotow@yandex.ru

Abstract. Sports and physical education work from the very beginning of the existence of the Soviet state was considered as a way of training personnel for the army and the revolution. Russian historians have now managed to reconstruct the physical culture and sports life in a number of regions of the USSR during the war years. At the same time, the Vladimir Region considered in the article remains among the unexplored. Based on the materials of the party funds of the State Archive of the Vladimir region, the authors tried to identify the main difficulties that arose in this area in 1941–1945. In the conditions of the Great Patriotic War, military physical education work was complicated by the lack of sports equipment and instructors. The most important sport that had military-applied significance was skiing. Their mass distribution was hampered by an acute shortage of inventory, despite government regulations on their urgent production. During the war years, regular cross-country skiing competitions were organized in winter and cross-country running in summer. Mainly young people were involved in such events, and Komsomol organizations, according to the authorities, had to show the need for sports training by their example. The available documents show that the actual activity in this area was different from the one that was planned. This was largely caused by the war and the lack of funds for large-scale physical education and sports work, as well as a decrease in the number of qualified instructors, a considerable part of whom were drafted into the active army. At the same time, local economic leaders did not always pay due attention to the sports sphere due to solving problems related to providing the army with the necessary weapons and equipment.

Keywords: Great Patriotic War, physical culture, Soviet rear, sports events, ski training.

References

1. Baishev N. I. "Fizicheskuyu kul'turu i sport – v byt trudyashchihsya!": sportivnaya povsednevnost' g. Kuibysheva v 1940–1950-e gg. (po materialam periodicheskoy pechati) ["Physical culture and sport – in the life of workers!": sports everyday life of Kuibyshev in the 1940s–1950s (based on the materials of the periodical press)] // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of Samara State University. 2015. No. 7 (129). Pp. 149–154.

2. Veremeev Yu. G. Voennyj dnevnik (K kakoj vojne s SSSR gotovilas' Germaniya). Ch. 4 (maj-iyun' 1941 g.) [War diary (For which war with the USSR Germany was preparing). Part 4 (May–June 1941)] // Available at: <http://army.armor.kiev.ua/hist/galder-41-3.shtml> (date accessed: 27.12.2020).

3. State archive of the Vladimir region (SAVR). F. П-100. Inv. 56. D. 50.

4. SAVR. F. П-100. Inv. 56. F. 52.

5. SAVR. F. П-100. Inv. 56. F. 60.
6. SAVR. F. П-100. Inv. 56. F. 66.
7. SAVR. F. П-116. Inv. 1. F. 57.
8. SAVR. F. П-116. Inv. 1. F. 71.
9. SAVR. F. П-116. Inv. 1. F. 95.
10. SAVR. F. П-116. Inv. 1. F. 96.
11. SAVR. F. П-116. Inv. 1. F. 110.
12. SAVR. F. П-116. Inv. 1. F. 113.
13. SAVR. F. П-116. Inv. 1. F. 114.
14. SAVR. F. П-116. Inv. 1. F. 122.
15. SAVR. F. П-116. Inv. 1. F. 123.
16. SAVR. F. П-116. Inv. 1. F. 142.
17. SAVR. F. П-116. Inv. 1. F. 160.
18. SAVR. F. П-116. Inv. 63. F. 30.
19. SAVR. F. П-116. Inv. 63. F. 36.
20. SAVR. F. П-118. Inv. 1. F. 42.
21. SAVR. F. П-118. Inv. 1. F. 82.
22. SAVR. F. П-118. Inv. 1. F. 107.
23. SAVR. F. П-118. Inv. 1. F. 125.
24. SAVR. F. П-118. Inv. 1. F. 129.
25. SAVR. F. П-118. Inv. 1. F. 149.
26. SAVR. F. П-118. Inv. 1. F. 150.
27. SAVR. F. П-118. Inv. 1. F. 211.
28. SAVR. F. П-118. Inv. 1. F. 239.
29. SAVR. F. П-119. Inv. 3. F. 145A.
30. SAVR. F. П-335. Inv. 1. F. 5.
31. SAVR. F. П-495. Inv. 1. F. 120.
32. SAVR. F. П-495. Inv. 1. F. 126.
33. SAVR. F. П-495. Inv. 5. F. 6.
34. SAVR. F. П-495. Inv. 5. F. 9.
35. SAVR. F. П-495. Inv. 5. F. 13.
36. SAVR. F. П-495. Inv. 5. F. 77.
37. SAVR. F. П-495. Inv. 5. F. 79.
38. SAVR. F. П-503. Inv. 4. F. 9.
39. SAVR. F. П-503. Inv. 78. F. 24.
40. SAVR. F. П-791. Inv. 63. F. 12.
41. SAVR. F. П-791. Inv. 63. F. 17.
42. SAVR. F. П-791. Inv. 63. F. 23.
43. SAVR. F. P-2682. Inv. 1. F. 1.
44. SAVR. F. P-2682. Inv. 1. F. 2.
45. SAVR. F. P-2682. Inv. 1. F. 3.
46. SAVR. F. P-2682. Inv. 1. F. 5.
47. SAVR. F. P-3319. Inv. 1. F. 44.
48. Halder F. *Voennyj dnevnik. T. 2. Ot zaplanirovannogo vtorzheniya v Angliyu do nachala Vostochnoj kampanii (1.7.1940–21.6.1941)* [War diary. Vol. 2. From the planned invasion of England to the beginning of the Eastern Campaign (1.7.1940–21.6.1941)] / transl. from German by I. Glagolev and L. Kiselyov, ed. and with the foreword of translator D. Proektor. M. Voenizdat. 1969. 328 p.
49. Demeter G. S. *Ocherki po istorii otechestvennoj fizicheskoj kul'tury i olimpijskogo dvizheniya* [Essays on the history of national physical culture and the Olympic movement]. M. Soviet Sport. 2005. 324 p.
50. Deryabina A. L. *Razvitie fizicheskoj kul'tury i sporta v Chitinskoj oblasti (1941–1956 gg.) : dis. ... kand. ped. nauk* [Development of physical culture and sports in the Chita region (1941–1956) : dis. ... PhD in Pedagogical Sciences]. Chita. 2005. 191 p.
51. Evtropkova D. S. *Razvitie lyzhnogo sporta v Karelii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny i poslevoennoe vremya* [The development of skiing in Karelia during the Great Patriotic War and the post-war period] // E-Scio. 2018. No. 11 (26). Pp. 98–105.
52. Il'in A. S. *Podgotovka lyzhnikov v Krasnojarskom krae nakanune Velikoj Otechestvennoj vojny* [Training of skiers in the Krasnojarsk Territory on the eve of the Great Patriotic War] // *Armiya i obshchestvo – Army and Society*. 2014. No. 6 (43). Pp. 53–55.
53. Kabirova A. Sh. *Organizaciya fizkul'turno-massovoj raboty v Tatarskoj ASSR v predvoennye gody i v period Velikoj Otechestvennoj vojny* [Organization of physical culture and mass work in the Tatar ASSR in the pre-war years and during the Great Patriotic War] // *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Herald of the Orenburg State Pedagogical University* 2020. No. 2 (34). Pp. 141–153.

54. Kalinina E. A. *Problemy organizatsii fizicheskoy kul'tury i sporta v Karelii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Problems of the organization of physical culture and sports in Karelia during the Great Patriotic War] // *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta – Scientific notes of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No. 6. Pp. 62–69.

55. Koval'kovskaya V. O. *Rol' fizicheskoy kul'tury i sporta v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (na primere Omskoj oblasti)* [The role of physical culture and sports during the Great Patriotic War (on the example of the Omsk region)] // *Olimpijskoe dvizhenie: istoriya i sovremennost' : mat. XXVII Olimpijskoj nauchnoj sessii mol. uchenyh i studentov Sibiri, pod obshch. red. N. V. Kolmogorovoj – Olympic Movement: history and modernity : mat. of the XXVII Olympic Scientific session of young scientists and students of Siberia, under the gen. ed. of N. V. Kolmogorova*. Omsk. SGUFKIS. 2016. Pp. 41–46.

56. Konev L. M. *Razvitie massovoj oboronno-sportivnoj raboty, prepodavaniya voennogo dela i fizkul'tury v uchebnykh zavedeniyah Chelyabinskoy oblasti v predvoennye gody i v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Development of mass defense and sports work, teaching of military affairs and physical education in educational institutions of the Chelyabinsk region in the pre-war years and during the Great Patriotic War] // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya 2: Pedagogika, psihologiya, metodika prepodavaniya – Herald of the Chelyabinsk State Pedagogical University. Series 2: Pedagogy, psychology, teaching methods*. 2005. No. 11. Pp. 103–115.

57. Koroleva L. A. *Razvitie fizicheskoy kul'tury i sporta v sovetskom obshchestve v 1940–1954 gg. (na primere Penzenskoj oblasti)* [Development of physical culture and sports in Soviet society in 1940–1954 (on the example of the Penza region)]. Penza. PSUAS. 2016. 208 p.

58. Korolev A. A., Artemova S. F. *Fizkul'turno-sportivnaya zhizn' Penzenskoj oblasti v nachal'nyj period Velikoj Otechestvennoj vojny* [Physical culture and sports life of the Penza region in the initial period of the Great Patriotic War] // *E-Scio*. 2018. No. 6 (21). Pp. 72–76.

59. Kuznecova L. A. *Opyt podgotovki boevykh rezervov dlya Vooruzhennykh sil po linii sportivnykh organizatsij Bashkirskoj ASSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.* [Experience of training combat reserves for the Armed Forces through sports organizations of the Bashkir ASSR during the Great Patriotic War of 1941–1945] // *Social'no-gumanitarnye znaniya – Socio-humanitarian knowledge*. 2015. No. 10. Pp. 22–32.

60. Kuznecova L. A. *Podgotovka rezervov, mobilizatsiya i prizyv v ryady Vooruzhennykh sil sportsmenov i rabotnikov fizkul'tury i sporta iz Bashkirskoj ASSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945 gg.)* [Preparation of reserves, mobilization and conscription into the ranks of the Armed Forces of athletes and workers of physical culture and sports from the Bashkir ASSR during the Great Patriotic War (1941–1945)] // *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena – News of Russian State Pedagogical University n. a. A. I. Herzen*. 2008. No. 80. Pp. 186–192.

61. Lisachenko O. V. *Fizicheskaya kul'tura i sport v gody Velikoj Otechestvennoj vojny v gorode Sterlitamak Bashkirskoj ASSR* [Physical culture and sport during the Great Patriotic War in the city of Sterlitamak of the Bashkir ASSR] // *Novaya nauka: problemy i perspektivy – New Science: problems and prospects*. 2015. No. 1 (1). Pp. 114–119.

62. Lobanova O. B., Kolokol'nikova Z. U., Lukin Yu. L., Firer N. D., Plekhanova E. M. *Voенно-fizkul'turnyj vseobuch v Sibiri v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Military-physical education in Siberia during the Great Patriotic War] // *Problemy sovremennoogo pedagogicheskogo obrazovaniya – Problems of modern pedagogical education*. 2016. No. 51 (3). Pp. 171–178.

63. Mogutnov A. V. *O nekotorykh itogakh oboronno-massovoj raboty v Yuzhnom Zaural'e v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1942 gg.* [On some results of mass defense work in the Southern Trans-Urals during the Great Patriotic War of 1941–1942] // *Vlast' – Power*. 2015. No. 5. Pp. 14–18.

64. Muhamedov R. A., Anohina A. B. *Kul'tivirovanie fizkul'turno-massovoj i sportivnoj raboty na promyshlennykh predpriyatiyah Ul'yanovskoj oblasti v 1941–1991 gg.* [Cultivation of physical culture and sports of the work at the industrial enterprises of the Ulyanovsk region in 1941–1991 gg.] // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk – Proceedings of the Samara scientific center of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 20. No. 3. 2018. Pp. 135–140.

65. Nurdygin E. A. *Razvitie fizicheskoy kul'tury i sporta v Penzenskoj oblasti (1941–1953 gg.) : dis. ... kand. ist. nauk* [Development of physical culture and sports in the Penza region (1941–1953 gg.) : dis. ... PhD in Historical Sciences]. Penza. 2017. 210 p.

66. Nurdygin E. A. *Fizicheskaya kul'tura i sport v SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (na primere Penzenskoj oblasti)* [Physical culture and sport in the USSR during the Great Patriotic War (on the example of the Penza region)] // *Kirillo-Mefodievskie chteniya v SAMGTU : sb. mat-v XII Vserossijskoj nauch. konf. studentov, magistrantov i aspirantov – Cyril and Methodius readings in SAMSTU : sat. mat-in the XII All-Russian Scientific Conference of students, undergraduates and postgraduates*. Samara. SSTU. 2016. Pp. 110–112.

67. Nurdygin E. A., Koroleva L. A. *Fizicheskaya podgotovka naseleniya Penzenskoj oblasti v nachal'nyj period Velikoj Otechestvennoj vojny* [Physical training of the population of the Penza region in the initial period of the Great Patriotic War] // *Education and science in the modern world*. Innovation. 2018. No. 3 (16). Pp. 80–85.

68. Okolotin V. S. *Ivanovskaya oblast' v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Kn. 1: 22 iyunya – 31 dekabrya 1941 g.* [Ivanovo region during the Great Patriotic War. Book 1: June 22 – December 31, 1941] // V. S. Okolotin. 2nd ed., corr. and add. Ivanovo. A-Grif. 2017. 344 p.

69. Okolotin V. S. *Ivanovskaya oblast' v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Kn. 2: 1 yanvarya – 31 dekabrya 1942 g.* [Ivanovo region during the Great Patriotic War. Book 2: January 1 – December 31, 1942] // V. S. Okolotin. Ivanovo. A-Grif. 2019. 624 p.

70. Rostov N. D. "My na lyzhah vyhodim v pohod..." – podgotovka bojcov-lyzhnikov v Sibiri v gody Velikoj Otechestvennoj vojny ["We go skiing on a hike ..." – training of ski fighters in Siberia during the Great Patriotic War] // *Mir Evrazii – The world of Eurasia*. 2016. No. 3 (34). Pp. 54–56.

71. Sarycheva T. V. *Obshchestvenno-patrioticheskoe i fizkul'turnoe dvizhenie molodezhi v g. Tomske v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Socio-patriotic and physical culture movement of youth in Tomsk during the Great Patriotic War] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Herald of Tomsk State Pedagogical University*. 2011. No. 351. Pp. 100–104.

72. Sarycheva T. V. *Stanovlenie i razvitie sovetskoj sistemy fizicheskoy kul'tury v Zapadnoj Sibiri (1920–1991 gg.) : dis. ... d-ra ist. nauk* [Formation and development of the Soviet system of physical culture in Western Siberia (1920–1991) : dis. ... Doctor of historical sciences]. Tomsk. 2017. 1000 p.

73. Tagaev M. I., Azizbaev S. S. *Fizicheskaya kul'tura v Kyrgyzstane v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945 gg.)* [Physical culture in Kyrgyzstan during the Great Patriotic War (1941–1945)] // *Chelovek i obshchestvo – Man and society*. 2018. No. 1 (6). Pp. 4–7.

74. Fedorov D. S. *Voenno-patrioticheskaya napravlennost' fizicheskogo vospitaniya i sporta v Yakutii v 1941–1945 gg.* [Military-patriotic orientation of physical education and sports in Yakutia in 1941–1945] // *Vestnik YaGU – Herald of YSU*. 2010. Vol. 7. No. 2. Pp. 129–133.

75. Fedorov D. S., Kladkin N. N., Fedorov M. A., Vlasova L. D. *Voenno-sportivnoe vospitanie molodezhi Yakutii v predvoennyj period i v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Military sports education of the youth of Yakutia in the pre-war period and during the Great Patriotic War] // *Istoriya fizicheskoy kul'tury – History of physical culture*. 2015. No. 10. Pp. 34–36.

76. Fedorov D. S. *Fizicheskoe vospitanie i sport v podgotovke bojcov-yakutyay v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.* [Physical education and sport in the training of Yakut fighters during the Great Patriotic War of 1941–1945] // *Nauka i obrazovanie – Science and Education*. 2013. No. 1. Pp. 114–119.

77. Cherdanceva R. G. *Istoriya organizacii zanyatij po fizicheskoy kul'ture v Tomske i Tomskom gosudarstvennom universitete v 1940-h gg.* [The history of the organization of physical culture classes in Tomsk and Tomsk State University in the 1940s] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of Tomsk State University*. 2013. No. 369. Pp. 161–163.

78. Cherdanceva R. G., Afanasenkov V. O. *Organizaciya voenno-fizkul'turnoj podgotovki v Tomskom gosudarstvennom universitete v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Organization of military-physical training at Tomsk State University during the Great Patriotic War] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of Tomsk State University*. 2015. No. 394. Pp. 225–229.

79. Chmyhov V. V., Fedchuk V. V. *Fizicheskaya kul'tura i sport v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.* [Physical culture and sport during the Great Patriotic War of 1941–1945] // *Vestnik Akademii sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii – Herald of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*. 2015. No. 2 (4). Pp. 107–112.

80. Shajdullin V. H. *Sportivnye sorevnovaniya v Omskoj oblasti v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Sports competitions in the Omsk region during the Great Patriotic War] // *Omskij nauchnyj vestnik – Omsk Scientific Herald*. 2013. No. 1 (115). Pp. 39–41.

Причины неудач Красной армии в 1942 г. на примере боевых действий 86-й ОСБр

Р. Р. Касимов¹, В. А. Комлев²

¹аспирант, Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. E-mail: kasimovruslan77@gmail.com

²кандидат психологических наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права,
Волго-Вятский институт (филиал) Университета им. О. Е. Кутафина.
Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0001-8198-6331. E-mail: radon744@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу основных причин неудач Красной армии в начале 1942 г. Одним из типичных примеров провала боевых действий Красной армии являются боевые действия 86-й ОСБр в 1942 г. по ликвидации окруженной Демянской группировки немцев. В статье приведен сравнительный анализ особенностей боевых действий 86-й ОСБр и результатов исследования иных авторов боевых действий отдельных частей Красной армии данного периода. Выделяются общие аспекты в организации формирования и боевых действий частей РККА, послужившие основными причинами больших потерь Красной армии в 1942 г.

При написании статьи авторами использованы документы и материалы Центрального государственного архива Кировской области, Центрального архива Министерства обороны, материалы перевода Боевого журнала 123-й пехотной дивизии противоборствующей стороны за данный период, личные воспоминания участника войны.

Цель исследования – выявить причины провала стратегического наступления Красной армии в первой половине 1942 г. Актуальность обусловлена возросшим интересом к истории Великой Отечественной войны. Она рассматривается в том числе через аспект боевого применения региональных воинских соединений в разные периоды войны и в различных боевых операциях. Результат исследования может быть интересен исследователям истории военного периода, педагогам военно-патриотического воспитания, преподавателям гуманитарного профиля в учебных заведениях среднего и высшего образования.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, РККА, 86-я ОСБр, боевые действия, опорный пункт.

Сложившаяся на фронте в первые месяцы военных действий обстановка потребовала формирования большого количества новых частей и соединений в короткие сроки. Для их комплектования понадобилось значительное количество военнообязанного контингента всех возрастных категорий и других стратегических ресурсов. Ввиду этого, с целью скорейшего создания стрелковых соединений для нужд действующей армии, стали формироваться бригады. Для их мобилизации требовалось гораздо меньше времени, людских и материальных резервов в сравнении с другими крупными воинскими объединениями. Вследствие чего постановлением ГКО № 796сс «О формировании стрелковых бригад» от 14 октября 1941 г. начальнику Главупраформа и военным округам вменялось создать к 28 октября 1941 г. 50 отдельных стрелковых бригад, в том числе пять бригад Уральскому военному округу, куда на тот момент организационно входила Кировская область.

В наскоро создаваемых бригадах испытывали большой дефицит в материальной части, боевая подготовка и слаженность частей были крайне низкими, что в дальнейшем не могло не сказаться на боевых действиях РККА в начале 1942 г.

Одним из таких типичных примеров является история создания и последующие боевые действия 86-й отдельной стрелковой бригады (далее – ОСБр). Отсчетом создания 86-й ОСБр стали директива зам. наркома обороны СССР от 14 ноября 1941 г. № орг/3082 и директива Военного совета Уральского военного округа от 15 ноября 1941 г. за № М1/004795. Район формирования бригады – г. Киров. Основой комплектования личным составом 86-й ОСБр, как и всех крупных воинских соединений 1941 г., в Кировской области стали запасники 30–40 лет, частично добровольцы. Командный состав соединения состоял из кадровых офицеров, прикомандированных из действующей армии, и офицеров запаса. Командиром бригады назначен полковник Ласкин Николай Матвеевич. Штаб бригады располагался в доме по улице Володарского, 91 областного центра. В период формирования и боевой подготовки подразделений

86-й бригады с 15 ноября 1941 г. по 19 января 1942 г., несмотря на помощь областных партийных, государственных и военных органов, она испытывала трудности с учебной материальной частью. «Директорам заводов Кировский металлист, Завода № 2 Физприбор. Отпусти-те 86-й отдельной бригаде из брака для учебных целей один миномет, учебных гранат РГД – 33–40 шт., Ф-1 – 20 шт.» [14, л. 60]. По этой причине после принятия военной присяги и вручения боевого Красного знамени бригада отбывает на фронт без вооружения и материальной части.

20 января 1942 г. по приказу зам. начальника ГШКА за № 170020-42 г. 86-я ОСБр в количестве 4391 человека поступает в распоряжение Северо-Западного фронта (далее – СЗФ), следуя маршрутом Киров – Ярославль – Бологое. Бригада разгружается в первых числах февраля 1942 г. и выдвигается к месту сосредоточения. Из воспоминаний ветерана 86-й ОСБр М. Скрябина: «Путь наш лежал на Валдай, однако доехали только до ст. Бологое: впереди немцы разбомбили один из эшелонов, и дороги нам не было. Начали срочно разгружаться: скатывали с платформы орудия, автомашины, повозки, кухни. До передовой добирались преимущественно ночью. На пути попадались пепелища деревень, разбитые грузовики, повозки, трупы» [2, с. 3].

С 16 по 23 февраля подразделения бригады медленно накапливаются в населенных пунктах Красуха, Сычево Тверской области.

С 7 января 1942 г. начинается наступательная операция войск СЗФ с целью окружить и уничтожить немецкую группировку войск в районе Демянска. К середине января после двух недель боев ударным группировкам Красной армии удалось охватить с севера и юга II армейский корпус 16-й армии, группы армий «Север» в составе 290-й, 123-й, 12-й, 30-й и 32-й пехотных дивизий, моторизованной дивизии СС «Тотенкопф» и 25 февраля у населенного пункта Залучье замкнуть кольцо окружения противника с общей численностью 95 тыс. человек.

Замкнув окружение немецкой группировки, советское командование стремилось максимально быстро уничтожить врага. Командование СЗФ постоянно требовало подчиненные армии наступать, хотя при этом оговаривалось, что желательно избегать атаки населенных пунктов в лоб. «Ставка приказала: непрерывно и настойчиво сжимать кольцо окружения Демянской группировки противника и не позднее как в четырех-пятидневный срок покончить с нею...» [13, с. 289].

Оборона противника 1941–1942 гг., построенная наскоро в виде опорных пунктов с системой снеголедяных укреплений и огневых точек в домах, с трудом сдерживала наступающие части Красной армии. Ведя упорные бои за каждый населенный пункт, подразделения РККА несли большие потери и медленно брали один опорный пункт за другим.

Контрудар армий СЗФ оказался для противника полной неожиданностью. Немцы, неся потери в живой силе и технике, вынуждены были отступить. Положение их обороны в ряде мест становилось угрожающим. Наступая, 3-я Ударная армия блокировала важные опорные пункты, расположенные на перекрестке шоссе дорог Ватолино, Кушелово, Молвотицы на юге Демянского котла. С середины января по март 1942 г. 23-я СД, 27-я и 20-я СБр вели упорные бои в районе Молвотиц (как за сами Молвотицы, так и за окрестные деревни), но успеха не добились. Из донесений 123-й пехотной дивизии вермахта: «С началом обороны на позициях перед Молвотицами и с обеих сторон от села Молвотицы достигли того, что атака врага по большому счету прекратилась. Войска совершали нечеловеческие усилия для удержания этой линии обороны» [15, с. 0712].

Немцы любой ценой пытались удержать населенный пункт Молвотицы, чтобы выиграть время на постройку тыловой линии обороны Черная – Лунево – Корнево – Ожееды – Будьково – Дягицево, давая возможность резервным частям подготовить серьезную линию защиты против наступления Красной армии, имевшей задачу по рассечению окруженной немецкой группировки пополам и выходу на тыловые коммуникации II армейского корпуса.

В феврале 1942 г., оказывая давление на окруженные немецкие части, Ставка ВГК приказала объединить управление всеми войсками, привлеченными для ликвидации Демянской группы противника, в руках командующего СЗФ П. А. Курочкина, возложила на него ответственность за быстрое уничтожение противника. Для чего 130-я и 23-я СД, 20-я, 27-я и 86-я СБр 3-й Ударной армии Калининского фронта временно передавались в подчинение 34-й армии СЗФ. К тому же Ставка ВГК решила принять все меры, чтобы не выпустить окруженные части врага на запад и юг в тыл 3-й, 4-й Ударных армий Калининского фронта. 23 февраля 1942 г. 86-я ОСБр получает первый боевой приказ: предотвратить возможный прорыв окруженной группировки немцев в направлении на Осташков. «Занять указанный район для обороны и создать опорные пункты в д. Подоличи, Голенек, Турская. Особое

направление огня на оз. Селигер. В районе Лыково выслать охранную разведку для прикрытия правого фланга бригады, в составе стр. взвода. Время выхода в район – 23.00 23.2.42. Готовность огня – 1.00 24.2.42» [5, с. 58].

В связи с этим батальонам бригады совместно с приданными им спецподразделениями приказано подготовить опорные пункты на пути возможного прорыва немцев, создавая оборону в последующие двое суток на данном оперативном направлении.

Однако с изменением обстановки на фронте 25 февраля 1942 г. из штаба СЗФ приходит указание в штаб Южной группы 34-й армии генерал-майора А. С. Ксенофонтова о том, что армия замедлила темпы наступления. В связи с этим штаб СЗФ требовал активизировать боевые действия в окруженном районе. Для качественного усиления частей, действующих на Молвотицком направлении, командующий СЗФ перебрасывает свежие 130-ю СД, 86-ю СБр и несколько лыжных батальонов. Днем 26 февраля штабу бригады поступает приказ выдвинуться пешим ходом на 100 км западнее, сначала до населенного пункта Дорофеево и далее к д. Липье. Ускоренным маршем бригада двигалась двое суток. Большой привал был предусмотрен только на один час ночью. Небольшая дневка была в населенном пункте Дорофеево, где бригада получила новое распоряжение: двигаться в район д. Сухая Нива – Липье. После длительного перехода у бригады были всего сутки на отдых, когда она получила приказ в 1.30 ночи 28 февраля 1942 г. выдвинуться на восемь км к исходной точке для атаки на д. Спасово и, захватив Спасово, атаковать Молвотицы с севера. В то время как 23-я СД должна была атаковать Молвотицы с юга, а 27-я ОСБр оказать огневую поддержку наступающих на немецкий опорный пункт. Район предстоящих боевых действий представлял собой лесисто-болотистую равнину с полями возле населенных пунктов, разрезанную р. Пола, с шоссейной дорогой, идущей вдоль р. Пола до Молвотиц с последующим поворотом на север через д. Бель 1-я ст. Тарасово на Демянск.

Согласно полученным указаниям командующего Южной группой войск 34-й армии, совместная атака на Спасово и Молвотицы была назначена на 12.00 28 февраля 1942 г. Но вследствие сильного огневого противодействия немцев к исходным позициям для атаки части 23-й СД и 86-й ОСБр смогли выйти только к 18.00. Более того, части бригады, вышедшие на исходную точку атаки, подверглись сильному минометному обстрелу противника. В ходе атаки противник оказывал сильное огневое сопротивление с дзотов и домов. Несмотря на то, что часть бойцов уже ночью смогли пробраться на окраину д. Спасово и поджечь несколько домов, 86-я ОСБр вынуждена была отойти, понеся серьезные потери. Из воспоминаний М. Скрябина: «Перед боем выстроились в шеренгу, разомкнувшись, на пять шагов друг от друга. Командир роты (кажется, его фамилия была Степанов) подал команду «Вперед». Утопая в снегу, мы поползли, протискиваясь сквозь мелкоколесье. Внезапно сзади нас ударили пушки. Это была артподготовка. Потом над головами засвистели пули, летели мины, обрезая верхушки деревьев. Мы продолжали ползти. Лесок кончился, и впереди открылась деревня – примерно в полукилометре. Теперь мы поняли, что оттуда как раз и бьют фашисты. Маскируясь, мы вели огонь по деревне. Справа и слева строчили наши максимы, продолжала бить артиллерия. Ночью батальон сменил позицию» [2, с. 3].

В результате неудачного наступления бригады убито 84 человека, ранено 196 человек. Подразделения 23-й СД после ожесточенного боя не смогли захватить с. Молвотицы и отошли, понеся большие потери. Из донесений 123-й пехотной дивизии вермахта: «На первой линии обороны более 10 опорных пунктов попали в руки врага после героической защиты до последних боеприпасов. Оставшиеся опорные пункты (более 15) отбивали в ожесточенных боях многочисленные атаки во многом превосходящих сил» [15, с. 0712].

Комбинированный удар подразделений Южной группы войск 34-й армии в конце февраля с разных направлений на опорный пункт немцев провалился.

1 марта 1942 г. от штаба СЗФ приходит приказ: блокировать с. Молвотицы с севера, нанеся сосредоточенные удары силами 130-й СД и 86-й ОСБр из района д. Андреевская, Великуша в направлении на д. Тарасово, Михеево. С этого момента 86-я ОСБр переходит в оперативное подчинение 130-й СД для общего наступления 4 февраля 1942 г. «Для выполнения указания штаба СЗФ руководство 130 стрелковой дивизии приняло решение нанести двойной удар 4.3.42 г. Первый – силами 86 ОСБр по деревне Антаново и далее на Любно – Ст. Маслово – Черная. Второй – силами 2-х полков 130 стрелковой дивизии 528 стрелкового полка и 371 стрелкового полка» [6, с. 166].

Согласно приказу командира дивизии Н. П. Анисимова за № 4 130-й СД от 3 марта 1942 г., бригаде предписывалось: «86 сбр наступать тремя эшелонами, нанося удар на Антаново, Любно.

После овладения Любно войти в связь с лыжным отрядом майора Конева, отрезать пути отхода противника на восток» [12, с. 101].

С 12.00 московского времени 4 марта Южная ударная группировка 34-й армии повела наступление на разных направлениях. «В связи с отсутствием танков для поддержки пехоты прямо в ее порядки передавалась артиллерия 76-мм и 45-мм орудий. Для сопровождения артиллерии командирам батальонов было приказано выделить по взводу пехоты» [5, с. 88].

Наступая на д. Антаново, бригада в составе 3-го стрелкового батальона на удалении 300–400 метров от противника залегла, встреченная сильным минометным и пулеметным огнем. Особенно большие проблемы вызвала фланкирующая огневая точка со стороны д. Андреевская. Наступление проходило фактически по снежной целине и открытой местности. Ввиду отсутствия результатов командиром бригады Н. М. Ласкиным 2-й и 3-й эшелоны в бой введены не были. После неудачной атаки была поставлена задача на разрушение артиллерией и минометами опорных пунктов противника.

Впоследствии артиллерия бригады была применена успешно, о чем свидетельствуют донесения II армейского корпуса вермахта от 5 марта 1942 г.: «Нападение противника на Антаново было отражено. Наши высокие потери являются следствием использования русскими большого количества артиллерии и минометов при отсутствии собственных бомбоубежищ и ограниченного количества боеприпасов... Вражеские потери при атаках на Антаново с вечера 3 марта по утро 5 марта составляют 150 убитых» [15, с. 0732].

В то же время 528-й СП 130-й СД, ворвавшийся в д. Великуша, был выбит внезапной контратакой немцев. Но вечером под прикрытием пулеметно-автоматного огня 371-й СП небольшими группами ворвался в д. Великуша и полностью ей овладел. 5 и 6 марта 42 г. подразделения бригады приводили себя в порядок, готовясь, согласно приказу командира 130-й СД, продолжить наступление на д. Антаново. С 7 марта планы командования 130-й СД поменялись: 3-й батальон бригады, понесший наибольшие потери в предыдущем наступлении, занял оборону перед д. Антаново, 2-й батальон с ротой минометов был передан в резерв командира 130-й СД, 1-й батальон с ротой минометов и двумя орудиями 76 мм был передан для усиления 371-го СП 130-й СД для наступления на д. Б. Островня и сосредоточился в д. Великуша. В то же время командование 86-й ОСБр не оставляет попытки занять д. Антаново, но уже не с западной, а с южной стороны, где местность была пересеченная: встречались как небольшие высоты, так и заболоченные участки, позволявшие укрыться небольшим отрядам наступающих. Поэтому для атаки с южной стороны д. Антаново был сформирован отряд ст. лейтенанта Чернышева. В ходе наступления боевая группа заняла четыре сарая и дзот северо-восточнее д. Великуша, но дальше попала под сильный минометный огонь противника и продвижение остановила.

Командование 130-й СД, сделав вывод о безрезультативности атак на опорный пункт Антаново, утром 8 марта проводит перегруппировку 86-й ОСБр, приказывает 2-му стрелковому батальону атаковать с севера и юга д. Будьково, 1-му стрелковому батальону наступать на д. Дягилево, 3-му стрелковому батальону подготовить район обороны в районе д. Великуша. В течение всего дня 8 и 9 марта 1942 г. бригада, встречая упорное огневое сопротивление из района д. Андреевская и перекрестный пулеметный огонь из района п. Любно, а также из дзотов восточнее д. Будьково, вынуждена остановиться и окопаться. 1-му стрелковому батальону захватить д. Дягилево тоже не удалось. Тем не менее, эти две неудачные атаки батальонов 86-й ОСБр на д. Дягилево и д. Будьково принесли пользу. Так как немцам было сложно оказать существенную поддержку сразу трем атакованным населенным пунктам в одном районе, атаковавшие в это время подразделения 130-й СД сумели захватить д. Б. Островня. Одновременно полкам 23-й СД и 27-й СБр удалось взять ключевые для обороны немцев пункты в южном секторе Демянского окружения: п. Молвоптицы и д. Спасово. Донесения 123-й пехотной дивизии вермахта, занимающей оборону в районе с. Молвоптицы: «Неизбежные собственные потери, а также серьезные поломки из-за обморожения приводят к тому, что имеющихся сил уже недостаточно для того, чтобы: а) развернуть передний край обороны по всему участку; б) вести оборонительное наступление. Кроме того, усиливается эмоциональная и физическая нагрузка на войска, расположившиеся на линии фронта. Несмотря на то, что противнику наносятся очень большие потери в этой атаке, слабые части в основной линии фронта не могут удержать линию обороны» [15, с. 0724].

Немецкие части вынужденно отступили на тыловую линию обороны Черная – Лунево – Корнево – Ожееды, правый фланг д. Будьково – Дягилево. 10 марта 1-й стрелковый батальон во взаимодействии со 130-й СД еще пытался наступать на д. Дягилево, но безуспешно. В это

время в оперативное подчинение бригады из 130-й СД передаются 78-й, 260-й и 261-й отдельные лыжные батальоны.

С момента завершения активных наступательных действий в первой декаде марта 1942 г. стрелковые батальоны 86-й ОСБр перешли к обороне. На 12 марта в тыловой сводке № 3 указывалось: «Бригада насчитывает 2433 человека, в том числе комначсостава – 288, рядовых военнослужащих – 1676, младших командиров – 462» [7, с. 45].

Общие потери бригады за период наступательных боев с 28 февраля по 9 марта: убитыми – 415 чел., раненых – 1179 чел., пропавших без вести – 25 чел. Из характеристики 86-й ОСБр командующим Южной группой генерал-майора А. С. Ксенофонтова: «После тяжелых боев 86-й ОСБр, в которых бригада понесла тяжелые потери, она перешла к обороне. От д. Глухое Демидово до д. Дягилево. Моральное состояние бойцов из-за больших потерь и скудного питания – подавленное» [8, с. 119].

Впоследствии нехватка сил с обеих сторон весной 1942 г. в Демянском котле привела к тому, что немцы не могли изменить положение своих войск из-за нехватки ресурсов, а Красная армия – активно наступать для выхода на оперативный простор, чтобы уничтожить окруженную группировку врага. Все это переросло в вязкую позиционную войну, по типу ведения боевых действий похожую на Первую мировую войну. С середины марта 86-я ОСБр ведет оборонительные бои на прежних рубежах и к наступательным действиям не привлекается. С 27 апреля 1942 г. Южная группа генерал-майора А. С. Ксенофонтова 34-й армии преобразована в 53-ю армию. Бригада, находясь в обороне, непрерывно совершенствовалась и своими активными действиями – разведкой, боем, артиллерийским и минометным огнем, налетами, вылазками отдельных групп, устройством засад – наносила немцам урон и держала противника в непрерывном боевом напряжении. Активно работали снайперы бригады: «11.3.42 снайперами 3 стрелкового батальона уничтожено 5 немцев. Снайперами 1 стрелкового батальона уничтожено 7 солдат противника», «13.8.42 3 стрелковый батальон: снайперским огнем уничтожено 5 немцев. 2 стрелковый батальон: снайперским огнем уничтожено 4 немца» [11, с. 220].

Действовали разведгруппы: «В ночь с 4.6.42 на 5.6.42 разведгруппа бригады внезапной атакой попыталась захватить деревню Нарезка... 10.6.42 г. в 15.00 действиями разведгруппы в количестве 15 человек был разбит обоз на дороге Глухое Демидово – Охрино, шедший в сопровождении 19 солдат» [10, с. 153].

Своими действиями в районе населенного пункта Нарезка бригада обеспечила выход из окружения группы подполковника Н. Е. Тарасова (1-я МВДБр). В летнем наступлении 53-й армии с целью разгрома противника на германской линии обороны по д. Кулотино – Себеж – Бель 1-я – Бель 2-я – Печище – Корнево – Лунево в составе 23-й, 130-й, 166-й, 235-й, 250-й СД 86-я ОСБр не участвовала.

Выполняя задачу прочного обеспечения левого фланга армии, имея фронт обороны более 25 км только по переднему краю, части бригады были лишены возможности необходимого эшелонирования в глубину и не имели в наличии значительных резервов на отдельных участках фронта. Из-за глубины района, по большей части лесисто-болотистого, крайне затруднена была маневренность резервов и использование огневых средств в случае активных действий противника. Из-за отсутствия пополнения 86-я ОСБр была не в состоянии иметь самые незначительные силы на внутренних (тыловых) рубежах и в районах обороны. С соседом слева, 154-й ОСБр 1-й Ударной армии, имелся большой разрыв: по прямой через болото – 16 км и по дорогам – до 46 км. То есть бригада была растянута в одну нитку при наличии больших промежутков, подвергаясь опасности проникновения через лесные массивы отдельных и даже значительных диверсионных групп противника. Из протоколов допросов советских военнопленных командованием 123-й пехотной дивизии вермахта: «Пленный Чемоданов Василий, женат, 1911 г. р., Кировская область, взят 16 мая 1942 г. Подразделение: 1-я рота 1-го батальона 86-й бригады. Показания: В конце марта пленный прибыл из Кирова в Осташков по железной дороге в составе группы пополнения из 600 человек. Оружие пополнение получило только на фронте. Численность личного состава 1-й роты – 50 человек, а всего батальона – около 200 человек» [15, с. 0857].

Показания пленного о состоянии 86-й ОСБр подтверждает перебежчик: «Перебежал 24 мая севернее д. Антаново. Личные данные: красноармеец Чендарев Александр, 1913 г. р. Подразделение: 2-я рота 3-го батальона 86-й бригады. Показания: Численность личного состава батальона сейчас составляет около 50–60 человек. Пополнений батальон, вероятно, еще

не получал. Около десяти дней тому назад по собственным тыловым службам были собраны все, кого можно было собрать» [15, с. 0859].

Истощенные подразделения 86-й ОСБр фактически играли роль завесы на одном из направлений окружения немецких соединений и не могли претендовать на какую-либо роль в разгроме противника.

Боевая деятельность 86-й ОСБр в июле–сентябре 1942 г. носила оборонительный характер на прежних рубежах д. Ст. Новосел – Любно – Ожееды – Будьково – Дягилево. Однако по мере накопления резервов частями бригады проводились попытки улучшить положение. Из донесений 123-й пехотной дивизии: «20 июля 1942 в полночь около 500 русских нанесли удар шириной 500 метров по переднему краю обороны восточнее Будьково при поддержке трех легких батарей и большого количества тяжелых минометов. При помощи огня пехоты и артиллерии противник отогнан» [15, с. 0792].

Проводились налеты на немецкие позиции артиллерией бригады: «5 августа 1942. По-видимому, пристрелка противником с тяжелыми минометами и легкой артиллерией по линии Пола между Старым Новоселом и Любно. Кроме этого, обычный огонь пехоты и артиллерии» [15, с. 0808].

Формировались штурмовые и разведывательные группы из частей 86-й ОСБр: «15 и 16 августа 1942 русская разведгруппа, атаковавшая на юго-западном и южном крае Дягилево, а также дважды атаковавшая с северо-востока Ожееды штурмовая группа при поддержке тяжелых пехотных орудий были отбиты» [15, с. 0812].

18 августа 1942 г. 86-я ОСБр была доукомплектована остатками личного состава 20-й СБр. Распоряжением командующего 53-й армией 26 сентября бригада, сдав свой оборонительный рубеж частям 235-й СД, сосредоточилась в районе, в Новой Руссе, в составе 2573 человек, где до 20-х чисел ноября приводила себя в порядок и вела боевую подготовку.

Если провести обзорный анализ исследований историков В. И. Афанасенко, А. И. Калистратова, С. А. Коробкова, посвященных боевым действиям РККА в начале 1942 г., можно сделать вывод, что неудачи 86-й ОСБр не являлись исключением из правил, а отражали общие проблемы Красной армии данного периода. Исследователи С. А. Коробков и А. И. Калистратов в своих трудах «Общее наступление Советских войск зимой 1941–1942 гг.: итоги, выводы, причины неудач», «Советское военное искусство во Второй мировой войне (объективные причины поражений 1941–1942 годов)» в качестве основных неудач РККА в начале 1942 г. называли:

1) Переход к стратегической обороне в целях накопления сил, оснащения войск вооружением и техникой и подготовки к решающим сражениям лета 1942 г. не состоялся. Красная армия была обескровлена в упорных, плохо подготовленных и обеспеченных атаках сильной немецкой обороны.

2) Резервы Ставки почти равномерно распределялись между северо-западным и западным направлениями, что привело к распылению сил и средств.

3) В период подготовки наступательных операций Ставка ВГК осуществляла большие перегруппировки войск. Проведение этих перегруппировок осложнялось недостаточно развитой сетью железных и шоссейных дорог, особенно на северо-западном направлении, недостатком автотранспорта и суровыми условиями многоснежной зимы.

4) Работа тыла Красной армии в общем наступлении протекала в сложных условиях зимы, при общем недостатке вооружения, боеприпасов, горюче-смазочных материалов и автотранспорта.

5) Важной причиной незавершенности наступательных операций в общем наступлении зимой 1942 г. являлось отсутствие у командования и штабов большинства оперативных объединений достаточного опыта в организации и ведении крупных наступательных операций, а у командного состава тактического звена в организации и ведении наступательного боя.

6) Там же, где тактическая зона обороны врага оказывалась прорванной, развитие успеха в оперативной глубине не обеспечивалось, так как фронты не имели в своем распоряжении достаточно сильных резервов.

7) Важнейшей причиной незавершенности операций на окружение являлось отсутствие во фронтах и армиях крупных механизированных и танковых соединений.

8) Малочисленность фронтовой авиации вынуждала советское командование привлекать для непосредственной поддержки сухопутных войск на поле боя авиацию дальнего действия и авиацию ПВО страны.

9) Управление войсками в ходе наступления в звене Ставка – фронт, фронт – армия осуществлялось с помощью проводной и радиосвязи, а также подвижных средств связи.

10) Испытываемый войсками действующей армии постоянный и острый недостаток боеприпасов и вооружения также являлся одной из важных причин незавершенности операций зимой 1941–42 гг. [3, с. 151–152; 4, с. 49–51].

11) «На действиях соединений сказались их слабая сколоченность и недостаток боевого опыта. Взаимодействие пехоты с танками, артиллерией и особенно с авиацией часто нарушалось или полностью отсутствовало» [1, с. 71–81].

На примере анализа организации и хода боевых действий 86-й ОСБр данные выводы полностью подтверждаются. В частности, в боевых донесениях и оперсводках бригады к вышестоящим штабам указывалось на неудовлетворительное владение личным составом введенной материальной частью, отсутствие постоянной связи с соседними частями. «Части бригады одновременно с производством оборонительных работ проходят изучение матчасти и полученного оружия и гранат. Связь с соседями, своими частями только живая/машины, лыжники, пешие, имущество – телефонной и радио бригада не имеет. Продовольствие – только сухарями и сахаром бригада обеспечена на 1 сутки, остального нет» [6, с. 167].

Сильно сказывались нехватка времени для подготовки частей перед наступлением и недостаток опыта военных действий у военнослужащих бригады, слабая разведка, нехватка бронетехники. «Ввиду ограниченного времени на подготовку для наступления сильно укрепленных пунктов Антаново, Любно, отсутствия поддержки крупной артиллерии (калибра дивизионного и корпусного), слабой подготовленности молодой артиллерии бригады и недостаточной разведки, бригада задачу овладения опорным пунктом Антаново не выполнила, но своим наступлением обеспечила захват 130 СД д. Великуша» [8, с. 119].

К тому же имелись перебои с поставкой продовольствия из-за плохих дорог в прифронтовой зоне. «Дороги проселочные, затруднительные для автотранспорта. Обеспеченность продовольствием: неполная норма только на полдня. Положение угрожающее. Обеспеченность фуражом: овсом на 2 дня, сена нет, причем фураж получен только в ночь 16 на 17.3.42. Конский состав истощен, имеется падеж» [5, с. 284].

На переднем крае бригада несла большие потери, а пополнение было нерегулярное и неудовлетворительно обученное, о чем свидетельствует доклад командира бригады Н. М. Ласкина командующему 53-й армии: «Прибывающее пополнение на 80 % по своему физическому состоянию признано годным к нестроевой службе. На с/ч из занаряженных по Вашему приказу за № 102–103 от 7.6.42 600 чел. пополнения прибыло всего лишь 180 чел. Поскольку значительный процент из прибывшего пополнения состоит из отставших от других частей и осужденных за дезертирство и др., для изучения его и подготовки к выполнению боевых задач пополнение мною задерживается на 5–6 дней в тылу для прохождения краткой боевой подготовки» [9, с. 112].

Безусловно, все эти прямые и косвенные причины повлияли на выполнение боевых задач командованием 86-й ОСБр. К вышеперечисленным факторам следует также добавить сложные погодные условия в зимне-осенний период, лесисто-болотистую местность, постоянное нахождение в стрессовом состоянии солдат, ежедневные боевые потери товарищей, неустроенный фронтовой быт. Все это влияло на морально-психологическое состояние военнослужащих бригады, приводило к снижению боеспособности и в конечном итоге отрицательно сказывалось на подразделениях и их наступательных возможностях.

В равной степени все эти факторы действовали и на другие воинские подразделения и части переднего края армий и фронтов в 1942 г., участвовавшие в противостоянии с немецкими захватчиками. Типичное состояние большинства частей и соединений в рассматриваемый период: активные действия по прибытии на фронт, потеря ударных возможностей за короткий промежуток времени и непрерывное пополнение из тыловых частей маршевыми ротами для последующей позиционной войны (не исключение и первая Демянская наступательная операция). Угроза прорыва фронта зимой 1941–1942 гг. вынуждала Ставку ВГК оперативно реагировать и восполнять пробелы в построении войск быстроформируемыми соединениями – бригадами, в том числе и 86-й ОСБр. Это позволило сдерживать наступление противника в начальный период Великой Отечественной войны. На последующих этапах войны, по мере приобретения командованием РККА навыков «глубоких операций», данные соединения сошли на «нет».

Список литературы

1. Афанасенко В. И. Предвестники катастрофы на юге: поражения РККА в Крыму и под Харьковом в мае 1942 г. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 5. С. 71–81.
2. Кировская правда. 28 марта 1980. № 73. С. 3.
3. Историческое значение первой победы над немецким фашизмом во Второй мировой войне. К 75-летию победы советских войск в Отечественной войне под Москвой в 1941 г. : сборник статей / отв. ред. А. С. Протопопов, Д. А. Дегтерев. М. : Российский университет дружбы народов, 2016. С. 151–152.
4. Калистратов А. И. Советское военное искусство во Второй мировой войне (объективные причины поражений 1941–1942 годов) // Военная мысль. 2009. № 7. С. 49–58.
5. Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Ф. 107. Оп. 1557. Д. 5. С. 284.
6. ЦАМО. Ф. 107. Оп. 1557. Д. 9. С. 167.
7. ЦАМО. Ф. 107. Оп. 1557. Д. 14. С. 45.
8. ЦАМО. Ф. 389. Оп. 4690. Д. 217. С. 119.
9. ЦАМО. Ф. 389. Оп. 4709. Д. 33. С. 112.
10. ЦАМО. Ф. 409. Оп. 10057. Д. 36. С. 153.
11. ЦАМО. Ф. 409. Оп. 10057. Д. 60. С. 220.
12. ЦАМО. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 11. С. 101.
13. ЦАМО. Ф. 1817. Оп. 1. Д. 2. С. 289.
14. Центральный государственный архив Кировской области (ЦГА КО). Ф. П-1290. Оп. 7. Д. 39. С. 60.
15. National Archives and Records Administration (NARA). T-315. R-1332. Документ предоставлен А. В. Панкратовым, перевод А. В. Окуловской.

The reasons for the failures of the Red Army in 1942 on the example of the combat operations of the 86th separate rifle brigade

R. R. Kasimov¹, V. A. Komlev²

¹postgraduate student, Vyatka State University. Russia, Kirov. E-mail: kasimovruslan77@gmail.com

²PhD in Psychological Sciences, associate professor of the Department of Criminal Procedure of the Volga-Vyatka Institute (branch) of the Moscow State Law University n. a. O. E. Kutafin. Russia, Kirov. ORCID: 0000-0001-8198-6331. E-mail: radon744@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the analysis of the main reasons for the failures of the Red Army at the beginning of 1942. One of the typical examples of the failure of the Red Army's combat operations is the combat operations of the 86th separate rifle brigade in 1942 to eliminate the surrounded Demyansk group of Germans. The article presents a comparative analysis of the features of the fighting of the 86th separate rifle brigade and the results of research by other authors of the fighting of individual units of the Red Army of this period. The general aspects in the organization of the formation and combat operations of the Red Army units are highlighted, which served as the main reasons for the large losses of the Red Army in 1942.

When writing the article, the authors used documents and materials of the Central State Archive of the Kirov region, the Central Archive of the Ministry of Defense, materials of the translation of the Combat Log of the 123rd Infantry Division of the opposing side for this period, personal memories of a participant in the war.

The purpose of the study is to identify the reasons for the failure of the strategic offensive of the Red Army in the first half of 1942. The relevance is due to the increased interest in the history of the Great Patriotic War. It is considered, among other things, through the aspect of the combat use of regional military formations in different periods of the war and in various combat operations. The result of the study may be of interest to researchers of the history of the war period, teachers of military-patriotic education, teachers of the humanities in educational institutions of secondary and higher education.

Keywords: Great Patriotic War, Red Army, 86th separate rifle brigade, Military operations, strong point.

References

1. Afanasenko V. I. *Predvestniki katastrofy na yuge: porazheniya RKKA v Krymu i pod Har'kovom v mae 1942 g.* [Harbingers of catastrophe in the South: defeats of the Red Army in the Crimea and near Kharkov in May 1942] // *Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* – Herald of the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences. 2016. No. 5. Pp. 71–81.
2. *Kirovskaya Pravda* – Kirov truth. March 28, 1980. No. 73. P. 3.
3. *Istoricheskoe znachenie pervoj pobedy nad nemeckim fashizmom vo Vtoroj mirovoj vojne. K 75-letiyu pobedy sovetskih vojsk v Otechestvennoj vojne pod Moskvoy v 1941 g. : sb. statej* – The historical significance of the first victory over German fascism in World War II. To the 75th anniversary of the victory of the Soviet troops in the Patriotic War near Moscow in 1941 : collection of articles / resp. ed. A. S. Protopopov, D. A. Degtrev. M. Peoples' Friendship University of Russia. 2016. Pp. 151–152.

4. Kalistratov A. I. *Sovetskoe voennoe iskusstvo vo Vtoroj mirovoj vojne (ob'ektivnye prichiny porazhenij 1941–1942 godov)* [Soviet military art in World War II (objective reasons for defeats of 1941–1942)] // *Voennaya mysl'* – Military Thought. 2009. No. 7. Pp. 49–58.
5. Central Archive of the Ministry of Defense (CAMD). F. 107. Inv. 1557. File 5. P. 284.
6. CAMD. F. 107. Inv. 1557. File 9. P. 167.
7. CAMD. F. 107. Inv. 1557. File 14. P. 45.
8. CAMD. F. 389. Inv. 4690. File 217. P. 119.
9. CAMD. F. 389. Inv. 4709. File 33. P. 112.
10. CAMD. F. 409. Inv. 10057. File 36. P. 153.
11. CAMD. F. 409. Inv. 10057. File 60. P. 220.
12. CAMD. F. 1167. Inv. 1. File 11. P. 101.
13. CAMD. F. 1817. Inv. 1. File 2. P. 289.
14. Central state archive of the Kirov region (October TO). F. P-1290. Inv. 7. File 39. P. 60.
15. National Archives and Records Administration (NARA). T-315. R-1332. The document was provided by A. V. Pankratov, transl. by A. V. Okulovskaya.

Социально-демографическая характеристика евреев-революционеров в конце XIX – начале XX веков

К. А. Якимов

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии,
Тамбовский государственный технический университет.
Россия, г. Тамбов. ORCID: 0000-0003-1756-3515. E-mail: gnom-gnom123@mail.ru

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью уточнения национального состава российского революционного движения как многонационального феномена. Проблема участия евреев в революционных событиях России – одна из самых обсуждаемых тем не только в историографии, но и в публицистике, до сих пор исследователи дают различные оценки и объяснения роли и причин участия евреев в революции. Материал данной статьи является продолжением ранее начатой автором работы по данной тематике и выполнен на ресурсной базе Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. В качестве основного источника в изучении данной проблемы стал библиографический справочник «Политическая каторга и ссылка», составленный на основании индивидуальных анкет членов Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев и содержащий ценные данные о возрасте, национальности, социальном происхождении, профессии, уровне образования и политической принадлежности участников революционного движения. С помощью данных справочника была построена таблица базы данных с выборкой и последующим анализом представителей еврейской национальности.

В ходе исследования с помощью количественных методов были конкретизированы и уточнены представления о месте и роли евреев в российском революционном движении, выявлены причинно-следственные закономерности революционной активности евреев. Рассмотрение статистики арестов позволило проанализировать динамику вовлечения еврейской молодежи в революционное движение в конце XIX – начале XX вв. Показано, что пик революционной активности среди евреев пришелся на период первой русской революции.

Несмотря на то, что исследуемая когорта является представителями исключительно левого политического спектра, автор констатирует, что ни одна политическая партия не выражала интересы всей революционно настроенной части еврейского народа. При этом идеология интернационализма вполне закономерно способствовала росту популярности левых партий среди евреев. Сравнительно высокий уровень образования и лидерские качества нередко ставили евреев в авангарде революционного движения.

Область применения результатов – сферы образования, науки, культуры, этноконфессиональной политики, гражданского общества.

Ключевые слова: революционное движение, еврейский вопрос, партийная принадлежность.

Подавляющее большинство работ, посвященных проблеме участия евреев в российском революционном процессе, было написано в дореволюционное и постсоветское время. Начало первого периода (1880-е гг.) характеризуется возрастанием общественного и научного интереса к еврейской истории. Появляется ряд работ, связанных с вопросами социально-правового положения евреев, динамикой его движения и расселения, идейно-политическими течениями среди еврейства (Г. Б. Слиозберг [13], Ю. И. Гессен [4], С. М. Дубнов [6]).

Для постреволюционного периода характерно активное изучение роли евреев в революции, обусловленное, с одной стороны, вниманием советской власти к решению «еврейского вопроса» в стране, с другой – весомостью еврейского компонента в революционном движении. Поэтому в 1920-е гг. вышло немало исследований такого рода. Среди общего количества трудов следует отметить работу Л. Г. Дейча «Роль евреев в русском революционном движении» [5], где представлен материал о многих выдающихся представителях еврейства в русской революции. Не обошел вниманием еврейский вопрос один из лидеров русских националистов В. В. Шульгин в книге «Что “нам” в “них” не нравится» [17], вышедшей первым изданием в 1929 г., но более полувека отмеченной печатью «табу». Автор с присущим ему тактом разбирает вопрос о роли евреев в судьбах России, отведя значительное место их участию в студенческих волнениях и революции 1905–1907 гг.

Более специальный характер носят исследования видных деятелей революционного движения в России М. Рафеса и Н. Бухбиндера [2; 11]. Они сочетали в себе достоинства научного, основанного на документальных источниках подхода с непосредственными наблюдениями участников революционного процесса. Написанные с ортодоксально марксистских позиций эти работы донныне не утратили своей научной значимости.

Примерно с середины 1930-х гг., на фоне усиления тоталитарных тенденций, общего диктата командно-административной системы, особенно ощутимого в интеллектуальной сфере, полностью свертывается изучение истории российских евреев. Лишь с конца 1960-х гг. вновь появляются осторожные публикации на «скользкую» тему, специальный интерес к которой тогда казался весьма подозрительным, особенно в связи с враждебностью в отношениях между СССР и Израилем.

На современном этапе (с начала 1990-х гг.) появилось немало исторических и историко-публицистических работ по проблеме участия евреев в российском революционном движении. Определенный вклад в ее изучение внесли Я. И. Рабинович [10], А. И. Солженицын [12], И. Р. Шафаревич [15], однако, возбуждая общественный интерес к проблеме еврейства, в строго научном смысле они не представляют большой ценности, прежде всего по причине отсутствия у них профессионального исторического подхода к проблеме. Отдельного внимания заслуживают исследования О. В. Будницкого [1], по мнению которого неполноправие евреев в царской России являлось главной причиной столь значительного процента представителей еврейской национальности в российской революции. В зарубежной историографии исследуемой темы особое место занимает работа канадского историка Эрика Хаберера «Евреи и революция в России XIX века» [14]. В ней автор на основе статистических данных конкретизирует роль евреев в российском революционном движении в конце XIX в. Однако, несмотря на значительное количество публикаций, посвященных проблеме участия евреев в российском революционном движении, она представляется недостаточно изученной.

Основным источником при написании данной статьи стал библиографический сборник «Политическая каторга и ссылка» [8; 9], с помощью которого была составлена таблица базы данных с выборкой и последующим анализом представителей еврейской национальности. Прежде чем перейти к рассмотрению просопографической характеристики евреев-революционеров, необходимо заметить, что в соответствии с уставом ВОПиС в него принимались не только лица, приговоренные царскими судами за революционную деятельность к каторге и ссылке, но и все те, кто оказал важные услуги революционному делу, за что подвергся иным видам преследования со стороны правительства – тюрьма, крепость, административная ссылка [8, с. 13]. Еще одним обязательным условием приема в Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев было наличие непрерывного революционного стажа не менее 25 лет или четыре года пережитых репрессий [3, с. 32].

Кроме того, исследуемая когорта – это представители левого политического спектра, почти исключительно – социалисты, поскольку устав Общества не позволял принимать в него представителей различного рода либеральных течений. В силу этого обстоятельства среди членов Общества не было ни кадетов, ни октябристов, ни тем более, членов правых политических партий и союзов. Из этого состава также исключались так называемые «подаванцы», то есть те, кто в прошлом обращался к властям с просьбой о помиловании, а также лица, принимавшие участие в пособничестве полиции, например, оказывали помощь в раскрытии готовившихся политических актов – покушений, стачек, побегов, с целью заслужить снисхождение царской власти или смягчение личной участи.

Всего в ходе рассмотрения анкет членов Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев выявлено 598 евреев из примерно 2900 членов [18, с. 205]. Как видим, евреи составляли пятую часть (20 %) в общем составе Общества, что можно принять за базовый показатель, подтверждающий их активное участие в российском революционном движении. При общем преобладании мужчин среди евреев-революционеров заметную долю занимали представительницы слабого пола – 101 человек (19,2 %). По всей видимости, столь значительный процент еврейских девушек объясняется наличием многочисленных ограничений для лиц еврейской национальности. Существование черты оседлости, процентной нормы в университетах, профессиональной дискриминации не позволяли в полной мере реализовать социальную энергию целого народа и, как следствие, выталкивали их в революцию.

В процессе исследования было установлено, что большая часть евреев-революционеров были выходцами из мещанской среды – 387 человек (87 %), что вполне закономерно, по-

сколькx еврейское население было преимущественно городским. При этом лишь незначительная доля связывала свое социальное происхождение с рабочим классом – 54 человека (12 %). Сравнительно мало выходцев из крестьянского сословия (1,8 %) и духовенства (0,2 %). Отсутствие земских школ в черте оседлости было главной причиной распространенности среди евреев-революционеров домашнего образования – 203 человека (40,4 %), которое фактически было на уровне начального. Тем не менее, освоения основ грамотности было достаточно для большей части исследуемой группы, если учесть, что 294 человека (77,2 %) были обыкновенными рабочими. Вместе с тем среди евреев-революционеров были и те, кто, несмотря на существование процентной нормы для евреев, имел высшее образование – 42 человека (8,4 %). Наиболее распространенным было получение юридического и медицинского образования. Более 150 евреев (30 %) в своих анкетах указали наличие среднего образования.

Важным элементом политической социализации личности является возраст приобщения к революционной деятельности. Он, с одной стороны, связывает человека с определенным историческим моментом, событием, ситуацией, с другой – выражает его индивидуальность. Разумеется, спустя много лет авторы указывали это, что называется, «на глазок», приблизительно, другие авторы вообще не упоминали времени своего вхождения в революционные кружки и организации. Однако учтем тот непреложный факт, что год вступления членов исследуемой когорты в революционную организацию практически всегда совпадал с годом их первого ареста, поскольку в большинстве случаев продолжительность активной революционной деятельности не превышала и года. Таким несложным образом можно проследить возраст политической инициации евреев-революционеров.

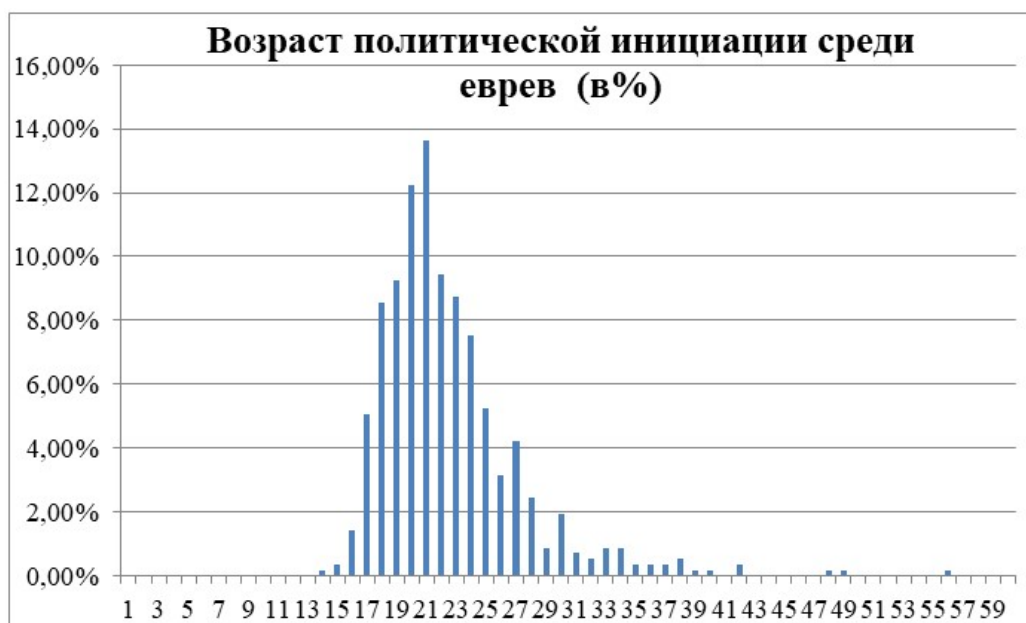

Рис. 1. Возраст политической инициации среди евреев (в %)

Как видим, большинство евреев стало активными участниками революционного движения в возрасте от 20 до 23 лет (43,9 %). Среди них были такие видные революционные деятели, как Л. Г. Дейч, А. А. Иоффе, а также Ф. Я. Кон, приговоренный в 20 лет к десяти годам каторжных работ. Совсем незначительна доля евреев, примкнувших к революционному движению после 30 лет – всего около 5 %. В общем контексте своей необычностью представляют интерес отдельные человеческие судьбы. Например, И. С. Имханицкий примкнул к социал-демократам в возрасте 15 лет, Р. А. Шмидова-Клюге вступила в организацию «Народной воли» в 14 лет, напротив, Л. С. Альгаузен, уроженец Витебска, стал активным участником революционного движения лишь в возрасте 49 лет.

Специфическую сложность представляет определение партийной принадлежности того или иного члена Общества, хотя, казалось бы, это простая задача, поскольку именно благодаря своей партийности экс-революционеры могли вступить в него. Но, во-первых, не у всех в анкетах указана партийная принадлежность. Это вполне могло отвечать реальной обстановке

в черте обитания еврейства, где конкурировали многие комитеты общероссийских и местных партий, а у самого автора могло не быть четких политических предпочтений ко времени ареста (он был, так сказать, «беспартийным революционером»). Во-вторых, многие евреи, активно участвовавшие в революционном движении, на разных этапах своей деятельности принадлежали к разным партиям, преимущественно социалистической окраски, эволюционируя справа налево или чаще наоборот – слева направо. Общая картина партийно-политической принадлежности евреев-революционеров представлена ниже.

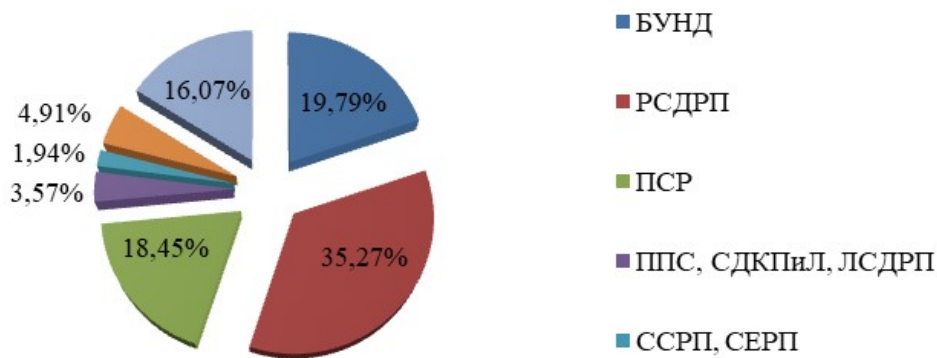

Рис. 2. Партийность евреев-революционеров (в %)

В общей сложности 175 человек (29,3 %) из рассматриваемой когорты состояли в нескольких партиях, поэтому при подсчете данных они учитывались столько раз, в скольких партиях работали за весь период своей революционной деятельности. Самой многочисленной революционной партией, в состав которой входило значительное количество евреев, что совершенно закономерно, была Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП) (217 человек, или 35,3 %). Это обусловлено и высокой урбанизированностью населения черты оседлости, и тем, что идеология и практическая работа РСДРП, особенно в ранний период ее существования, носили ярко «городской» характер. При этом только семеро (1,2 %) членов Общества указали на свою принадлежность к большевикам (в их числе братья Моисей и Миной Губельманы, последний более известен как Емельян Ярославский, сталинский академик и идеолог, руководитель антирелигиозного фронта в СССР, С. М. Диманштейн, Л. Д. Троцкий). Из этого факта напрашивается вывод о том, что в черте еврейской оседлости раскол РСДРП на большевиков и меньшевиков не был так заметен, как в России в целом. Во всяком случае, меньшевики явно здесь доминировали.

Идеология интернационализма, свойственная большинству левых партий, была весьма привлекательна для еврейского населения России. Свойственное евреям рационалистическое мышление делало их склонными к усвоению доктрин революционного марксизма, обещавших построение такого общества, которое окончательно порвет с христианством, следствием чего станет более полная ассимиляция евреев. По этой причине идеологи большевизма, в том числе Л. Д. Троцкий, Е. Ярославский, М. М. Валлах-Литвинов, К. Б. Радек, Д. Б. Рязанов-Гольдендах, Ю. М. Стеклов-Нахамкес, Г. Г. Ягода считали себя «интернационалистами» и с еврейским народом, кроме своего происхождения, не связывали ничего общего. Как верно заметил Я. И. Рабинович, «та многочисленная армия еврейской молодежи, которая занимает видное место в рядах Российской социал-демократической рабочей партии и выдвигает там даже своих лидеров, формально порвала всякие связи с еврейством. Это – последовательные ассимиляторы в силу своих партийных и интернациональных убеждений» [10, с. 152]. Также они выступали противниками самостоятельного еврейского национального и культурного движения и еврейской автономии. Кроме того, в большевиках евреев привлекало сочетание освободительных идей с решительностью и бескомпромиссностью позиций, готовностью в нужный момент перейти к активным действиям.

Заметим, что значительная часть большевистских лидеров-евреев вышла из зажиточных слоев. Троцкий был сыном колониста-землевладельца, Л. Б. Каменев – сыном крупного инженера, Г. Е. Зиновьев – хозяина молочной фермы, Г. Я. Сокольников – врача и владельца аптеки, М. С. Урицкий – купца. Из этого следует вывод, что в революцию их приводила не социальная несправедливость, а нечто иное. Можно предположить, что это чувство национальной дискриминации, пережитое в детстве.

Однако евреев-большевиков было сравнительно мало среди членов Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Большинство находилось под влиянием меньшевиков и Бунда, который с 1906 г. был идейно связан с меньшевизмом. Меньшевики, поддерживая тесную связь с Бундом, переняли у него тактику рабочих забастовок, заменявшую террор и восстания, как основные орудия борьбы. В составе Общества были такие видные меньшевики, как Л. Г. Дейч – один из основоположников меньшевизма, И. В. Аптекман, А. А. Иоффе. К 1917 г. евреи составляли около половины ЦК «объединенной» партии меньшевиков [10, с. 163].

Лишь после подавления большевиками всех прочих партий, как либеральных, так и социалистических, значительные кадры еврейской молодежи потянулись в Коммунистическую партию. Около 40 % евреев из числа членов ВОПиС после 1917 г. вступили в партию большевиков, и среди них было немало бывших анархистов, эсеров и бундовцев.

По всей видимости, одним из основных мотивов притока евреев в качестве «советских служащих» в годы Гражданской войны и первые годы советской власти послужил страх, что старый царский порядок, вызывавший негодование и гнев, будет восстановлен. Безусловно, этому способствовал и высокий уровень грамотности городского еврейского населения – когда после Октября русская интеллигенция в массе отказалась сотрудничать с большевиками, ленинцы обратились за помощью к евреям, энергичным, смекалистым, способным и дотоле униженным чертой оседлости и иными «еврейскими законами».

Вторым по численности среди евреев в ВОПиС шел Бунд – 133 человека (23,6 %), основанный в 1897 г. Это была первая марксистская и самая крупная еврейская политическая партия в России. Бунд принимал в свой состав только евреев, пытаясь отстаивать еврейские интересы особо от общероссийских. В 1898 г. Бунд вступил в РСДРП, однако на II съезде РСДРП (1903 г.) по вопросу о национально-культурной автономии для евреев разошелся с РСДРП и вышел из ее состава.

Немалое количество евреев, членов Общества, были эсерами – 124 человека (22,0 %). Известно, что среди организаторов ПСР были Х. О. Житловский, О. С. Минор, И. А. Рубанович, М. А. Натансон, в Боевой организации эсеров состояли А. Р. Гоц, Г. А. Гершуни, Д. Бриллиант, Л. Зильберберг. Однако, по наблюдениям Д. Н. Шуба, «они всегда составляли в ней незначительное меньшинство» [16, с. 134]. Это и понятно, поскольку партия эсеров позиционировала себя как «крестьянская» и опиралась в основном на российское крестьянство.

Также были в составе Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев члены революционно-народнических организаций («Народная воля», «Земля и воля», «Черный передел») – около 6 %, которые с их распадом вошли в ПСР или РСДРП. Это уже упоминавшиеся Л. Г. Дейч, Ф. А. Коган-Бернштейн, О. В. Аптекман, а также Ф. И. Фесенко, А. Н. Бибергаль, М. А. Брагинский и другие.

Многие члены Общества связали свою революционную деятельность с партиями социал-сионистского толка: «Поалей Цион», Сионистско-социалистическая рабочая партия (ССРП), Социалистическая еврейская рабочая партия (СЕРП). Члены этих партий видели разрешение еврейского вопроса в создании демократического еврейского государства в Палестине. Незначительное количество евреев были членами социалистических и социал-демократических партий Польши, Литвы и Латвии: ППС – 16 человек (2,8 %), СДКПиЛ – 2 (0,35 %), ЛСДРП – 6 (0,89 %).

Сравнительно много евреев – 108 (16,1 %) – в разные периоды своей революционной активности были анархистами. Известно, что российский анархизм зародился именно в черте оседлости, и потому процент участия представителей еврейской национальности в анархистских группировках был высок.

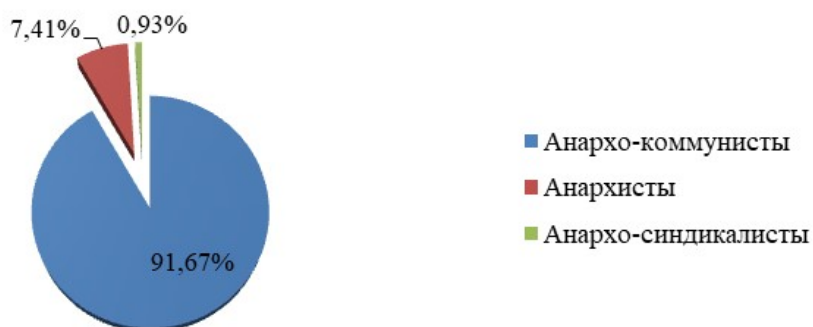

Рис. 3. Евреи в анархистском движении (в %)

Среди участников еврейского анархизма были сторонники самых различных течений международного анархизма: анархо-коммунисты, анархо-индивидуалисты и анархо-синдикалисты. При этом в подавляющем большинстве доминировали анархо-коммунисты. В их число входили Л. И. Коган, Г. Б. Сандомирский, Д. А. Беккер – один из организаторов «Интернациональной группы анархистов-коммунистов» в Белостоке. Не касаясь причин огромного преобладания анархо-коммунистов над другими течениями анархического движения, отметим лишь, что они наиболее были восприимчивы к большевистской идеологии и практике, и потому их обилие в Обществе политкаторжан и ссыльнопоселенцев не вызывает удивления.

Особого внимания заслуживает рассмотрение динамики развития революционного процесса среди еврейства. Всего в процессе исследования было зафиксировано 655 случаев арестов членов Общества, указанных респондентами при заполнении анкет, при том, что 82 человека были арестованы дважды и более раз. Для наглядности рассмотрим динамику революционного движения среди евреев, как она вырисовывается по статистике арестов.

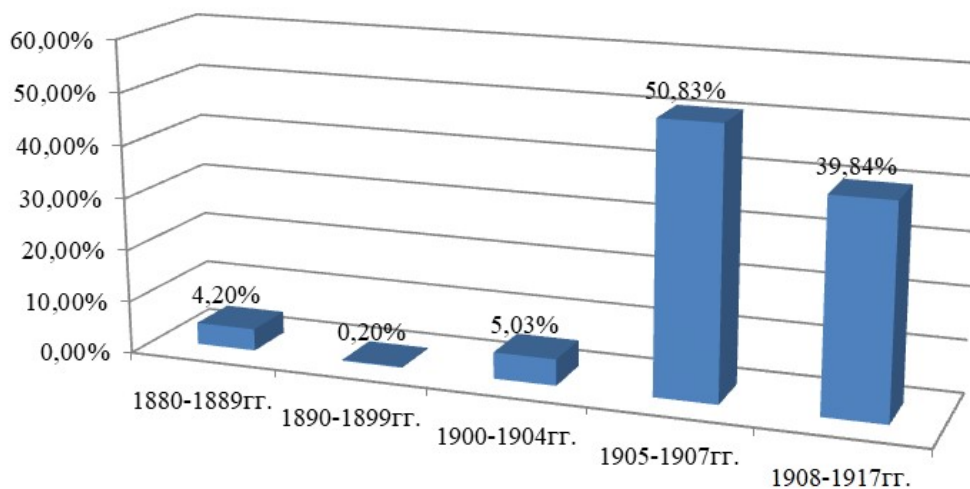

Рис. 4. Развитие революционного движения среди евреев (в %)

Первая волна революционного движения приходится на 1880-е гг. Среди бывших политкаторжан в это десятилетие аресту подверглись 28 человек (4,2 %), при этом пятеро были арестованы дважды. Все они являлись членами обществ «Земля и воля», «Народная воля» и «Черный передел». Среди арестованных были Н. О. Коган-Бернштейн, сосланная в 1882 г. в Томск, А. Н. Бибергаль, в 1877 г. приговоренный к 15-летним каторжным работам на Каре, Л. Г. Дейч, арестованный в Германии в 1884 г. и выданный российским властям, Ф. Я. Кон, приговоренный тогда же к 10 годам каторжных работ, Ф. А. Морейнис-Муратова, осужденная в 1883 г. по «процессу 23-х».

Почти никто из еврейских революционеров тех лет не вошел в революцию от нищеты и бедности, большинство были выходцами из зажиточных семей. Так, Дейч, Апеткман происходили из весьма зажиточных купеческих семей, Бибергаль – сын состоятельных мещан. Основным местом изоляции большинства осужденных по политическим процессам к каторге в 1860–1890 гг. были мужская и женская тюрьмы на Каре в Забайкалье. За этот период там находилось 217 политкаторжан, в том числе 23 еврея: Бибергаль, Геллис, Геккер, Дейч, Дрей, Добрускина, Зайднер, Лев Златопольский, Зунделевич, Кон, Левенталь, Лурье, Майер, Морейнис, Гросман-Прибылева, Ровенский, Фриденсон, Шехтер и Цукерман.

В 1890-е гг. был замечен спад революционной активности еврейства; за это время среди членов Общества, судя по биографическому справочнику, аресту подвергался всего один человек.

Проанализируем динамику революционного движения евреев по их партийной принадлежности и по десятилетиям до 1917 г. (в %).

Таблица 1

**Динамика революционного движения евреев по их партийной принадлежности
и по десятилетиям до 1917 г. (в %)**

Партийность/годы	1880–1889	1890–1899	1900–1904	1905–1907	1908–1917
Анархисты	–	–	2,6	19,25	17,75
Бунд	–	–	18,4	18,2	24,6
ЛСДРП	–	–	–	1,1	0,3
ППС	–	–	5,3	1,9	2,05
ПСР	–	–	10,5	22,7	16,7
РСДРП	–	–	63,2	35,3	35,5
СДКПиЛ	–	–	–	0,3	0,3
СЕРП	–	–	–	1,1	2,7
Народники	100,0	–	–	–	–

Как видно из данных таблицы, пик революционной активности среди еврейства пришелся на первое десятилетие XX века – на это время выпало свыше 78 % всех зафиксированных арестов (в том числе 50,5 % – на период революции 1905–1907 гг.). Наибольшее количество репрессий пришлось на социал-демократов – самую значительную часть еврейского революционного спектра, за ними шли эсеры, анархисты, бундовцы.

К 1905 г. российское традиционное еврейство окончательно утратило свою целостность. Все больше молодежи становилось под революционные знамена. Как вспоминал адвокат О. О. Грузенберг, «мы щедро отдали революции огромный “процент” нашего народа – почти весь его цвет, почти всю его молодежь... И когда в 1905 г. восстал революционный народ, в его ряды с неудержимой силой потекли без счета еврейские борцы» [12, с. 502]. 1905 г. показал активность евреев в качестве пропагандистов и организаторов революционного движения. Более того, многие российские революционеры видели выгоду использовать евреев как «зажигательную смесь», поскольку наряду с экономическими стеснениями они испытывали и национальный гнет.

Именно в это время были арестованы Ю. Я. Красный, член СДКПиЛ, заключенный в 1906 г. в возрасте 17 лет в тюрьму за участие в политической демонстрации, Г. Б. Сандомирский, арестованный за принадлежность к группе анархистов-коммунистов, А. А. Иоффе, высланный в Сибирь в 1906 г., Л. Д. Троцкий, осужденный в 1906 г. на вечное поселение в Сибирь, Е. М. Ярославский, арестованный в 1907 г. и отправленный на Нерчинскую каторгу.

Революция принесла евреям равноправие политическое, но, с другой стороны, активное участие евреев в российской революции все более отождествляло евреев с нею. В это время Бунд был самой многочисленной еврейской партией: если летом 1904 г. он насчитывал 23 тыс. членов, то в 1905–1907 гг. – около 34 тыс. Лишь в 1908–1910 гг., когда революционные настроения пошли на спад, число бундовцев сократилось до 2 тыс. По свидетельству А. И. Солженицына, ко времени первой русской революции евреи составляли до 15 % членов партии ПСР, а некоторые анархистские террористические группы были практически полностью еврейскими [12, с. 509].

Сравнительно много евреев из числа членов ВОПиС было арестовано в межреволюционный период 1908–1917 гг. – около 45 %. Как и прежде, самый высокий процент арестованных был у социал-демократов – 35,59 %, значительно возросла доля бундовцев – 24,6 % от общего количества арестованных в этот период.

Среди арестованных евреев нередко были случаи побегов. Всего на основании анкет мною зафиксировано 97 побегов, хотя в действительности их было намного больше. Зачастую беглецы скрывались в эмиграции, что давало гарантию безопасности в отличие от «нелегальщины» внутри России. Так, Л. Г. Дейч после побега из тюрьмы уехал в Швейцарию, И. С. Веллер бежал из ссылки в Париж, А. А. Иоффе эмигрировал в Швейцарию, Л. Д. Троцкий вместе со своей первой женой А. Соколовской бежал в Лондон, Л. Н. Сталь с 1907 г. работала в большевистской секции в Париже, во французской социалистической партии.

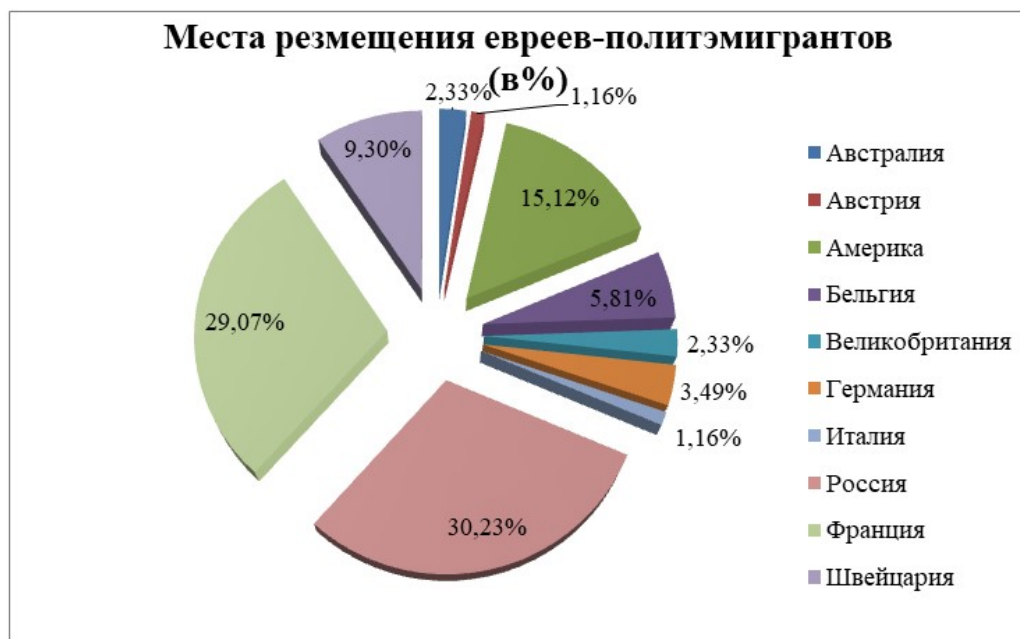

Рис. 5. Места размещения евреев-политэмигрантов

Коснемся вопроса об амнистиях политзаключенных. В России начала XX века их было три: в 1904 г. (в связи с рождением наследника), в 1905 г. (в связи с созданием Государственной Думы), в 1913 г. (в связи с 300-летием династии Романовых). Амнистия затронула 29 членов рассматриваемой когорты. Но это, скорее, не полные данные, а лишь те, которые сочли возможным указать сами авторы биографий. В любом случае, очевидно, что царский режим не был таким жестоким, как это утверждала советская историография, старательно отводившая общественное внимание современников от кошмара сталинских лагерей.

Полученные в ходе исследования результаты позволяют сделать вывод о прогрессивно-возрастающей активности евреев в российском революционном движении, связанной с синергизмом неразрешенных противоречий в области еврейского вопроса, а также с ростом антисемитских настроений в обществе и власти. Существование ограничительного законодательства, существенно стеснявшего права еврейского населения, вызывало рост недовольства среди евреев правящим режимом, что, в свою очередь, стимулировало их участие в революционном движении. При этом большая часть евреев из состава Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев (около 70 %) включилась в революционное движение до 20–23 лет, будучи свободными от семейных уз и соответствующих обязательств. В структуре социального происхождения вполне закономерно для евреев преобладали выходцы из мещанской среды.

Приведенные данные позволяют сделать вывод о том, что евреи были активными участниками социалистических партий, при этом нередко в силу своих специфических качеств и сравнительно высокой образованности становились их лидерами. Следует заметить, что многие из них были выходцами из достаточно состоятельных семей, а значит, в революцию их приводила не материальная нужда, а идейные убеждения. Тем не менее, ни одна еврейская социалистическая или любая другая политическая партия не могла быть представителем всего еврейского народа. Еврейство было раздираемо теми же противоречиями, что и все русское общество.

Список литературы

1. Будницкий О. В. В чужом пиру похмелье (Евреи и русская революция) // Вестник Еврейского университета в Москве. 1996. С. 21–39.
2. Бухбиндер Н. А. История еврейского рабочего движения в России. Л., 1925. 334 с.
3. Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Образование, развитие, ликвидация 1921–1935. М. : Звенья, 2004. 398 с.
4. Гессен Ю. И. О жизни евреев в России. СПб. : Общественная польза, 1906. 135 с.
5. Дейч Л. Г. Роль евреев в русском революционном движении. Т. 1. М.-Л. : ГИЗ, 1925. 133 с.
6. Дубнов С. М. Об изучении истории русских евреев и об учреждении русско-еврейского исторического общества. СПб. : Восход, 1891. 99 с.

7. Кац А. С. Евреи. Христианство. Россия. М. : АСТ, 2006. 528 с.
8. Политическая каторга и ссылка. М. : Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1929. 686 с.
9. Политическая каторга и ссылка. М. : Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1934. 878 с.
10. Рабинович Я. И. Быть евреем в России: спасибо Солженицыну. М. : Алгоритм, 2005. 440 с.
11. Рафес М. Г. Очерки по истории «Бунда». М. : Госиздат, 1923. 440 с.
12. Солженицын А. И. Двести лет вместе : в 2 ч. Ч. 1. М. : ПРОЗАиК, 2009. 544 с.; Ч. 2. М. : ПРОЗАиК, 2009. 576 с.
13. Слиозберг Г. Б. Политический характер еврейского вопроса. СПб., 1907. 294 с.
14. Хабберер Э. Евреи и революция в России XIX века. М., 1995. 268 с.
15. Шафаревич И. Р. Трехтысячелетняя загадка. СПб. : Библиополис, 2002. 324 с.
16. Шуб Д. Н. Политические деятели России (1850-х – 1920-х гг.). Нью-Йорк : Новый журнал, 1969. 216 с.
17. Шульгин В. В. Что «нам» в «них» не нравится. СПб. : Вече, 1993. 286 с.
18. Якимов К. А. К проблеме участия евреев в российском революционном движении в конце XIX – начале XX века : в 2-х ч. Ч. II. Тамбов : Грамота, 2014. № 6 (44). С. 205–208.

Socio-demographic characteristics of Jewish revolutionaries in the late XIX – early XX centuries

K. A. Yakimov

PhD in Historical Sciences, associate professor of the Department of History and Philosophy,
Tambov State Technical University.

Russia, Tambov. ORCID: 0000-0003-1756-3515. E-mail: gnom-gnom123@mail.ru

Abstract. The relevance of the research topic is due to the need to clarify the national composition of the Russian revolutionary movement as a multinational phenomenon. The problem of the participation of Jews in the revolutionary events of Russia is one of the most discussed topics not only in historiography, but also in journalism, researchers still give various assessments and explanations of the role and reasons for the participation of Jews in the revolution. The material of this article is a continuation of the work previously begun by the author on this topic and is made on the resource base of the All-Union Society of Political Prisoners and Exiled Settlers. The main source in the study of this problem was the bibliographic reference book "Political hard labor and exile", compiled on the basis of individual questionnaires of members of the All-Union Society of Political Prisoners and Exiled settlers and containing valuable data on the age, nationality, social origin, profession, level of education and political affiliation of participants in the revolutionary movement. With the help of the directory data, a database table was built with a sample and subsequent analysis of representatives of Jewish nationality.

In the course of the study, using quantitative methods, ideas about the place and role of Jews in the Russian revolutionary movement were concretized and clarified, cause-and-effect patterns of revolutionary activity of Jews were revealed. The analysis of arrest statistics made it possible to analyze the dynamics of the involvement of Jewish youth in the revolutionary movement in the late XIX – early XX centuries. It is shown that the peak of revolutionary activity among Jews occurred during the first Russian Revolution.

Despite the fact that the cohort under study is representatives of the exclusively left-wing political spectrum, the author states that no political party has expressed the interests of the entire revolutionary-minded part of the Jewish people. At the same time, the ideology of internationalism quite naturally contributed to the growth of the popularity of left-wing parties among Jews. The relatively high level of education and leadership qualities often put Jews at the forefront of the revolutionary movement.

The scope of application of the results is in the fields of education, science, culture, ethno-confessional politics, and civil society.

Keywords: revolutionary movement, Jewish question, party affiliation.

References

1. Budnickij O. V. *V chuzhom piru pohmel'e (Evrei i russkaya revolyuciya)* [In someone else's feast hango-ver (Jews and the Russian Revolution)] // Vestnik Evrejskogo universiteta v Moskve – Herald of the Hebrew University in Moscow. 1996. Pp. 21–39.
2. Bukhbinder N. A. *Istoriya evrejskogo rabochego dvizheniya v Rossii* [History of the Jewish labor movement in Russia]. L. 1925. 334 p.
3. *Vsesoyuznoe obshchestvo politkatorzhan i ssyl'noposelencev. Obrazovanie, razvitie, likvidaciya 1921–1935* – All-Union Society of Political prisoners and exiled settlers. Education, development, liquidation 1921–1935. M. Zvenya (Links). 2004. 398 p.

4. Gessen Yu. I. *O zhizni evreev v Rossii* [About the life of Jews in Russia]. SPb. Public benefit. 1906. 135 p.
5. Deitch L. G. *Rol' evreev v russkom revolyucionnom dvizhenii* [The role of Jews in the Russian revolutionary movement]. Vol. 1. M.-L. GIZ. 1925. 133 p.
6. Dubnov S. M. *Ob izuchenii istorii russkih evreev i ob uchrezhdenii russko-evrejskogo istoricheskogo obshchestva* [On the study of the history of Russian Jews and on the establishment of the Russian-Jewish Historical Society]. SPb. Voskhod (Sunrise). 1891. 99 p.
7. Katz A. S. *Evrei. Hristianstvo. Rossiya* [Jews. Christianity. Russia]. M. AST. 2006. 528 p.
8. *Politicheskaya katorga i ssylka* – Political hard labor and exile. M. All-Union Society of Political convicts and Exiled settlers. 1929. 686 p.
9. *Politicheskaya katorga i ssylka* – Political hard labor and exile. M. All-Union Society of Political Convicts and Exiled settlers. 1934. 878 p.
10. Rabinovich Ya. I. *Byt' evreem v Rossii: spasibo Solzhenicynu* [To be a Jew in Russia: thanks to Solzhenitsyn]. M. Algorithm. 2005. 440 p.
11. Rafes M. G. *Ocherki po istorii "Bunda"* [Essays on the history of the "Bund"]. M. Gosizdat. 1923. 440 p.
12. Solzhenicyn A. I. *Dvesti let vmeste : v 2 ch.* [Two hundred years together : in 2 pts.]. Part 1. M. Prosa. 2009. 544 p.; Part 2. M. Prosa. 2009. 576 p.
13. Sliozberg G. B. *Politicheskij harakter evrejskogo voprosa* [The political nature of the Jewish question]. SPb. 1907. 294 p.
14. Haberer E. *Evrei i revolyuciya v Rossii XIX veka* [Jews and revolution in Russia of the XIX century]. M. 1995. 268 p.
15. Shafarevich I. R. *Trekhtysyacheletnyaya zagadka* [A three-thousand-year-old riddle]. SPb. Bibliopolis. 2002. 324 p.
16. Shub D. N. *Politicheskie deyateli Rossii (1850-h – 1920-h gg.)* [Political figures of Russia (1850s – 1920s)]. New York. Novy zhurnal (New journal). 1969. 216 p.
17. Shulgin V. V. *Chto "nam" v "nih" ne nravitsya* [What "we" don't like about "them"]. SPb. Veche. 1993. 286 p.
18. Yakimov K. A. *K probleme uchastiya evreev v rossijskom revolyucionnom dvizhenii v konce XIX – nachale XX veka* [On the problem of Jewish participation in the Russian revolutionary movement in the late XIX – early XX century]. Tambov. Gramota (Diploma). 2014. No. 6 (44) : in 2 pts. Part II. Pp. 205–208.

Образ приходского священника Православной церкви в начале XX века (по материалам царицынской печати)

Р. М. Уразгалиев

аспирант, Московский городской педагогический университет.
Россия, г. Москва. E-mail: rus.urazgaliev@mail.ru

Аннотация. Русская православная церковь (РПЦ) играла важную роль в системе государства, оказывая влияние на многочисленные слои населения. Сакральная функция ее заключалась в проповеди «В чем смысл Бытия?». Вместе с тем она выполняла и выполняет задачи сохранения целостности культуры, идентичности российского православного народа, сплочения населения вокруг определенных религиозных обычаев, ритуалов, символов. Православная церковь являлась столпом и центральным элементом основы духовно-нравственных ценностей. Игнорирование высокого влияния РПЦ на исторический процесс невозможно, независимо от принадлежности к другой религиозной группе или атеизму. Поэтому необходимо разобраться, насколько наши представления о духовном клире соответствуют действительности или в его отношении преобладают стереотипы. Целью нашей работы является воссоздание и анализ образа провинциального духовенства, который был создан в печати по материалам газет Царицына начала XX века. Объектом исследования является образ представителей низшего духовенства Российского государства начала XX века. Предметом исследования является образ приходского священника Православной церкви по материалам газет города Царицына в начале XX века.

Автор особое внимание уделяет характеристике отношения к духовенству в обществе, рассмотрению активной дискуссии вокруг проблем Православной церкви на страницах местных периодических изданий, таких как «Родная страна», «Царицынская жизнь», «Царицынская речь», «Царицынская молва», «Царицынский вестник», «Царицынский путь». Анализируя заметки данных газет, автор показал, что роль и место духовных лиц в жизни провинциального города имела определяющее значение в начале XX в.

Ключевые слова: агитация, газеты, духовенство, моральный облик, церковноприходская школа.

Газеты в начале XX века играли значимую роль в жизни людей, поскольку служили главным и почти единственным источником информации. Периодика являлась основным глашатаям происходящих событий и давала оценку и анализ многим из них. Доказательством популярности служит тот факт, что рассмотренные газеты выходили ежедневно и пользовались спросом. Поэтому предусматривались разные виды подписок и покупка по одному номеру по приемлемой цене (один номер стоил 3–5 копеек, цена подписки на год – 6–8 рублей) [31, с. 1; 33, с. 1; 38, с. 1]. Однако такой ценный источник информации изучен далеко не полностью. Вывод о том, что периодическая печать Царицына дает представление о социокультурном облике города, показывая его социальную, экономическую и культурную сторону, был сделан рядом исследователей. Изучением данного вопроса занимались И. Н. Литвинова, О. Ю. Редькина, которые в работе «Общество и Православная церковь в тыловой провинции периода Первой мировой войны (на материалах г. Царицына Саратовской губернии)» раскрыли содержание духовной и общественной деятельности Церкви. Д. И. Тушканов в своей работе «Отражение в провинциальной периодической печати социокультурных процессов конца XIX – начала XX в. (на примере Саратовской губернии)», изучив огромный пласт местной периодики, рассматривает благотворительную и просветительскую деятельность Церкви. Но перечисленные авторы не фокусировались на образе духовенства в глазах общества. В работе Е. П. Воробьева «Православная церковь в Царицыне в конце XIX – начале XX в.» приводится материал периодических изданий («Царицынский вестник» и «Волжско-Донской листок»), но на восприятии образа священника он подробно не останавливается, делая акцент на формальную сторону жизни Православной церкви (открытие церквей, освещение храмов, крестные ходы).

В данной статье особое место уделено газетам: «Царицынская жизнь», «Царицынский вестник», «Родная страна», «Царицынская речь», «Царицынская молва», «Царицынский путь». Все они освещали общественно-политическую и экономическую сферу общества. В га-

зетах были представлены различные рубрики, описывающие события как всероссийские, так и местные. Особого интереса заслуживают лаконичные новости со всего мира. Нас в большей степени будут занимать рубрики: «Городская хроника», «Городская жизнь», «Областная жизнь», где приводится информация по всей Саратовской губернии.

Не секрет, что помимо основной задачи священника – совершение богослужений и таинств, исполнения треб, каждый священнослужитель был вовлечен в просветительскую и социальную деятельность. Знаниями, почерпнутыми в семинарии, из периодических изданий и книг, священник помогал и своим прихожанам. В преподавательской и просветительской деятельности основная роль также принадлежит духовенству. При этом нередкими были уклонения священников от обязанностей преподавания в церковноприходских школах. Ссылались священники на отсутствие официальных распоряжений и нехватку времени. Однако несправедливо будет рассматривать такие причины исключительно как отговорки, подтверждением чему может явиться заметка в газете «Родная страна» № 8 от 23.07.1907, в которой епископ Саратова и Царицына Гермоген дает распоряжение о начале просветительской деятельности не приступившим к этому священнослужителям. Кроме того, признавая наличие объективных факторов, препятствующих преподаванию (разбросанность школ, большую загруженность священников), епископ позволил осуществлять образование, требующее «механического заучивания» способным к этому лицам, необязательно священнику, но под его присмотром и руководством [13, с. 3]. Тот факт, что Гермоген не стал «рубить с плеча» по поводу жалоб, которые сыпались на священников, объясняется тем, что в Саратовской епархии был недобор клира. По сообщениям № 145 «Царицынской жизни» от 02.07.1908, вакантных мест священников было 25, диаконов 50 [22, с. 3]. Такое положение было характерно и для России в целом. Более того, в начале XX века на 100 человек, окончивших семинарию, приходилось 133 пустых священнических места [2, с. 177]. Даже при полной вовлеченности выпускников духовных училищ в пастырское служение дефицит бы сохранялся. Но далеко не все выпускники хотели быть священниками. Священный Синод изданием распоряжения «О не допуске лиц священного сана в число студентов университетов» безуспешно пытался препятствовать выпускникам семинарий в их стремлении обучаться в высших учебных заведениях, так как многие предпочитали именно этот путь развития карьеры [5, с. 60]. Духовная школа неудовлетворительно справлялась с задачей поставки кадров для епархиальных нужд.

Наряду с загруженностью священников, следует отметить и такую проблему – затруднительное финансовое положение духовенства. Подтверждением этого является информация рубрики «В городской думе», где приводится прошение епархиального училищного совета. Отец Каверзнев ходатайствовал перед городским самоуправлением о предоставлении суммы в 1600 рублей для дополнительной поддержки 16 учителей церковноприходских школ. Обращение вызвало жаркие споры в Думе, где большинство приходит к мнению, что бедственное положение учителей объясняется завышенной платой епархиальному ведомству. «В церковь несут деньги все. А куда они деваются?» Большинство в итоге отклоняет ходатайство [23, с. 3]. Проблему малообеспеченности духовенства пытались разрешить разными путями. От постановки вопроса об изыскании дополнительных способов к более правильному сбору положенных взносов [28, с. 3] до освобождения от оплаты за обучение в епархиальном училище дочерей духовенства [24, с. 2]. В рамках снижения доходности церковью 50 рублей ежегодно для священников представлялись непосильной ношей. Здесь речь идет о священниках, у низшего клира (диаконы и псаломщики) дела обстояли еще хуже. В среднем в начале XX века на один причт приходилось 219 рублей на священника, диакона и псаломщика [12, с. 68]. Распределение общей суммы для штата из трех человек было следующим: 6:4:2 (6 частей из 12 – священнику; 4 части из 12 – диакону; 2 части из 12 – псаломщику) [6, с. 133]. Сумма могла оказаться и куда меньше: «В некоторых селах, ввиду неурожаев, прихожане отказываются платить даже за обязательные требы: похороны, крестины» [19, с. 3]. Для решения этой проблемы светскими властями в начале XX века было установлено жалование из правительственных средств, которое стало важным подспорьем в повышении уровня жизни приходского духовенства.

Ряд публикаций посвящены описанию морального облика священника и задачам, которые ставились перед ним в приходе. Так, приходской священник должен был заботиться о благотворительности, миссионерской деятельности, борьбе с пьянством и другими пороками [21, с. 3]. Как известно, духовенство было самым законопослушным сословием [11, с. 95]. Преступления, совершаемые священнослужителями, были редки, а вот другие правонарушения,

снижавшие авторитет духовенства в обществе, встречались. Самыми распространенными нарушениями порядка были нетрезвость, неблагонравное поведение, небрежность и неисправность по службе [5, с. 60]. В № 3 «Царицынской жизни» приводится статья о пастыре, который в процессе обучения детей не гнушался рукоприкладством [18, с. 2]. Прихожане в особо вопиющих случаях резко откликались на нарушения и самоуправство священников. Так, в «Царицынском вестнике» говорится о петиции 50 прихожан села Отрадного, которые требовали заменить им священника [32, с. 3]. Но такие примеры были редким исключением, чаще всего прихожане просили об оставлении им их бывшего священнослужителя, подобные примеры были в Воскресенском храме [39, с. 2] и в Покровской церкви [33, с. 3], а при невозможности одного прощались душевно, дарили подарки [34, с. 2]. Недостойное поведение части духовенства, потеря духовной связи со своей паствой, неспособность осуществлять нравственное воспитание прихожан способствовали росту популярности сектантских и старообрядческих учений, создавали почву для социалистической пропаганды.

Снижение авторитета священников, критика в их адрес со всех сторон, аморальное поведение некоторых представителей духовенства привели к тому, что в отношении священнослужителей преступления переставали быть чем-то исключительным. В Саратовской губернии, как и в других уголках страны, бывало, что прихожане, недовольные действиями пастырей, совершали нападения на них. Так, в 1907 г. крестьяне с. Сестренки избили местного священника [20, с. 2]. Пользуясь тем, что церковь была не самой защищенной организацией (сторожем был или один мужчина в преклонном возрасте, или несколько монашек), грабители с высокой периодичностью совершали нападения с целью наживы. В печати часто встречались публикации об ограблениях в церкви и монастырях или попытках такого ограбления [35, с. 3; 37, с. 3]. Грабителей даже не смущала усиленная охрана, например, монастырь в Дубовке подвергался нападению несколько раз [14, с. 2; 15, с. 3]. Встречались и вооруженные нападения на отдельных священников. Статья одного из номеров «Царицынской речи» описывала ограбление остановившегося на железнодорожной станции Царицын священника [29, с. 3]. Как видим, в газетах показано, что недовольная паства могла ополчиться против своих священников. В конечном счете это вылилось в то, что в годы Первой российской революции народ выгонял многих священников из приходов, сжигал их дома, грозил расправой.

Еще одним важным направлением, отраженным в печати начала XX века, является развитие образа православного духовенства в условиях меняющейся общественно-политической жизни Российского государства. Придерживаясь консервативного направления политики, выступая оплотом государственного строя, царицынский епископ Гермоген противился элементам либерализма, которым власть в 1905–1907 гг. вынуждена была уступить. Так, Гермоген запретил использовать помещения церкви для предвыборной агитации, чтобы не слышать в храме Божиим речью о конституции, об уравнивании в правах православных, иудеев, магометан, еретиков и отступников от веры православной [30, с. 3].

В начале XX в. власти предписали Церкви усилить идеологический надзор за населением. Инспекторам народных училищ было необходимо следить за исполнением гимна «Боже, Царя храни» перед началом занятий [25, с. 3].

Неоднозначную оценку в Царицыне вызывало использование Церкви как арены политической борьбы. Газета «Царицынская молва» предостерегала духовенство от риска быть опороченным в глазах общества как пособника «извращенного "Союза 17 октября"» [27, с. 3], указывалось также на некомпетентность духовенства в парламентской деятельности [35, с. 3]. Не только местные, но и общероссийские тенденции показали, что, возлагая на духовенство роль укрепителя самодержавия и воспитателя в прихожанах гражданской ответственности, власть, очевидно, ошибалась в возможностях этого ресурса: предельно нагруженное служебными обязанностями, обладающее неясными представлениями о собственной роли в политической жизни страны, оно оказалось неготовым к возложенной функции и, как следствие, не сумело сыграть роль «скреп» для приходского мира [3]. Следовательно, приходское духовенство в глазах населения стало олицетворять местное чиновничество, коверкающее закон в свою пользу, что не прибавляло ему популярности.

Таким образом, можно утверждать, что периодическая печать играла важную роль в освещении взаимодействия священника с обществом, чаще всего в контексте церковно-государственных отношений. Практически в каждом номере царицынских газет приводятся статьи о событиях в Православной церкви.

Анализируя заметки царицынских газет, можно сделать вывод, что к священникам неизменно предъявлялись высокие требования морального облика и постоянно выискива-

лись общественные силы, которые их осуждали и высмеивали. Создание образа приходского священника в начале XX века происходило на основе многочисленных газетных статей, которые обличали как недостатки священнослужителей: корысть, жестокость, пьянство, так и прославляли доброжелательность, жертвенность, наставничество отдельных представителей клира. Периодическая печать оказывала значительное влияние на процесс формирования образа православного духовенства в массовом сознании.

Список литературы

1. Белоногова Ю. И. Служба и материальное обеспечение приходского духовенства Московской епархии в начале XX в. // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2007. Вып. 3 (24). С. 54–78.
2. Белявский Ф. О. О реформе духовной школы. Ч. 1. СПб.: Синодальная типография, 1907. 230 с.
3. Васильева А. В. Социокультурный облик православного духовенства в Западной Сибири в конце XIX – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Васильева Александра Вадимовна [Место защиты: Омский государственный педагогический университет]. Омск, 2015. 261 с.
4. Воробьев Е. П. Православная церковь в Царицыне в конце XIX – начале XX в. // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: мат. XIV Междунар. науч. конф.: в 2-х ч. Ч. 1. Иваново, 2015. С. 80–84.
5. Конюченко А. И. Православное белое духовенство России в социально-демографических изменениях (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2005. № 7 (47). С. 56–67.
6. Косар Дж. «Духовные пролетарии» и легитимность Всероссийского церковного собора 1917–1918 гг. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. № 1–2. С. 127–152.
7. Кошелева А. И. Образ православных священнослужителей в светской и церковной периодической литературе во второй половине XIX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2014. № 2 (30). С. 14–21.
8. Лисюнин В., протоиерей. Духовенство и либерализация русского общества в конце XIX – начале XX века // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2018. Т. 23. Вып. 1 (171). С. 136–144.
9. Лисюнин В., протоиерей. Православное духовенство на правом фланге общественно-политической жизни в конце XIX – начале XX века // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2017. Т. 22. Вып. 6 (170). С. 200–210.
10. Литвинова И. Н., Редькина О. Ю. Общество и православная церковь в тыловой провинции периода Первой мировой войны (на материалах г. Царицына Саратовской губернии) // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2018. Вып. 82. С. 68–83.
11. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 2003. Т. 2. 583 с.
12. Пашенцев Д. А. Благотворительная деятельность русской православной церкви во 2-й половине XIX – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1995. 183 с.
13. Родная страна. 1907. № 8. С. 3.
14. Родная страна. 1907. № 14. С. 2.
15. Родная страна. 1907. № 21. С. 3.
16. Софронов В. Ю., Фефелова О. А., Силин Н. Н. Деятельность Русской православной церкви после принятия Правительствующего указа 17 апреля 1905 года (по материалам Тобольской епархии) // Вестник Томского государственного педагогического университета. Томск, 2012. № 9. С. 21–28.
17. Тушканов Д. И. Отражение в провинциальной периодической печати социокультурных процессов конца XIX – начала XX вв.: на примере Саратовской губернии: дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2018. 248 с.
18. Царицынская жизнь. 1906. № 3. С. 2.
19. Царицынская жизнь. 1909. № 12. С. 3.
20. Царицынская жизнь. 1907. № 102. С. 3.
21. Царицынская жизнь. 1908. № 129. С. 3.
22. Царицынская жизнь. 1908. № 145. С. 3.
23. Царицынская жизнь. 1908. № 154. С. 3.
24. Царицынская жизнь. 1908. № 224. С. 2.
25. Царицынская жизнь. 1908. № 235. С. 3.
26. Царицынская молва. 1905. № 1. С. 1.
27. Царицынская молва. 1906. № 6. С. 3.
28. Царицынская речь. 1906. № 22. С. 2.
29. Царицынская речь. 1906. № 120. С. 3.
30. Царицынская речь. 1907. № 18. С. 3.
31. Царицынский вестник. 1897. № 1. С. 1.

32. Царицынский вестник. 1905. № 2170. С. 3.
33. Царицынский вестник. 1905. № 2243. С. 3.
34. Царицынский вестник. 1905. № 2247. С. 2.
35. Царицынский вестник. 1905. № 2268. С. 3.
36. Царицынский вестник. 1905. № 2286. С. 3.
37. Царицынский вестник. 1906. № 2348. С. 3.
38. Царицынский путь. 1906. № 1. С. 1.
39. Царицынский путь. 1906. № 12. С. 2.

The image of the parish priest of the Orthodox Church at the beginning of the XX century (based on the materials of the Tsaritsyn press)

R. M. Urazgaliev

postgraduate student, Moscow City Pedagogical University.
Russia, Moscow. E-mail: rus.urazgaliev@mail.ru

Abstract. The Russian Orthodox Church (ROC) played an important role in the system of the state, influencing numerous segments of the population. Its sacred function was to preach "What is the meaning of Being?". At the same time, it has fulfilled and is fulfilling the tasks of preserving the integrity of culture, the identity of the Russian Orthodox people, rallying the population around certain religious customs, rituals, symbols. The Orthodox Church was the pillar and the central element of the foundation of spiritual and moral values. Ignoring the high influence of the ROC on the historical process is impossible, regardless of belonging to another religious group or atheism. Therefore, it is necessary to understand to what extent our ideas about the spiritual clergy correspond to reality or stereotypes prevail in relation to it. The purpose of our work is to recreate and analyze the image of the provincial clergy, which was created in print based on the materials of the newspapers of Tsaritsyn at the beginning of the XX century. The object of the study is the image of representatives of the lower clergy of the Russian state at the beginning of the XX century. The subject of the study is the image of a parish priest of the Orthodox Church based on the materials of the newspapers of the city of Tsaritsyn at the beginning of the XX century.

The author pays special attention to the characteristics of the attitude towards the clergy in society, the consideration of an active discussion around the problems of the Orthodox Church on the pages of local periodicals, such as "Native Country", "Tsaritsyn life", "Tsaritsyn speech", "Tsaritsyn rumor", "Tsaritsyn Herald", "Tsaritsyn Way". Analyzing the notes of these newspapers, the author showed that the role and place of clergy in the life of a provincial city was of decisive importance at the beginning of the XX century.

Keywords: agitation, newspapers, clergy, moral character, parish school.

References

1. Belonogova Yu. I. *Sluzhba i material'noe obespechenie prihodskogo duhovenstva Moskovskoj eparhii v nachale XX v.* [Service and material support of the parish clergy of the Moscow diocese at the beginning of the XX century] // Vestnik PSTGU II: Istoriya. Istoriya Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi – Herald of PSTSU II: History. History of the Russian Orthodox Church 2007. Is. 3 (24). Pp. 54–78.
2. Belyavskij F. O. *O reforme duhovnoj shkoly. Ch. 1* [On the reform of the theological school. Part 1]. SPb. Synodal Printing House. 1907. 230 p.
3. Vasil'eva A. V. *Sociokul'turnyj oblik pravoslavnogo duhovenstva v Zapadnoj Sibiri v konce XIX – nachale XX v. : dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02* [The socio-cultural image of the Orthodox clergy in Western Siberia at the end of the XIX – beginning of the XX century : dis. ... PhD in Historical Sciences: 07.00.02] / Vasilyeva Alexandra Vadimovna [Place of defense: Omsk State Pedagogical University]. Omsk. 2015. 261 p.
4. Vorob'ev E. P. *Pravoslavnaya cerkov' v Caricyne v konce XIX – nachale XX v.* [The Orthodox Church in Tsaritsyn at the end of the XIX – beginning of the XX century] // Gosudarstvo, obshchestvo, cerkov' v istorii Rossii XX–XXI vekov : materialy XIV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii : v 2-h ch. – State, society, church in the history of Russia of the XX–XXI centuries : materials of the XIV International Scientific Conference : in 2 parts. Ivanovo. 2015. Part 1. Pp.80–84.
5. Konyuchenko A. I. *Pravoslavnoe beloe duhovenstvo Rossii v social'no-demograficheskikh izmereniyah (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [The Orthodox White clergy of Russia in socio-demographic dimensions (the second half of the XIX – the beginning of the XX century)] // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Social'no-gumanitarnye nauki – Herald of South Ural State University. Series: Social and Humanitarian Sciences. 2005. No. 7 (47). Pp. 56–67.
6. Kosar Dzh. *"Duhovnye proletarii" i legitimnost' Vserossijskogo cerkovnogo sobora 1917–1918 gg.* ["Spiritual proletarians" and the legitimacy of the All-Russian Church Council of 1917–1918] // Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom – State, religion, Church in Russia and abroad. 2019. No. 1–2. Pp. 127–152.

7. Kosheleva A. I. *Obraz pravoslavnykh svyashchennosluzhitelej v svetskoj i cerkovnoj periodicheskoj literature vo vtoroj polovine XIX v.* [The image of Orthodox clergy in secular and ecclesiastical periodical literature in the second half of the XIX century] // *Izvestiya vysshih uchebnykh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki* – News of higher educational institutions. Volga region. Humanities. 2014. No. 2 (30). Pp. 14–21.

8. Lisyunin V., *archpriest. Duhovenstvo i liberalizaciya russkogo obshchestva v konce XIX – nachale XX veka* [Clergy and the liberalization of Russian society in the late XIX – early XX century] // *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki* – Herald of Tambov University. Humanities series. Tambov. 2018. Vol. 23. Is. 1 (171). Pp. 136–144.

9. Lisyunin V., *archpriest. Pravoslavnoe duhovenstvo na pravom flange obshchestvenno-politicheskoj zhizni v konce XIX – nachale XX veka* [Orthodox clergy on the right flank of social and political life in the late XIX – early XX century] // *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki* – Herald of the Tambov University. Humanities series. Tambov. 2017. Vol. 22. Is. 6 (170). Pp. 200–210.

10. Litvinova I. N., *Red'kina O. Yu. Obshchestvo i pravoslavnaya cerkov' v tylovoj provincii perioda Pervoj mirovoj vojny (na materialah g. Caricyna Saratovskoj gubernii)* [Society and the Orthodox Church in the rear province of the period of the First World War (based on the materials of Tsaritsyn, Saratov province)] // *Vestnik PSTGU. Seriya II: Istoriya. Istoriya Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi* – Herald of the PSU. Series II: History. History of the Russian Orthodox Church 2018. Is. 82. Pp. 68–83.

11. Mironov B. N. *Social'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.)* [Social History of Russia during the Empire period (XVIII – early XX century)]. SPb. 2003. Vol. 2. 583 p.

12. Pashencev D. A. *Blagotvoritel'naya deyatel'nost' russkoj pravoslavnoj cerkvi vo 2-j polovine XIX – nachale XX v. : dis. ... kand. ist. nauk* [Charitable activity of the Russian Orthodox Church in the 2nd half of the XIX – early XX century. : dis. ... PhD in Historical Sciences]. M. 1995. 183 p.

13. *Rodnaya strana* – Native country. 1907. No. 8. P. 3.

14. *Rodnaya strana* – Native country. 1907. No. 14. P. 2.

15. *Rodnaya strana* – Native country. 1907. No. 2 1. P. 3.

16. Sofronov V. Yu., *Fefelova O. A., Silin N. N. Deyatel'nost' Russkoj pravoslavnoj cerkvi posle prinyatiya Pravitel'stvuyushchego ukaza 17 aprelya 1905 goda (po materialam Tobol'skoj eparhii)* [The activity of the Russian Orthodox Church after the adoption of the Government Decree on April 17, 1905 (based on the materials of the Tobolsk Diocese)] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* – Herald of Tomsk State Pedagogical University. Tomsk. 2012. No. 9. Pp. 21–28.

17. Tushkanov D. I. *Otrazhenie v provincial'noj periodicheskoj pechati sociokul'turnyh processov konca XIX – nachala XX vv.: na primere Saratovskoj gubernii : dis. ... kand. ist. nauk* [Reflection in the provincial periodical press of socio-cultural processes of the late XIX – early XX centuries: on the example of the Saratov province : dis. ... PhD in Historical Sciences]. Volgograd. 2018. 248 p.

18. *Caricynskaya zhizn'* – Tsaritsyn life. 1906. No. 3. P. 2.

19. *Caricynskaya zhizn'* – Tsaritsyn life. 1909. No. 12. P. 3.

20. *Caricynskaya zhizn'* – Tsaritsyn life. 1907. No. 102. P. 3.

21. *Caricynskaya zhizn'* – Tsaritsyn life. 1908. No. 129. P. 3.

22. *Caricynskaya zhizn'* – Tsaritsyn life. 1908. No. 145. P. 3.

23. *Caricynskaya zhizn'* – Tsaritsyn life. 1908. No. 154. P. 3.

24. *Caricynskaya zhizn'* – Tsaritsyn life. 1908. No. 224. P. 2.

25. *Caricynskaya zhizn'* – Tsaritsyn life. 1908. No. 235. P. 3.

26. *Caricynskaya molva* – Tsaritsyn rumor. 1905. No. 1. P. 1.

27. *Caricynskaya molva* – Tsaritsyn rumor. 1906. No. 6. P. 3.

28. *Caricynskaya rech'* – Tsaritsyn speech. 1906. No. 22. P. 2.

29. *Caricynskaya rech'* – Tsaritsyn speech. 1906. No. 120. P. 3.

30. *Caricynskaya rech'* – Tsaritsyn speech. 1907. No. 18. P. 3.

31. *Caricynskij vestnik* – Tsaritsyn Herald. 1897. No.1. P. 1.

32. *Caricynskij vestnik* – Tsaritsyn Herald. 1905. No. 2170. P. 3.

33. *Caricynskij vestnik* – Tsaritsyn Herald. 1905. No. 2243. P. 3.

34. *Caricynskij vestnik* – Tsaritsyn Herald. 1905. No. 2247. P. 2.

35. *Caricynskij vestnik* – Tsaritsyn Herald. 1905. No. 2268. P. 3.

36. *Caricynskij vestnik* – Tsaritsyn Herald. 1905. No. 2286. P. 3.

37. *Caricynskij vestnik* – Tsaritsyn Herald. 1906. No. 2348. P. 3.

38. *Caricynskij put'* – Tsaritsyn way. 1906. No. 1. P. 1.

39. *Caricynskij put'* – Tsaritsyn way. 1906. No. 12. P. 2.

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

УДК 327+342.25+352/354

DOI: 10.25730/VSU.2070.21.035

Парадипломатия Екатеринбурга на современном этапе (1990–2021 гг.)*

Е. Б. Михайленко¹, Ф. Е. Золотарев²

¹кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений,
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Россия, г. Екатеринбург. ORCID: 0000-0002-3876-9080. E-mail: erslanova@urfu.ru

²аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет.

Россия, г. Санкт-Петербург. ORCID: 0000-0002-8789-0856. E-mail: fedor.zolotarev.ekb@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется история парадипломатии Екатеринбурга после 1990 г. Актуальность исследования объясняется возросшей ролью субнациональных акторов, в частности городов, в мировой политике. Целью данной статьи является рассмотрение частного случая участия города в мировой политике на современном этапе. В качестве объекта исследования был выбран город Екатеринбург, который в постсоветскую эпоху столкнулся со множеством проблем, вызванных необходимостью трансформации из положения ранее закрытого советского города, распадом Советского Союза и изменениями в системе международных отношений. В отсутствие полномасштабной помощи со стороны федеральной власти и при условии дефицита ресурсов администрация города активно использовала сотрудничество в международном пространстве. Под парадипломатией понимается участие субнациональных акторов в международных отношениях. В рамках исследования были определены критерии, по которым проанализирована парадипломатия города, была проведена периодизация этапов с обоснованием временных границ. Выделяются три этапа, которые детально описывают процессы становления и эволюции парадипломатии Екатеринбурга. Для первого этапа характерно складывание постсоветской системы муниципального управления, в рамках которой администрация города стремилась к наращиванию международных связей, привлечению внимания к городу со стороны представителей государственных и коммерческих структур. На втором этапе происходит конкретизация полномочий международной деятельности для муниципалитетов, в то время как Екатеринбург стремится к формированию бренда Евразийской столицы и международной переговорной площадки. Это подтверждается ростом числа визитов глав иностранных государств и правительств, проведением многосторонних международных переговоров (ШОС, БРИК, ЕС). Третий этап отмечается возросшим уровнем зависимости парадипломатии Екатеринбурга от национального и международного контекста. С одной стороны, произошло укрепление вертикали власти и встраивание ранее независимой системы муниципальной власти в государственную систему через институты региональной власти, в частности Свердловской области. С другой стороны, события на востоке Украины, введение санкций и влияние пандемии отразилось на возможностях ведения международной деятельности. Авторы приходят к выводу, что парадипломатия Екатеринбурга прошла эволюционный путь с 1990 г., на развитие которого повлияли события на национальном и международном уровне.

Ключевые слова: город, Екатеринбург, Свердловская область, парадипломатия, мировая политика.

Изучение субнационального уровня международной политики является новым полем в исследовании международных отношений. Регионы и города все активнее вовлекаются в международную деятельность. Парадипломатия (от англ. *paradiplomacy*) представляет собой

© Михайленко Е. Б., Золотарев Ф. Е., 2021

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Свердловской области в рамках научного проекта № 20-414-660001 р_а.

публично-властную деятельность субгосударственных акторов по осуществлению ими международных и внешнеэкономических связей. Парадипломатия (или параллельная дипломатия) предполагает самостоятельное участие субнациональных или региональных акторов (региональных правительств, этнических групп и тому подобное) с целью продвижения своих собственных интересов в международных отношениях [см., например, 28; 34].

Исследования, посвященные роли регионов, субъектов государства и получившие признание в западных академических сообществах [28; 29; 32; 34; 35], стали широко освещаться в отечественных работах [2; 15; 19; 21]. Большинство исследователей сходятся во мнении, что возможно выделение двух тенденций, отражающих исторический аспект развития парадипломатии российских регионов: децентрализованное участие регионов страны в 1990-е гг. и поступательная централизация, упорядочивание деятельности после 2000-х гг. [19; 34; 35].

Данная работа опирается на современные подходы к парадипломатии, которые существенно расширяют исследовательское поле. Появление новых подходов в последнее время демонстрирует, что наряду с регионами крупные города также принимают участие в мировом разделении труда и мировой политике. С нашей точки зрения, географические и экономические подходы, связанные с формированием агломераций и глобальных городов, имеют определенные ограничения и не учитывают специфику городов, характеризующиеся как центры регионального значения и, собственно, независимые центры развития в рамках национального и глобального уровней. Однако вне исследовательского интереса остается рассмотрение международной деятельности городов, которые наряду с субъектами федерации внесли свой вклад в развитие парадипломатии в России. Следует отметить, что работы, посвященные международным связям Москвы или Санкт-Петербурга, отражают парадипломатию региона, а не города. Статус города федерального значения уравнивает их в правах с другими субъектами федерации (областями, республиками), выделяет их в отдельную подгруппу [16; 21; 24]. В этом контексте различие между городом и регионом показывает «двойность положения» города в составе государства, что отражается на возможностях парадипломатической деятельности. А. С. Кузнецов называет это проблемой включения муниципалитетов в контексте использования устоявшегося термина «субнационального правительства» (subnational government), применяемого преимущественно к регионам для обозначения акторов парадипломатии [34, р. 23–25].

Тем не менее в данном исследовании мы придерживаемся тезиса о том, что города наряду с регионами проявляют себя в качестве самостоятельных акторов парадипломатии. По мнению П. Солдатоса, появление и развитие городской парадипломатии отражает процесс «функционализации суверенитета» государства, повышения государством эффективности участия во внешней политике [36, р. 346]. Развитие взаимозависимости высвобождает скрытый ресурс государства для достижения национальных интересов. В этом смысле парадипломатия городов схожа с парадипломатией регионов, что позволяет рассматривать города в качестве участников мировой политики, обладающих автономной волей. Аргументами подтверждения у города характеристик актора парадипломатии являются наличие фактов, напрямую или косвенно проявляющихся в законодательном поле (правовое поле государства), институциональном поле (специально создаваемые ведомства, формальные и неформальные институты реализации парадипломатии) и идентификационном поле (признание со стороны других участников мировой политики).

Целью статьи является рассмотрение эволюции парадипломатии Екатеринбурга. Выбор этого города объясняется уже имеющимися работами по анализу его международного участия, наличием проработанной исследовательской базы [1; 9; 20; 33]. В соответствии с вышеизложенными критериями развитие парадипломатии Екатеринбурга можно разделить на три этапа. Первый этап (1990–2001 гг.) характеризуется становлением парадипломатии города. Второй этап (2001–2014 гг.) связан с развитием города в качестве международной выставочной и переговорной площадки. Третий этап (2014–2021 гг.) отражает усиление контроля со стороны государственной власти за муниципалитетами и «встраиванием» города в систему парадипломатии Свердловской области.

Становление парадипломатии Екатеринбурга

В январе 1934 г. решением Президиума Всероссийского центрального исполнительного комитета Уральский регион был разделен на три области: Свердловскую, с центром в г. Свердловск, Челябинскую, с центром в г. Челябинск, Обско-Иртышскую, с центром в г. Тюмень. Сего-

дня Екатеринбург является официально административным центром Свердловской области, однако его возможности развития вышли за пределы области. В стратегию развития Свердловской области на 2009–2020 гг. был включен проект развития екатеринбургской агломерации, в стратегии на 2016–2030 гг. речь идет о проекте «Екатеринбург – глобальный город». Город в 2023 г. будет отмечать 300-летие со дня основания. Практически на протяжении всего советского периода город Свердловск был закрытым муниципальным образованием, выполняющим роль машиностроительного центра СССР. Сегодня город Екатеринбург является важным узловым городом в промышленном регионе страны, четвертым городом в Российской Федерации по численности населения после Москвы, Санкт-Петербурга и Новосибирска¹. Несмотря на то, что город Екатеринбург зачастую рассматривается в качестве административного центра Свердловской области, по мнению бывшего главы города А. М. Чернецкого, он «100-процентно самодостаточный, многие вопросы способен решать без участия региональной и федеральной власти» [18].

Формирование парадипломатии города Екатеринбурга на современном этапе происходило параллельно внутривластной трансформации Советского Союза, активной международной деятельности регионов России и реформированию системы местного самоуправления [6, с. 126]. Первый этап зачастую ассоциируется с деятельностью А. М. Чернецкого в должности мэра, внесшего огромный вклад в трансформацию ранее закрытого города², однако точкой отсчета необходимо брать установление контактов с германским городом Вупперталь зимой 1990–1991 гг. Катастрофическое положение Свердловска из-за проблем со снабжением продуктами первой необходимости грозило гуманитарной катастрофой. Инициативная группа граждан из Вупперталя в рамках акции «Вупперталь помогает Свердловску» вместе с делегацией во главе с У. Райтер, руководителем дьяконической церковной организации в Эльберфельде, и доктором Э. Гайслером, официальным представителем городской ратуши, возглавили отправку 35 тонн гуманитарной помощи в уральский город. Германскую делегацию принимали представители Исполнительного комитета Свердловска во главе с Ю. Е. Самариним. По итогам встречи между представителями двух городов прошли обсуждения дальнейшего развития межмуниципальных связей и международного сотрудничества [31]. Именно с этого момента можно начинать отсчет парадипломатии города, прерванной после серии обменов в эпоху хрущевской оттепели [1].

Правовую основу участия городов в международном пространстве устанавливал Федеральный закон от 28 августа 1995 г. N 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». В нем давалось пояснение, что органы местного самоуправления вправе осуществлять внешнеэкономическую деятельность, что для Екатеринбурга означало возможность легальной экономической деятельности за пределами собственных территориальных границ. Фактически законодательное оформление международной деятельности городов стало следствием уже активной деятельности и достигнутых результатов в виде соглашений, договоренностей, встреч с иностранными делегациями.

Необходимость решения проблем города-миллионника повлияла на активный поиск ресурсов извне. Для выполнения этой задачи в созданной администрации города был создан комитет внешнеэкономических связей во главе с С. В. Шаповалом, который занялся обеспечением связей города с другими участниками межгородских и международных отношений, организацией визитов и встреч. Интерес к городу в первой половине 1990-х гг. проявили многие иностранные представители. Екатеринбург с визитом посетил экс-мэр Нью-Йорка Р. Джулиани. В своей автобиографической книге он отметил царившую в те годы масштабную преступность, называя город «мегаполисом» [6, с. 80]. В период 1992–1998 гг. городская администрация заключила серию соглашений по признанию, партнерству и сотрудничеству с Сан-Хосе (США), Гётеборгом (Швеция), Бишкеком (Кыргызстан) и Турином (Италия) [4]. В город приходят зарубежные и международные финансовые организации, например, представительство Европейского банка реконструкции и развития и немецкого «Дрезднер банка»; иностранные фирмы и компании, которых к 1998 г. в Екатеринбурге стало более 130 [22, с. 36–38].

¹ На основании данных Федеральной службы государственной статистики на момент 1 января 2020 г.

² Подобные ограничения просуществовали до конца 1990 г. и были частично отозваны Постановлением Совета Министров СССР от 8 декабря 1990 г. № 1233-164. Вопрос о возвращении исторического названия города был решен 4 сентября 1991 г. Свердловским городским Советом народных депутатов.

Отдельный вклад в развитие Екатеринбурга в качестве центра Свердловской области внес Э. Э. Россель, под руководством которого не только область, но и город стали бенефициарами новых международных связей. Так, в 1992 г. был создан Екатеринбургский центр содействия предпринимательству в рамках соглашения между Свердловской областью и федеральной землей Баден-Вюртемберг [17, с. 30]. В 1990-х гг. существовала конкуренция между Екатеринбургом и Свердловской областью (между командами А. М. Чернецкого и Э. Э. Росселя) по развитию основных направлений деятельности, были конфликты по вопросам разделения полномочий. Важно отметить, что эта конкуренция подстегивала стороны к кооперации по некоторым из вопросов, в частности, по вопросам организации и проведения международных мероприятий [9, с. 75].

Как следствие, Екатеринбург стал местом для визитов зарубежных послов, руководителей международных организаций и первых лиц государств. В феврале 1992 г. город посетил Государственный секретарь США Дж. Бейкер, по результатам визита которого было принято решение о создании в Екатеринбурге Генерального консульства [17, с. 18–19]. В июне 1993 г. город посетила делегация во главе с начальником Генерального штаба вооруженных сил Франции адмиралом Ж. Ланксада и послом Франции в России П. Морелем [12, с. 50]. В конце мая 1997 г. Екатеринбург стал площадкой VI заседания Консультационного Совета по экономическому и научно-техническому сотрудничеству между Россией и Германией, делегацию последней возглавлял министр экономики Германии Г. Рексродт [1, с. 27]. Также в 1997 г. в екатеринбургском аэропорту Кольцово состоялась встреча первых леди России и США Н. И. Ельциной и Х. Клинтон [25]. В октябре 1998 г. прошла международная выставка «Британия в России-98», которую посетил принц Майкл Кентский, выступавший в качестве патрона Британско-Российской торговой палаты. В апреле 1999 г. состоялся деловой форум «Финбизнес-99», одним из почетных гостей на котором стал министр внешней торговли Финляндии К. Саси [12, с. 34], а в июле этого же года в Екатеринбурге состоялся конгресс под эгидой Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, который посетил Генеральный директор ЮНЕСКО Ф. Майор.

Екатеринбург становится центром сосредоточения региональных и федеральных институтов парадипломатии. По распоряжению Правительства Российской Федерации от 19.10.1996 г. № 1570-р было создано Представительство Министерства иностранных дел Российской Федерации [11]. В 1999 г. в городе насчитывалось свыше 80 представительств федеральных министерств и ведомств, как, например, Уральское территориальное управление Государственного таможенного комитета РФ и Управление уполномоченного министерства торговли РФ по Уральскому району [19, с. 145].

В течение первого этапа наблюдается процесс становления международных связей Екатеринбурга. Трудности первых лет постсоветских трансформаций в экономике, складывание в стране федерализма и западно-ориентированная внешняя политика России способствовали интернационализации города. Открытие города осуществлялось при помощи сил и ресурсов городских и региональных элит, что впоследствии дало импульс для расширения связей города после 2000 г.

Екатеринбург как платформа для международных переговоров

Второй этап парадипломатии Екатеринбурга охватывает период с 2001 по 2014 гг. и связан с целым комплексом изменений на макро- и микроуровне. На уровне местного самоуправления произошла смена глав города: ушедшего А. М. Чернецкого в 2010 г. сменил Е. Н. Порунов, следом за которым в качестве мэра города в 2013 г. стал Е. В. Ройзман. На национальном уровне произошла смена глав государства: избрание Президентом России В. В. Путина в 2000 г. и 2012 г., избрание Д. А. Медведева в 2008 г. Можно согласиться с рядом исследователей, что тренд на укрепление федеральной власти после 2000 г. продолжил линию упорядочивания парадипломатии субъектов РФ, повышение контроля за деятельностью регионов со стороны федеральных ведомств [19; 34; 35]. Для муниципального уровня это отразилось в законодательных изменениях, затрагивающих положение крупных городов в России. 13 мая 2000 г. был подписан Указ Президента РФ N 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе». В соответствии с документом Екатеринбург становился центром Уральского федерального округа, который возглавил генерал милиции П. М. Латышев, занимавший ранее пост заместителя министра внутренних дел России [6, с. 204].

По словам бывшего вице-мэра Екатеринбурга С. Г. Тушина, Екатеринбург в период мэрства А. М. Чернецкого прошел через трудности экономического кризиса в 1990-е гг. к этапу

позиционирования себя в качестве современного международного города. Для достижения этой цели было принято решение о создании стратегического документа, который стал магистральным планом развития Екатеринбурга после 2000 г. В его разработке приняли участие более 500 человек из почти 200 организаций. Все они были сгруппированы по 25 тематическим группам. Для системной работы был сформирован Программный совет, который получил статус высшего органа стратегического развития, выполнял функции координирующего, совещательного и контролирующего института. По мнению И. В. Выдрина, в планах А. М. Чернецкого и команды составителей стратегического плана развития города стояла задача превратить Екатеринбург в один из крупнейших евразийских городов XXI века [6, с. 208–209, 214–215].

Продолжение курса на выстраивание партнерских отношений со странами Европы и США дополняется расширением контактов сотрудничества со странами Восточной Азии, из которого Екатеринбург также сумел извлечь выгоду. Период 2001–2014 гг. с уверенностью можно назвать «золотым временем» города. Количество и география связей Екатеринбурга с другими городами за этот промежуток времени увеличились благодаря заключенным соглашениям с Гуанчжоу (КНР); Минском и Могилевом (Белоруссия); Бассенсом (Франция); Генуей (Италия); Похангом, Соннамом и Инчхоном (Республика Корея); Пловдивом (Болгария); Аннабой (Алжир); Высокими Татрами (Словакия); Мишкольцем (Венгрия) [4]. Выросло число представительств и консульств иностранных государств в Екатеринбурге: в период с 2001 по 2013 гг. были открыты генеральные и почетные консульства Белоруссии, Кыргызстана, Чехии, Болгарии, Германии, Австрии, Армении, Венгрии, Вьетнама, Китая, Демократической Республики Конго, Франции, Южной Кореи, Азербайджана, Таджикистана, Монголии, Словакии, Турции, Никарагуа, Италии и Украины. Примечательно, что открытие консульств следовало после организации в городе международных переговоров с представителями глав государств, правительств или иностранных министров.

Проведение крупных, значимых и масштабных событий в политической, экономической, социально-культурной сфере в Екатеринбурге подтверждают тезис о значимости города в качестве международной переговорной площадки. В октябре 2003 г. состоялась встреча глав государств России и Германии в рамках межправительственных консультаций, делегации которых возглавляли руководители государств В. В. Путин и Г. Шрёдер [8]. В апреле 2009 г. состоялся российско-итальянский экономический форум, на котором присутствовали министр экономического развития Италии К. Скайола и министр промышленности и торговли России В. Б. Христенко. 15–16 июня 2009 г. Екатеринбург стал площадкой для саммитов ШОС и БРИК. По итогам международной встречи была принята итоговая декларация глав государств-членов ШОС, получившей наименование Екатеринбургской, было сделано совместное заявление Первого саммита БРИК. По словам И. В. Выдрина, Екатеринбург стал фактическим местом рождения этой организации в формате саммитов, поскольку ранее эта практика отсутствовала в деятельности этой международной организации [6, с. 251].

В июле 2010 г. состоялся 12 раунд российско-германских межгосударственных консультаций на высоком уровне. Город принял у себя делегации во главе с Президентом РФ Д. А. Медведевым и Канцлером ФРГ А. Меркель. По итогам встречи был подписан ряд международных документов по сотрудничеству в подготовке управленческих кадров, сфере физической культуры и спорта, пакет проектов для малого и среднего бизнеса двух стран [3].

В 2013 г. Екатеринбург принял два крупных международных события. В июне прошел 31-й саммит Россия – ЕС, на котором перед европейскими чиновниками была презентована заявка Екатеринбурга на ЭКСПО-2020. В ноябре состоялся десятый межрегиональный форум России и Казахстана, который посетили президенты В. В. Путин и Н. А. Назарбаев. По итогам встречи был подписан пакет документов, одним из которых стал Договор между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о добрососедстве и союзничестве в XXI веке [15].

Второй этап развития Екатеринбурга как глобального города отразил приверженность курса внешних связей города: расширение контактов для сотрудничества и позиционирования себя в качестве уникальной международной площадки.

Выстраивание парадипломатии города в парадипломатию региона

Третий этап пришелся на переломные 2013–2014 гг. во внешней политике России и продолжается по настоящее время. Политический кризис в Украине, последующие события на юго-востоке страны и введение санкций повлияли на заморозку, сворачивание проектов и

программ сотрудничества России со странами Европы и США. Так, генеральное консульство США в Екатеринбурге в мае 2021 г. приостановило свою дипломатическую и консульскую работу [13]. На национальном уровне продолжился курс на укрепление «вертикали власти», встраивание местного самоуправления в государственную систему власти. Постепенное увеличение контроля за крупными региональными городами фактически приводило к ликвидации самостоятельности крупных центров, делало их зависимыми от регионального и федерального уровня, что сказалось на ресурсах и возможностях парадипломатии, в частности Екатеринбурга [14, с. 980].

Корректировке подвергся правовой режим муниципалитетов. В качестве мер можно выделить два важных события. Во-первых, это внесение дополнительных положений в статью 132 Конституции РФ, изменяющих систему муниципального самоуправления в стране. Во-вторых, повышение контроля субъектов РФ за деятельностью муниципалитетов. Поправки предполагали ликвидацию самостоятельности руководства городов и перераспределение механизмов контроля с муниципального на региональный уровень [14, с. 981, 993–995, 1000], в то время как принятие поправок в областной закон «Об избрании органов местного самоуправления муниципальных образований Свердловской области» заменял систему прямых выборов главы города на систему с участием специальной комиссии из числа депутатов гордумы и чиновников.

В новых условиях администрация Екатеринбурга создавала правовую рамку для дальнейшего развития международных связей. Так, постановлением от 28 октября 2016 г. № 2140 «Об утверждении Муниципальной программы «Екатеринбург – столичный город» на 2017–2020 годы» была принята дополнительная программа развития, повышающая международную узнаваемость Екатеринбурга и его конкурентные преимущества. Для повышения туристической привлекательности и ведения имиджевой стратегии Екатеринбурга был создан информационно-туристический центр Муниципальное казенное учреждение «Столица Урала». Результаты оформились в расширении связей с зарубежными городами из стран Азии: Шихэцзы, Жичжао, Хуньчунь, Поханг, Чэнду (КНР); Селенгинским аймаком (Монголия). Единственным исключением можно назвать заключение соглашения с немецким городом Ганновер [4], что отражает приверженность к крепкому и прагматичному сотрудничеству между Россией и Германией. Примечательно, что наряду с заключением двусторонних связей и увеличением числа консульств Екатеринбург перенял практику вступления в международные сетевые объединения городов. Так, в конце 2018 г. мэр Екатеринбурга А. Г. Высокинский подписал Парижскую декларацию противодействия ВИЧ [27]. В результате Екатеринбург стал первым российским городом, который вошел в объединение, насчитывающее 300 муниципалитетов по всему миру. В 2019 г. город стал членом Евразийского регионального отделения Всемирной организации «Объединенные города и местные власти» (ОГМВ) [26]. Успехи в этом направлении были достигнуты во многом благодаря кооперации администрации Екатеринбурга со Свердловской областью, участием в организуемых региональными чиновниками визитах и встречах в составе официальной делегации субъекта РФ.

Несмотря на сложные межгосударственные отношения между Россией и странами ЕС, Екатеринбург остался международной переговорной площадкой и местом для визита высоких гостей. В августе 2016 г. Екатеринбург посетили руководители дипломатических ведомств России и Германии, делегации которых возглавили С. В. Лавров и Ф.-В. Штайнмайер. В июне 2018 г. Екатеринбург наряду с другими городами России принимал у себя матчи Чемпионата мира по футболу. Почти за две недели на футбольной арене города прошло четыре матча. Среди высоких гостей в рамках мероприятия состоялся визит Её Императорского Высочества принцессы Хисако Такамадо на матче Япония – Сенегал [5]. Осенью 2018 г. в Екатеринбург состоялся визит официальных представителей региональных и международных организаций: заместителя генерального секретаря Организации Объединенных Наций (ООН) Э. Смейл, заместителя Генерального секретаря Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ) П. Н. Тихоновского, помощника Генерального секретаря ООН генерал-лейтенанта К. У. Лойти. В июле 2019 г. состоялся Второй глобальный саммит производства и индустриализации. На площадке конгресс-центра МВЦ «Екатеринбург-ЭКСПО» прозвучали официальные выступления Генерального директора ООН по промышленному развитию (ЮНИДО) Л. Йонга, Президента Российской Федерации В. В. Путина [30]. В октябре 2019 г. состоялся визит заместителя генерального секретаря ООН и исполнительного директора ООН-Хабитат М. Мохд Шариф.

На развитие Екатеринбурга и его участие в мировой политике сказалось воздействие COVID-19. Принятие законов по введению ограничительных мер отразилось на частоте международных событий в Екатеринбурге, его деятельности как актора парадипломатии³. Падение экономической активности горожан, что особенно критично для крупных городов с высокой долей сектора рыночных услуг, серьезно сказалось на городе [10, с. 7]. Это отразилось на объемах доходов в бюджет Екатеринбурга, который сократился с 53,136 млрд рублей до 50,375 млрд рублей [7]. Как следствие, это означает пересмотр последующих расходов на реализацию имеющихся проектов, в частности, в сфере международных связей: снижение очных встреч и обменов, перевод части работ на дистанционный формат. К 2021 г. город постепенно оправился от воздействия пандемии и возвращается в прежний режим работы, продолжая курс на расширение международных связей.

В течение третьего этапа развития Екатеринбург расширил число своих контактов и международных связей. Реактивный характер межгосударственных отношений России со странами Европы и США, усиление восточного вектора дипломатии сказались на субнациональном уровне, куда входит парадипломатия Екатеринбурга. В частности, закрытие Генерального консульства США в Екатеринбурге сказалось на небольшом снижении международных контактов самого города.

В соответствии с выделенными критериями, подтверждающими парадипломатию Екатеринбурга, необходимо отметить наличие фактов в законодательном, институциональном и идентификационном поле. Администрация города Екатеринбурга, используя правовое пространство Российской Федерации, создавая и трансформируя собственные ведомства и управленческий аппарат, участвует в мировой политике в качестве актора парадипломатии. Признание этого участия через заключение различных соглашений, обменов визитами подтверждает наличие признания города иностранными акторами и агентами, что находится в идентификационном поле.

На современном этапе парадипломатия Екатеринбурга прошла определенную эволюцию. Выделенные периоды отражают процессы становления, развития и встраивания в систему парадипломатии Свердловской области. В каждом из этапов город решал стоящие перед ним задачи, используя ресурсы и возможности внешней помощи. В рамках первого этапа (1990–2001 гг.) администрация города стремилась не столько к признанию, сколько к расширению источников помощи, поиску точек развития для перехода от «закрытого» Свердловска к «открытому» Екатеринбургу. Второй этап (2001–2014 гг.) характеризуется расширением контактов и связей города, получением неофициального статуса третьей столицы России. Это подтверждается ростом консульств иностранных государств, проведением наряду с двусторонними многосторонних международных переговоров и встреч. В свою очередь, администрация Екатеринбурга переходит к долгосрочным программам развития. Для третьего этапа (2014–2021 гг.) характерно усиление правового регулирования деятельности муниципалитетов, расширение контроля за деятельностью города. Активную роль в этом играют региональные власти, которые расширили свои законодательные возможности, а после 2018 г. получили инструменты опосредованного контроля за выборами главы Екатеринбурга через формирование выборочной комиссии. Екатеринбург продолжил расширять географию своей деятельности, однако при помощи и сотрудничестве институтов международных и внешнеэкономических связей Свердловской области: совместные визиты в составе делегации, презентация города перед представителями международных организаций.

³ Имеются в виду последовательно принятые законы на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. В частности, «О Координационном совете при Правительстве Российской Федерации по борьбе с распространением новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации»: постановление Правительства РФ от 14 марта 2020 г. № 285, «О введении на территории Свердловской области режима повышенной готовности и принятия дополнительных мер по защите населения от новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV)»: указ губернатора Свердловской области от 18.03.2020 № 100-УГ, «О внесении изменения в Постановление администрации города Екатеринбурга от 18.03.2020 № 529 «О мерах по предупреждению возникновения и распространения коронавирусной инфекции COVID-19 на территории муниципального образования “город Екатеринбург”»: постановление № 555 от 20.03.2020.

Список литературы

1. Бекленищева М. В. Забытые города-побратимы: межмуниципальные связи Свердловска в 1955–1966 гг. // Документ. Архив. История. Современность. 2017. № 17. С. 36–50.
2. Благодатских В. Г., Керимов А. А. Парадипломатия как категория политической науки: теоретико-методологические подходы и научные школы // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2018. № 1 (17). С. 158–166. DOI: 10.25513/2312-1300.2018.1.158-166.
3. Визит Дмитрия Медведева и Ангелы Меркель в Екатеринбург // Информационный портал Екатеринбурга. 2010. URL: http://www.ekburg.ru/r_zasedanie_op/2/19970-vizit-dmitriya-medvedeva-i-angely-merkel-v-ekaterinburg/ (дата обращения: 15.08.2021).
4. Внешние связи города // Официальный портал Екатеринбург.рф. URL: <https://екатеринбург.рф/официально/внешние%20связи> (дата обращения: 14.08.2021).
5. «В Свердловской области высок интерес к японской культуре» (по материалам интервью с министром посольства Японии Ямамото Тосио «Областной газете», октябрь 2020) // Сайт Министерства международных и внешнеэкономических связей Свердловской области. URL: <https://mvs.midu-ral.ru/vistuplenia/2140> (дата обращения: 15.08.2021).
6. Выдрин И. В. Аркадий Чернецкий: Совершеннолетие власти. Екатеринбург : Уральская торгово-промышленная палата, 2018. 280 с.
7. Доходы бюджета // Департамент финансов Администрации города Екатеринбурга. URL: <https://бюджет.екатеринбург.рф/budget/incomes> (дата обращения: 21.08.2021).
8. Екатеринбург впервые посетил канцлер Германии // Облгазета. 2013. URL: <https://www.oblgazeta.ru/politics/12971/> (дата обращения: 15.08.2021).
9. Золотарев Ф. Е. Город Екатеринбург как глобальный актер в современных международных отношениях // Вестник Пермского университета. Политология. 2021. Т. 15. № 2. С. 71–81. DOI: 10.17072/2218-1067-2021-2-71-81.
10. Зубаревич Н. В., Сафронов С. Г. Регионы России в острой фазе коронавирусного кризиса: отличия от предыдущих экономических кризисов // Региональное развитие. 2020. № 2 (68). С. 4–17. DOI: 10.5922/1994-5280-2020-2-1.
11. История Представительства // Представительство МИД России в городе Екатеринбурге. URL: https://ekaterinburg.mid.ru/ru/o_predstavitelstve/istoriya_predstavitelstva/ (дата обращения: 14.08.2021).
12. Кошаров В. А., Тарасов А. Г. Развитие сотрудничества России с Европейским Союзом на федеральном и региональном уровне: на примере Свердловской области. Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2000. 144 с.
13. Консульство США в Екатеринбурге остановило работу. Генеральный консул сообщила, что покидает Урал // Новостной портал Е1. 17 мая 2021. URL: <https://www.e1.ru/text/politics/2021/05/17/69917819/> (дата обращения: 15.08.2021).
14. Кынев А. В. Губернаторы в России: между выборами и назначениями. М. : Фонд «Либеральная миссия», 2020. 1030 с.
15. Лебедева М. М. Трансформация роли городов и внутригосударственных регионов в мировой политике // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 1. С. 7–16. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-1/7-16.
16. Лебедева М. М., Сергеев В. М. Мегалополис как актер мировой политики // Космополис. 2004/2005. № 4 (10). С. 193–200.
17. Левин А. Ю. Феномен. Штрихи к портрету Эдуарда Росселя. Екатеринбург : Банк культурной трансформации, 2007. 320 с.
18. Лицом к лицу. Аркадий Чернецкий // Радио Свобода. 25.04.04. URL: <https://archive.svoboda.org/programs/ftf/2004/ftf.042504.asp> (дата обращения: 21.08.2021).
19. Михайленко Е. Б., Вербицкая Т. В. Становление и развитие парадипломатической деятельности Свердловской области (с 1991 г. по настоящее время) // Вестник Пермского университета. Политология. 2018. № 1. С. 141–157. DOI: 10.17072/2218-1067-2018-1-141-157.
20. Мухаметов Р. С. Факторы международной активности российских городов // Вестник МГИМО Университета. 2020. Т. 13. № 6. С. 153–174. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-6-75-153-174.
21. Савкин Д. А. К вопросу об «акторности» глобальных городов в мировой политике // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2009. № 4 (6). С. 176–184.
22. Тарасов А. Г., Кошаров В. А. Регион как субъект международной и внешнеэкономической деятельности. Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 1999. 75 с.
23. Форум межрегионального сотрудничества России и Казахстана // Посольство Российской Федерации в Республике Казахстан. URL: http://www.rfembassy.kz/lm/dvustoronnie_otnosheniya/vizity_i_vstrechi/?cid=0&rid=432 (дата обращения: 15.08.2021).
24. Хиллари Клинтон написала для «ОГ» свои впечатления о визите на Урал // Облгазета. 2016. URL: <https://www.oblgazeta.ru/society/30888/> (дата обращения: 14.08.2021).
25. Худoley К. К., Ланко Д. А. Санкт-Петербург в Балтийском регионе // Балтийский регион. 2009. № 1 (1). С. 64–76. DOI: 10.5922/2074-9848-2009-1-6.

26. Члены // ОГМВ Евразия. URL: <http://euroasia-uclg.ru/members/> (дата обращения: 15.08.2021).
27. Cities // UNAIDS. URL: <https://www.unaids.org/en/taxonomy/term/729?page=1> (дата обращения: 15.08.2021).
28. *Duchachek Ivo D.* The International Dimension of Subnational Self-Government // Federated States and International Relations. 1984. URL: <http://www.jstor.org/stable/3330188> (дата обращения: 14.08.2021).
29. Geschichte des Vereins – Wuppertal hilft Swerdlowsk // Der Freundkreis Wuppertal-Jekaterinburg e.v. Archiv. URL: <https://fk-wuppertal-jekaterinburg.de/geschichte-des-vereins-wuppertal-hilft-swerdlowsk> (дата обращения: 13.08.2021).
30. GMIS-2019 // Global Manufacturing & Industrialization Summit. URL: <https://gmisummit.com/summits/2019> (дата обращения: 15.08.2021).
31. *Hocking B.* Patrolling the 'frontier': Globalization, localization and the 'actorness' non-central governments // Regional and Federal Studies. 1999. № 9 (1). Pp. 17–39. DOI: 10.1080/13597569908421069.
32. *Keating M.* Regions and International Affairs: Motives, Opportunities and Strategies / F. Aldecoa, M. Keating // Paradiplomacy in Action: The Foreign Relations of Subnational Governments. Routledge, 2013. Pp. 1–16. DOI: 10.1080/13597569908421068.
33. *Kolossov V., Eckert D.* Russian regional capitals as new international actors: the case of Yekaterinburg and Rostov // Belgeo. 2007. № 1 (1). Pp. 115–132. DOI: 10.4000/belgeo.11686.
34. *Kuznetsov A. S.* Theory and Practice of Paradiplomacy. Subnational governments in international affairs. Routledge, 2015. 185 p.
35. *Pietrasiak M., Slowikowski M.* The International Activity of Federal Subjects of the Russian Federation on the Case of the Far East // Paradiplomacy in Asia. Case studies of China, India and Russia. Lydz University Press, 2018. Pp. 137–208.
36. *Soldatos P.* Strategic cities alliances: An added value to the innovative making of an international city // Urban networking in Europe – I: concepts, intentions and new realities. September/October–November/December 1991. Vol. 58. No. 350/351. Pp. 346–350.

Paradiplomacy of Yekaterinburg at the present stage (1990–2021)

E. B. Mikhailenko¹, F. E. Zolotarev²

¹PhD in Historical Sciences, associate professor of the Department of Theory and History of International Relations of the Ural Federal University n. a. the First President of Russia B. N. Yeltsin. Russia, Yekaterinburg. ORCID: 0000-0002-3876-9080. E-mail: erslanova@urfu.ru

²postgraduate student, Saint Petersburg University. Russia, Saint-Petersburg. ORCID: 0000-0002-8789-0856. E-mail: fedor.zolotarev.ekb@gmail.com

Abstract. The article analyzes the history of Yekaterinburg's paradiplomacy after 1990. The relevance of the study is explained by the increased role of subnational actors, in particular cities, in world politics. The purpose of this article is to consider a particular case of the city's participation in world politics at the present stage. The city of Yekaterinburg was chosen as the object of the study, which in the post-Soviet era faced many problems caused by the need to transform from the position of a previously closed Soviet city, the collapse of the Soviet Union and changes in the system of international relations. In the absence of full-scale assistance from the federal government and subject to a shortage of resources, the city administration actively used cooperation in the international space. Paradiplomacy refers to the participation of subnational actors in international relations. Within the framework of the study, the criteria were determined by which the paradiplomacy of the city was analyzed, the periodization of stages was carried out with the justification of time boundaries. There are three stages that describe in detail the processes of formation and evolution of the Yekaterinburg paradiplomacy. The first stage is characterized by the formation of the post-Soviet system of municipal government, within which the city administration sought to increase international relations, attract attention to the city from representatives of state and commercial structures. At the second stage, the authorities of international activities for municipalities are being concretized, while Yekaterinburg is striving to form a brand of the Eurasian capital and an international negotiating platform. This is confirmed by the growing number of visits of foreign heads of state and government, the holding of multilateral international negotiations (SCO, BRIC, EU). The third stage is marked by an increased level of dependence of Yekaterinburg's paradiplomacy on the national and international context. On the one hand, there was a strengthening of the vertical of power and the integration of the previously independent system of municipal power into the state system through the institutions of regional power, in particular the Sverdlovsk region. On the other hand, the events in the east of Ukraine, the imposition of sanctions and the impact of the pandemic have affected the possibilities of conducting international activities. The authors conclude that Yekaterinburg's paradiplomacy has gone through an evolutionary path since the 1990s, the development of which was influenced by events at the national and international level.

Keywords: city, Yekaterinburg, Sverdlovsk region, paradiplomacy, world politics.

References

1. Beklenishcheva M. V. *Zabytye goroda-pobratimy: mezhmunicipal'nye svyazi Sverdlovsk v 1955–1966 gg.* [The forgotten twin cities: intermunicipal relations of Sverdlovsk in 1955–1966] // Dokument. Arhiv. Istoriya. Sovremennost' – Document. Archive. History. Modernity. 2017. No. 17. Pp. 36–50.
2. Blagodatskih V. G., Kerimov A. A. *Paradiplomatiya kak kategoriya politicheskoy nauki: teoretiko-metodologicheskie podhody i nauchnye shkoly* [Paradiplomacy as a category of political science: theoretical and methodological approaches and scientific schools] // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki – Herald of Omsk University. Series: Historical Sciences. 2018. No. 1 (17). Pp. 158–166. DOI: 10.25513/2312-1300.2018.1.158-166.
3. *Vizit Dmitriya Medvedeva i Angely Merkel' v Ekaterinburg* – Visit of Dmitry Medvedev and Angela Merkel to Yekaterinburg // Yekaterinburg Information Portal. 2010. Available at: http://www.ekburg.ru/r_zasedanie_op/2/19970-vizit-dmitriya-medvedeva-i-angely-merkel-v-ekaterinburg/ (date accessed: 15.08.2021).
4. *Vneshnie svyazi goroda* – External relations of the city // Official portal Yekaterinburg.rf. Available at: <https://ekaterinburg.rf/официально/внешние%20связи> (date accessed: 14.08.2021).
5. *"V Sverdlovskoj oblasti vysok interes k yaponskoj kul'ture" (po materialam interv'yu s ministrom posol'stva Yaponii Yamamoto Tosio "Oblastnoj gazete", oktyabr' 2020)* – "Interest in Japanese culture is high in the Sverdlovsk Region" (based on an interview with the Minister of the Embassy of Japan Yamamoto Toshio to the Regional Newspaper, October 2020) // Sajt Ministerstva mezhdunarodnyh i vneshneekonomicheskikh svyazey Sverdlovskoj oblasti – Website of the Ministry of International and Foreign Economic Relations of the Sverdlovsk Region. Available at: <https://mvs.midural.ru/vistuplenia/2140> (date accessed: 15.08.2021).
6. *Vydrin I. V. Arkadij Cherneckij: Sovershennoletie vlasti. Ekaterinburg: Ural'skaya torgovo-promyshlennaya palata* [Arkady Chernetsky: The coming of age of power]. Yekaterinburg. Ural Chamber of Commerce and Industry. 2018. 280 p.
7. *Dohody byudzhet* – Budget revenues // Departament finansov Administracii goroda Ekaterinburga – Department of Finance of the Yekaterinburg City Administration. Available at: <https://бюджет.yekaterinburg.rf/budget/incomes> (date accessed: 11.08.2021).
8. *Ekaterinburg vpervye posetil kancler Germanii* – Yekaterinburg was visited for the first time by the German Chancellor // Oblgazeta – Regional newspaper. 2013. Available at: <https://www.oblgazeta.ru/politics/12971/> (date accessed: 15.08.2021).
9. *Zolotarev F. E. Gorod Ekaterinburg kak global'nyj aktor v sovremennyh mezhdunarodnyh otnosheniyah* [The city of Yekaterinburg as a global actor in modern international relations] // Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya – Herald of Perm University. Political science. 2021. Vol. 15. No. 2. Pp. 71–81. DOI: 10.17072/2218-1067-2021-2-71-81.
10. *Zubarevich N. V., Safronov S. G. Regiony Rossii v ostroj faze koronavirusnogo krizisa: otlichiya ot predydushchih ekonomicheskikh krizisov* [Regions of Russia in the acute phase of the coronavirus crisis: differences from previous economic crises] // Regional'noe razvitie – Regional development. 2020. No. 2 (68). Pp. 4–17. DOI: 10.5922/1994-5280-2020-2-1.
11. *Istoriya Predstavitel'stva* – History of the Representative Office // Predstavitel'stvo MID Rossii v gorode Ekaterinburge – Representative Office of the Ministry of Foreign Affairs of Russia in Yekaterinburg. Available at: https://ekaterinburg.mid.ru/ru/o_predstavitel'stve/istoriya_predstavitel'stva/ (date accessed: 14.08.2021).
12. *Koksharov V. A., Tarasov A. G. Razvitie sotrudnichestva Rossii s Evropejskim Soyuzom na federal'nom i regional'nom urovne: na primere Sverdlovskoj oblasti* [Development of cooperation between Russia and the European Union at the federal and regional levels: on the example of the Sverdlovsk region]. Yekaterinburg. Ural University Press. 2000. 144 p.
13. *Konsul'stvo SShA v Ekaterinburge ostanovilo rabotu. General'nyj konsul soobshchila, chto pokidaet Ural* – The US Consulate in Yekaterinburg has stopped working. The Consul General announced that she was leaving the Urals // Novostnoj portal E1 – News portal E1. May 17, 2021. Available at: <https://www.e1.ru/text/politics/2021/05/17/69917819/> (date accessed: 15.08.2021).
14. *Kynev A. V. Gubernatory v Rossii: mezhdru vyborami i naznachenyami* [Governors in Russia: between elections and appointments]. M. Liberal Mission Foundation. 2020. 1030 p.
15. *Lebedeva M. M. Transformaciya roli gorodov i vnutrigosudarstvennyh regionov v mirovoj politike* [Transformation of the role of cities and intra-state regions in world politics] // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya – Oikumena. Regional studies. 2019. No. 1. Pp. 7–16. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-1/7-16.
16. *Lebedeva M. M., Sergeev V. M. Megapolis kak aktor mirovoj politiki* [Megapolis as an actor of world politics] // Kosmopolis – Cosmopolis. 2004/2005. No. 4 (10). Pp. 193–200.
17. *Levin A. Yu. Fenomen. Shtrihi k portretu Eduarda Rosselya* [Phenomenon. Touches to the portrait of Eduard Rossel]. Yekaterinburg. Bank of Cultural Transformation. 2007. 320 p.
18. *Licom k licu. Arkadij Cherneckij* – Face to face. Arkady Chernetsky // Radio Svoboda – Radio Liberty. 25.04.04. Available at: <https://archive.svoboda.org/programs/ftf/2004/ftf.042504.asp> (date accessed: 11.08.2021).
19. *Mihajlenko E. B., Verbickaya T. V. Stanovlenie i razvitie paradiplomatičeskoy deyatel'nosti Sverdlovskoj oblasti (s 1991 g. po nastoyashchee vremya)* [Formation and development of the paradiplomatic activity of the Sverdlovsk region (from 1991 to the present)] // Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya – Herald of Perm University. Political science. 2018. No. 1. Pp. 141–157. DOI: 10.17072/2218-1067-2018-1-141-157.

20. *Muhametov R. S. Faktory mezhdunarodnoj aktivnosti rossijskih gorodov* [Factors of international activity of Russian cities] // Vestnik MGIMO Universiteta – Herald of MSIIR University. 2020. Vol. 13. No. 6. Pp. 153–174. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-6-75-153-174.
21. *Savkin D. A. K voprosu ob "aktornosti" global'nyh gorodov v mirovoj politike* [On the question of the "actorality" of global cities in world politics] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya – Herald of St. Petersburg University. Political science. International relations. 2009. No. 4 (6). Pp. 176–184.
22. *Tarasov A. G., Koksharov V. A. Region kak sub'ekt mezhdunarodnoj i vneshneekonomicheskoy deyatelnosti* [Region as a subject of international and foreign economic activity]. Yekaterinburg. Ural University Press. 1999. 75 p.
23. *Forum mezhregional'nogo sotrudnichestva Rossii i Kazahstana* – Forum of Interregional Cooperation of Russia and Kazakhstan // Posol'stvo Rossijskoj Federacii v Respublike Kazahstan – Embassy of the Russian Federation in the Republic of Kazakhstan. Available at: http://www.rfembassy.kz/lm/dvustoronnie_otnosheniya/vizity_i_vstrechi/?cid=0&rid=432 (date accessed: 15.08.2021).
24. *Hillari Klinton napisala dlya "OG" svoi vpechatleniya o vizite na Ural* – Hillary Clinton wrote for "US" her impressions of her visit to the Urals // Oblgazeta – Regional newspaper. 2016. Available at: <https://www.oblgazeta.ru/society/30888/> (date accessed: 14.08.2021).
25. *Hudolej K. K., Lanko D. A. Sankt-Peterburg v Baltijskom regione* [St. Petersburg in the Baltic region] // Baltic region. 2009. No. 1 (1). Pp. 64–76. DOI: 10.5922/2074-9848-2009-1-6.
26. *Chleny* – Members // OGMV Evraziya – UCLG Eurasia. Available at: <http://euroasia-uclg.ru/members/> (date accessed: 15.08.2021).
27. *Cities* // UNAIDS. Available at: <https://www.unaids.org/en/taxonomy/term/729?page=1> (date accessed: 15.08.2021).
28. *Duchachek Ivo D. The International Dimension of Subnational Self-Government* // Federated States and International Relations. 1984. Available at: <http://www.jstor.org/stable/3330188> (date accessed: 14.08.2021).
29. *Hocking B. Patrolling the "frontier": Globalization, localization and the "actorness" non-central governments* // Regional and Federal Studies. 1999. No. 9 (1). Pp. 17–39. DOI: 10.1080/13597569908421069.
30. *GMIS-2019* // Global Manufacturing & Industrialization Summit. Available at: <https://gmisummit.com/summits/2019> (date accessed: 15.08.2021).
31. *Geschichte des Vereins – Wuppertal hilft Swerdlowsk* // Der Freundkreis Wuppertal-Jekaterinburg e. v. Archiv. Available at: <https://fk-wuppertal-jekaterinburg.de/geschichte-des-vereins-wuppertal-hilft-swerdlowsk> (date accessed: 13.08.2021).
32. *Keating M. Regions and International Affairs: Motives, Opportunities and Strategies* / F. Aldecoa, M. Keating // *Paradiplomacy in Action: The Foreign Relations of Subnational Governments*. Routledge, 2013. Pp. 1–16. DOI: 10.1080/13597569908421068.
33. *Kolossov V., Eckert D. Russian regional capitals as new international actors: the case of Yekaterinburg and Rostov* // *Belgeo*. 2007. No. 1 (1). Pp. 115–132. DOI: 10.4000/belgeo.11686.
34. *Kuznetsov A. S. Theory and Practice of Paradiplomacy. Subnational governments in international affairs*. Routledge, 2015. 185 p.
35. *Pietrasiak M., Słowikowski M. The International Activity of Federal Subjects of the Russian Federation on the Case of the Far East* // *Paradiplomacy in Asia. Case studies of China, India and Russia*. Łódź University Press, 2018. Pp. 137–208.
36. *Soldatos P. Strategic cities alliances: An added value to the innovative making of an international city* // *Urban networking in Europe – I: concepts, intentions and new realities*. September/October–November/December 1991. Vol. 58. No. 350/351. Pp. 346–350.

Желтая звезда: нацистская верхушка, немцы и стигматизация евреев в сентябре 1941 г.

А. М. Ермаков

доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета,
Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского. Россия, г. Ярославль. E-mail: a.ermakov@yspu.org

Аннотация. В статье на основании официальных документов и источников личного происхождения выявлены причины введения специального опознавательного знака для немецких евреев, показана роль отдельных нацистских иерархов в принятии решения о ношении желтой звезды, дана характеристика основных пропагандистских клише, сопровождавших стигматизацию немецких евреев, показана реакция «арийского» населения на визуализацию евреев. Установлено, что введение желтой звезды было продолжением серии мероприятий нацистского руководства, направленных на стигматизацию евреев, разжигание ненависти к ним немцев и тем самым облегчило депортацию их на Восток с целью физического истребления. Показано, что одним из способов изоляции евреев от немецкого общества являлась их визуализация, апогеем которой стало ношение опознавательного знака на одежде. Констатируется, что стимулом к обсуждению введения знака для евреев стал общегерманский еврейский погром ноября 1938 г., сопровождавшийся «ариизацией» собственности, а положительное решение было принято Гитлером в условиях расовой и мировоззренческой войны против Советского Союза. Инициаторами введения желтой звезды были радикальные антисемиты Гейдрих, Геринг и Геббельс. Они успешно преодолели слабое сопротивление министерской бюрократии и склонили Гитлера на свою сторону. Для Геббельса визуализация немецких евреев была паллиативной мерой, вызванной невозможностью их немедленной депортации за пределы Германии. Полученные результаты могут быть применены при изучении антисемитской идеологии, политики и пропаганды гитлеровской Германии, нацистских преступлений, настроений немцев в первые месяцы агрессии Третьего рейха против Советского Союза.

Ключевые слова: антисемитизм, Холокост, Третий рейх, стигматизация, желтая звезда.

Стигматизация европейских евреев, лишение их социальных связей и поддержки в обществе были необходимыми условиями Холокоста. Отношение многих немцев к евреям как к чужим или врагам облегчало проведение против них любых дискриминационных мер и, в конечном счете, их истребление. На оккупированной территории Советского Союза немцы – служащие карательных формирований, военные, чиновники гражданской администрации – заведомо воспринимали евреев как чуждый, враждебный элемент. Помимо языковых различий в Польше такое восприятие основывалось на непривычном для немцев внешнем виде и образе жизни, а все советские евреи априори считались большевиками и партизанами. Напротив, в Германии, где к середине 1941 г. еще проживали около 250 тысяч евреев, процесс ассимиляции привел к тому, что они не отличались от немцев по языку, культуре, одежде, религии и образу жизни. Депортациям немецких евреев на Восток с целью их уничтожения, начавшимся в октябре 1941 г. при молчаливом одобрении или равнодушии остального населения, предшествовали меры нацистского руководства по изоляции их от общества. Визуальную маркировку немецких евреев как чужаков обеспечивала нашитая на одежду желтая звезда, которая в источниках часто именуется еврейской звездой, или звездой Давида.

За 12 лет нацистского господства в Германии было издано около 2000 антиеврейских законов и распоряжений [8, с. 224]. Многие из них существенно сокращали возможности выживания или были крайне унижительными, но именно ношение желтой звезды многие евреи считали сильнейшим ударом, оказавшим парализующее и деморализующее действие, сломившим волю к сопротивлению и завершившим процесс помещения евреев в невидимое гет-

то. Жительница Берлина Инга Дойчкрон вспоминала: «Звезда сама по себе означала изоляцию. У меня было такое чувство, будто я хожу с маской на лице» [2, с. 86]. По мнению Виктора Клемперера, пережившего нацистское господство и Холокост в Дрездене, с введением звезды «завершилась полная геттоизация. Каждый еврей с нашитой звездой носил гетто с собой, как улитка – свой домик» [3, с. 216–217].

Еще в Германской империи антисемиты требовали введения для евреев знаков на одежде по образу и подобию средневековых городских норм. Национал-социалисты вспомнили об этом в середине 1930-х гг.: одни предлагали ввести опознавательные знаки на одежде, а другие – даже специальную одежду наподобие униформы [5, с. 282].

Гитлер, которого исследователи считают главным творцом антисемитской политики Третьего рейха, до некоторого времени откладывал решение по этому вопросу. Выступая крайслейтерами нацистской партии апреля 1937 г., он заявил: «Эта проблема обозначения постоянно обдумывается уже два–три года, и, конечно, однажды так или иначе оно будет введено» [10, с. 147]. И действительно, германские власти шаг за шагом принимали меры по визуализации немецких евреев. В 1938 г. были помечены специальными знаками предприятия, принадлежащие евреям, в паспорта были внесены дополнительные имена Израиль и Сара, а в заграничные паспорта ставился специальный красный штамп в виде буквы «J». С декабря 1939 г. в докторских диссертациях цитаты из произведений, написанных евреями, следовало выделять цветом. Наконец, в январе 1940 г. на продовольственных карточках евреев появилась штемпель в виде буквы «J». Как вспоминал Виктор Клемперер, «на продуктовых карточках вначале печатали одну букву “J”, потом появилось слово “Jude”, напечатанное наискосок через всю карточку, а под конец печатали слово “Jude” уже на каждом крошечном талоне, то есть на иных карточках до шестидесяти раз» [3, с. 103].

В это же время было введено ношение опознавательных знаков евреями, работающими на промышленных предприятиях Берлина и Кельна. Когда 22 июля 1940 г. Ханни Леви была направлена на принудительные работы на прядильную фабрику в берлинском районе Целендорф, оказалось, что работающие там евреи обязаны носить желтые нарукавные повязки [11, с. 40]. При трудоустройстве Инги Дойчкрон на берлинское предприятие «ИГ Фарбен» в апреле 1941 г. служащий фирмы «заодно выдал по звезде, которую следовало пришить к рабочему халату. “И горе вам, если вы об этом забудете”... На государственном уровне такого приказа еще не было, но “ИГ Фарбен” поторопилась ввести этот закон» [2, с. 74]. Ни Леви, ни Дойчкрон не знали, что польские евреи на территории генерал-губернаторства были обязаны носить специальные знаки еще с конца октября 1939 г., а практика визуального обозначения узников концлагерей появилась даже раньше [4, с. 182].

Очередная попытка радикальных антисемитов в нацистском руководстве добиться визуализации евреев была предпринята сразу после «имперской хрустальной ночи» – общегерманского еврейского погрома в ночь с 9 на 10 ноября 1938 г. Через два дня Герман Геринг провел в министерстве воздушного транспорта совещание, на котором обсуждались способы заставить евреев эмигрировать из Германии. На этом совещании начальник полиции безопасности (СД) Рейнхард Гейдрих предложил обязать всех евреев «носить определенный знак». Геринг поддержал его, однако представители различных министерств и ведомств отреагировали отрицательно. Доклад Геринга Гитлеру тоже не принес результата – глава нацистской Германии заявил ему, что отметки в удостоверениях личности являются достаточным обозначением. В письме в министерство внутренних дел 6 декабря 1938 г. Геринг с указанием на «решение фюрера» сообщил, что все предложения по введению знаков для евреев будут отклонены. Тем не менее, в 1939 г. главное управление имперской безопасности (РСХА) предприняло новую безуспешную попытку переубедить Гитлера. Согласно записи адъютанта Гитлера от сухопутных войск капитана Герхарда Энгеля, 8 октября 1939 г. Гитлер решил, что «знаки и тому подобное» не заставят евреев покинуть Германию, «но надо поразмыслить вместе с Гиммлером и Гейдрихом, в какой мере таким способом, после того как мы обладаем польской территорией, можно переместить большую часть еврейского населения туда или в протекторат (Богемия и Моравия. – А. Е.)» [7, с. 65].

Однако депортация евреев была отложена на неопределенный срок, и вопрос об их обозначении вскоре возник вновь. Теперь инициативу прочно захватил министр пропаганды и гауляйтер Берлина Йозеф Геббельс. В записи партийной канцелярии за 21 апреля 1941 г. говорится: «Так как эвакуация евреев из Берлина пока, к сожалению, не может проходить в желательном темпе, то д-р Геббельс дал указание представить ему предложения по знаку для

евреев. Его следует носить или на лацкане куртки и пальто, или в виде нарукавной повязки. Опасения, что иностранная пресса может критиковать нас за это, он отмел с тем обоснованием, что польки в Берлине носят букву "P", а еврейские дорожные рабочие – желтые нарукавные повязки. Он считает это мероприятие необходимым, потому что евреи со временем обнаглели. Они не соблюдают никаких запретов и иногда даже пытаются провоцировать негативные настроения. По этой причине для них нужно ввести знак, а если они не будут носить эти знаки, отправлять в концлагерь» [4, с. 182].

В августе 1941 г. Геббельс занялся разработкой аргументов и для Гитлера, и для немецкого населения в пользу введения знака. 12 августа 1941 г. он записал в дневнике: «Считаю необходимым снабдить евреев каким-то знаком. В очередях, на транспорте и других общественных местах они ведут себя как нытики и портят настроение. Поэтому безусловно необходимо, чтобы как только они заговорят, в них узнавали евреев. Нельзя допускать, чтобы они говорили от имени немецкого народа. У них нет ничего общего с немецким народом, их нужно отделить от немецкого народа» [9, с. 1650]. Участники совещания в министерстве пропаганды 15 августа – представители СД, министерства внутренних дел и управления Четырехлетнего плана – согласились с тем, что берлинские евреи образуют «главный орган враждебной агитации», но «до сих пор за это дело вообще не брались решительным образом». Они высказались за сокращение продуктовых рационов евреев, интенсификацию использования еврейской рабочей силы и введение опознавательных знаков. Неработоспособных евреев, говорилось на совещании, надо как можно скорее «отвезти в Россию». Все это якобы позволит избежать ухудшения настроения солдат на фронте. Попытка представителя Геринга утвердить приоритет рейхсмаршала в этом вопросе и ограничить роль Геббельса одной только пропагандой провалилась [4, с. 184].

18 августа 1941 г. Гитлер, наконец, дал свое согласие на визуализацию немецких евреев, и министр пропаганды приступил к практической подготовке акции. Дневниковая запись от 20 августа ярко показывает его мотивы и цели: «Так как фюрер позволил мне ввести для евреев знак, то я полагаю, что благодаря этому обозначению удастся очень быстро справиться с евреями, не подводя законодательной основы под эти реформы... Этот знак для евреев должен состоять из большой желтой звезды Давида, на которой написано слово "Еврей". Если этот знак будет носить каждый еврей, то вскоре они перестанут появляться в центре наших городов. Они будут вытеснены из общества... Кроме того, фюрер пообещал мне, что я смогу выдворить евреев из Берлина на Восток сразу после завершения Восточного похода. Берлин должен стать городом, очищенным от евреев... Они портят не только картину города, но и настроение. Хотя это изменится, когда они начнут носить знак, но считать это дело решенным можно только тогда, когда их устроят» [9, с. 1660–1661].

Решение канцлера было разослано по инстанциям 26 августа 1941 г., а через три дня в министерстве внутренних дел было проведено совещание, участники которого договорились не издавать закон, а оформить введение знака для евреев полицейским распоряжением, избежав тем самым длительных согласований с неповоротливым бюрократическим аппаратом. В результате единственным юридическим обоснованием визуализации немецких евреев стало согласие Гитлера, а чиновники министерств внутренних и иностранных дел, не одобрявшие введение визуальных обозначений для евреев, были отстранены от принятия решений [13, с. 266–269]. 1 сентября 1941 г. Гейдрих подписал полицейское распоряжение, в соответствии с которым евреям запрещалось появляться на улице без желтой звезды величиной с ладонь. Шестиконечную звезду с черным кантом и надписью «Еврей» в центре было предписано носить на левой стороне груди «прочно пришитой». От ношения звезды освобождались дети младше шести лет, лица, имевшие детей от смешанных браков, не признанных евреями, а также еврейские женщины, состоящие в браке с «арийцами». Этот же документ запрещал евреям покидать местожительства без письменного разрешения полиции и носить ордена и почетные знаки. Распоряжение вступало в силу с 19 сентября на территории Германского рейха и протектората Богемия и Моравия [15, с. 547]. Ханни Леви вспоминает, что находиться со звездой на одежде полагалось даже дома [11, с. 63], но, вероятно, в этом случае речь идет о произволе местного гестапо.

Оповещение евреев и выдача звезд была поручена органам, представлявшим немецких евреев. 8 сентября 1941 г. в РСХА были вызваны глава «Имперского объединения немецких евреев» доктор Пауль Эпштайн и глава израильской культурной общины Вены доктор Йозеф Лёвенгерц. Офицеры гестапо заявили им, что выдача знаков состоится 16 сентября в Бер-

лине и 17 сентября в Вене. Сначала будет выдано по одному знаку на человека, а к 15 октября поступят новые знаки, в среднем по 4 штуки на человека. Они будут продаваться по себестоимости – 3 пфеннига за штуку, и еще 10 пфеннигов надо будет заплатить за административные расходы. Знаки будут иметь тканевый край, который при пришивании следует подгибать внутрь. Гестаповцы предупредили, что исключений не будет ни для кого и поэтому подавать прошения не имеет смысла [10, с. 150].

Звезды в количестве 1 млн штук были изготовлены на одной из берлинских фабрик за сумму 30 тысяч марок. При получении звезды евреи давали расписку: «Подтверждаю получение одной еврейской звезды. Меня ознакомили с положениями закона о ношении еврейской звезды, запрете на ношения орденов и почетных знаков и других значков. Кроме того, мне известно, что я не могу покинуть своего местожительства, не имея при себе письменного разрешения местных полицейских властей. Обязуюсь обращаться со знаком бережно и нашить его на одежду, подгибая края. Копия этой расписки находится у меня» [10, с. 150].

В октябре 1941 г. по инициативе Геббельса и при поддержке Гейдриха ношение звезды на одежде было дополнено обозначением административных учреждений, детских домов, домов престарелых и жилья. «На входной двери висели две бумажки с нашей фамилией: над моей – еврейская звезда, под фамилией жены – слово “арийка”, – вспоминал Виктор Клемперер [3, с. 103].

В источниках личного происхождения отмечены случаи, когда на местах выполнение распоряжения о ношении звезды саботировалось по прагматическим соображениям. Например, венская еврейка Эдит Хан, направленная на принудительные работы в Восточную Пруссию, вспоминает, что хозяева поместья Остербург были заинтересованы в высокой работоспособности подневольных батрачек, а для этого требовалась покупка дополнительных продуктов в местном магазине. «Полицейские сказали, что мы должны запросить желтые звезды из Вены, а получив, никогда их не снимать. Однако со звездой нам бы никогда ничего не продали. Поэтому мы их не носили. Надсмотрщикам на ферме было на это плевать. Я думаю, в какой-то момент они решили, что самое важное – чтобы мы хорошо работали, а не чтобы полицейские были довольны». В результате девушки нашили звезды не 19 сентября, а только 12 октября 1941 г. для поездки по железной дороге [1, с. 95]. Отметим, что попытки уклониться от выполнения распоряжений, касающихся евреев, не были редким явлением в истории Холокоста. Так, учреждения вермахта в оккупированной Польше всячески затягивали выдачу в руки карателей евреев, занятых в военных ремонтных мастерских.

Введение желтой звезды сопровождалось мощной и продолжительной пропагандистской кампанией, старт которой был дан на совещании в министерстве Геббельса 21 августа 1941 г. Министр призвал ввести антисемитскую пропаганду «крайне тактично и ловко» и предложил расклеить в общественном транспорте плакаты с надписью «Евреи – наше несчастье, они виновны в том-то и том-то, всегда думайте об этом!» [4, с. 186]. Главная роль в этой кампании отводилась опубликованной в США брошюре Теодора Кауфмана, который требовал стерилизации всех немцев. Брошюра обсуждалась в немецкой прессе еще в июле, а теперь Геббельс приказал напечатать памфлет, в котором сочинение Кауфмана подробно разбиралось и цитировалось. Послесловие, опубликованное без указания на автора, написал сам Геббельс. Брошюра была издана большим тиражом и широко разрекламирована. Кауфман, не имевший никакого отношения к американским правительственным кругам, был назван советником Рузвельта, а его памфлет искусственно связан с Атлантической хартией. Несмотря на то, что брошюра Кауфмана была написана в начале 1941 г., а Атлантическая хартия подписана в августе, немецким читателям его представили как «духовного вдохновителя встречи Рузвельта и Черчилля» в бухте Арджентия [12, с. 483–484].

12 сентября 1941 г. по приказу Геббельса были распространены краткие комментарии для прессы о предстоящем обозначении евреев. На следующий день газета «Фёлькишер беобахтер» напечатала инспирированный Геббельсом комментарий, который устанавливал связь между обозначением евреев и войной против Советского Союза: «Немецкий солдат во время похода на Восток воочию убедился в том, насколько жестоки и неприятны евреи... Этот опыт позволяет немецкому солдату да и всему народу требовать лишения евреев на родине возможности маскироваться и тем самым уничтожения условий, которые позволяют немецким соотечественникам соприкоснуться с евреями». Аналогичные комментарии давались и в других партийных изданиях. Наконец, по указанию министерства пропаганды была подготовлена специальная листовка, которая вместе с продуктовыми карточками раздавалась всем немецким семьям. Лейтмотивом пропагандистской кампании было утверждение о том, что немецкие

евреи являются участниками всемирного заговора с целью уничтожения немецкого народа. Когда евреи в Германии станут видимыми, они получат клеймо внутреннего врага. Первоочередной долг немцев – соблюдение в повседневной жизни четкой дистанции по отношению к евреям [12, с. 484]. Нацистская пропаганда актуализировала и старые антисемитские клише, уходящие корнями в Средневековье. Например, в передовице газеты «Майнфренкише цайтунг» (Вюрцбург) за 9 октября 1941 г. было написано: «Теперь их можно узнать по еврейской звезде. Покончено с укрывательством под лицемерной маской обывателя. Наряду с врожденными, передающимися столетиями признаками – кривым носом (“ключ от синагоги”), плоскостопием, походкой вразвалку, оттопыренными ушами и беспокойным взглядом – с некоторого времени оставшиеся в Вюрцбурге евреи носят желтую звезду с надписью “Еврей”» [10, с. 150].

Нацистская пропаганда предостерегала немцев от поддержания контактов с «владельцами звезды». Нарушители этого неофициального табу рисковали получить прозвище «друга евреев», подвергнуться наказанию как «предатель народа» или оказаться в изоляции. Участница Союза немецких девушек из Штутгарта Рут Райбнагель рассказала, как однажды помогла пожилой еврейской супружеской паре перенести через улицу вещи и сесть в трамвай: «Оба были одеты в темное. Они с трудом вытаскивали из трамвая большой, тяжелый мешок. Еврейские звезды горели на их темной одежде. Я видела, как мучаются оба старика, и побежала к ним, чтобы помочь перенести тяжелый багаж... Они поблагодарили меня... По чертам лица женщины и выражению благодарности я поняла, что это были хорошие и образованные люди». Ставшие свидетельницами этого поступка девушки осудили ее: «Да ты рехнулась!», «Не думала, что ты настолько наивна», «На тебя надо донести. Помогать евреям, да еще и в униформе. Вы видели что-либо подобное?». На Рут никто не донес, но ее сострадание стоило ей дружбы и уважения подруг [14].

В гитлеровской Германии не было отмечено случаев протеста против введения желтой звезды, как это имело место в некоторых оккупированных странах Западной Европы. Немцы в зависимости от своих убеждений и гражданского мужества реагировали по-разному. В докладах полиции безопасности о настроениях населения отмечалось, что «арийцы» в целом не отвергли визуализацию евреев, а значительная их часть приветствовала эту меру правительства и восприняла ее с удовлетворением как долгожданный шаг. Многие немцы были удивлены тем, что в Германии осталось еще много евреев или что некоторые их знакомые оказались евреями [6, с. 2849]. Согласно другим источникам, в том числе ретроспективным высказываниям самих гитлеровцев, несогласные находили способы выразить свое мнение. Так, радиожурналист и руководитель отдела в министерстве пропаганды Ганс Фриче, привлеченный к суду Международного военного трибунала, показал: «Когда евреев обязали носить знак звезды, когда им, например, в Берлине было запрещено пользоваться сидячими местами в трамваях, тогда немецкая публика демонстративно приняла сторону евреев, и постоянно случалось, что евреям нарочито предлагали место. Я слышал несколько высказываний д-ра Геббельса об этом. Он был крайне озлоблен таким нежелательным эффектом обозначения евреев» [16, с. 180–181].

Дружественную позицию по отношению к евреям заняли католическая и протестантская церкви Германии. Священнослужители не могли высказываться по политическим вопросам, но имели возможность обращаться к членам своих общин. Широкое хождение в Германии получило послание городского викария евангелической церкви города Бреслау, оформленное в виде листовки в ноябре 1941 г. Викарий убеждал, что христианским долгом является «не исключать евреев из богослужений из-за их обозначения. У них такое же право на обретение родины в церкви, как и у остальных членов общины, а утешение божьим словом им нужно больше, чем всем остальным». В листовке церковным служащим предлагалось лично встречать евреев и показывать им места, на которые можно сесть. «Вероятно, надо предусматривать специальные места на каждом богослужении» и охранять евреев, если «нехристианские элементы» будут выгонять их из церкви. Рядом с этими местами надо сажать «верных членов общины» – людей из церковного совета, женской организации, пасторского дома. Рекомендовалось приглашать в церковь «арийцев» после того, как в нее зайдут «обозначенные христиане». Глава протестантской церкви в Штутгарте рассуждал подобным же образом. Сочувствие евреям выражали и представители католической церкви на местах, а глава Фульдской конференции епископов кардинал Адольф Бертрам призвал избегать любых действий, «которые могут рассматриваться католиками-евреями как оскорбительные, например, введения отдельных скамеек для евреев, разделение при раздаче святых даров, введение отдельных богослужений». Венский кардинал Теодор Инницер считал, что объединение католиков-евреев в обособленные «иудеохристианские общины» с собственными церквями и

церковными службами исключено, «потому что эта мера может быть воспринята как уступка национал-социалистическому расовому учению». Если отдельные верующие потребуют удаления евреев из церквей, то это надо «решительно отвергать и учить просителей, что церковь в своих богослужебных действиях не может проводить расовых различий». Кардинал призвал верующих «молиться за единоверцев-евреев, вынужденных покинуть Вену» [13, с. 363–365].

Разумеется, кроме проявлений симпатии и сочувствия евреи встречались с открытой враждебностью и ненавистью. В воспоминаниях выживших отмечены многочисленные случаи унижений, оскорблений, грубого обращения, избиений. Некоторые немцы не скрывали своей радости по поводу того, что этот «еврейский сброд», наконец, стало видно. А кто-то выражал свое недовольство тем, что не обозначены евреи, живущие в «привилегированных смешанных браках». Партийные функционеры на местах, соседи указывали на евреев, которые прикрывали звезду, носили ее с нарушением предписаний или вовсе не носили. Они же сообщали о тех лицах, которые, по их предположению, должны были носить звезду. Глава правительства Верхней и Средней Франконии рапортовал 7 октября 1941 г., что «участились анонимные и авторизованные сигналы немецкого населения о предполагаемых евреях или о таких, которые в соответствии с распоряжением освобождены от обязательного обозначения» [10, с. 151].

Таким образом, ношение евреями опознавательного знака было задумано ближайшим окружением Гитлера как мера окончательной изоляции немецких евреев от общества, формирующая враждебное отношение к ним немцев, облегчающая контроль над ними и ухудшающая условия их существования. Решающую роль в принятии решения о введении желтой звезды сыграли не представители традиционной министерской бюрократии, а радикальные нацисты Геринг, Гейдрих и Геббельс, причем последний рассматривал обозначение евреев как паллиатив в условиях невозможности их немедленной депортации в гетто и места уничтожения на Востоке. Визуализация немецких евреев стала возможной в результате проведения, начиная с 1933 г., целого комплекса антисемитских мер: исключения из общественных организаций, вытеснения из профессиональной жизни, лишения гражданства, «ариизации» собственности. Введение опознавательного знака воспринималось многими евреями как рубеж, подведение черты под нормальной жизнью и переход к существованию в невидимом гетто. Реакция немцев свидетельствовала об активной или пассивной поддержке многими из них антисемитских мер нацистской верхушки, о готовности стать если не исполнителями, то равнодушными наблюдателями Холокоста.

Список литературы

1. Беер Э. Х. Жена немецкого офицера. М. : Издательство АСТ, 2016. 304 с.
2. Дойчкрон И. Я носила желтую звезду: Воспоминания. М. : Текст, 2001. 207 с.
3. Клемперер В. ЛТИ. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. М. : Прогресс-Традиция, 1998. 384 с.
4. Barth Chr. T. Goebbels und die Juden. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2003. 315 S.
5. Benz W. Die Juden im Dritten Reich // Deutschland 1933–1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft. 2. Aufl. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 1993. S. 273–290.
6. Boberach H. Meldungen aus dem Reich. Auswahl aus den geheimen Lageberichten des Sicherheitsdienstes der SS 1939–1944. Herrsching: Pawlak, 1984. Bd. 8. 290 S.
7. Heeresadjutant bei Hitler 1938–1943. Aufzeichnungen des Majors Engel. Hrsg. von Hildegard von Kotze. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1974. 157 S.
8. Herzig A. Jüdische Geschichte in Deutschland. Von der Anfängen bis zur Gegenwart. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 2007. 327 S.
9. Joseph Goebbels Tagebücher 1924–1945. Hrsg. von Ralf Georg Reuth. Bd. 4. München, Zürich: Piper, 1992. 498 S.
10. Kwiet K. «Schrei, was du kannst». Der Weg in den Holocaust (III): Brandmarkung durch den «Judenstern» // Der Spiegel 1988. H. 39. S. 142–155.
11. Lévy H. Nichts wie raus und durch! Lebens- und Überlebensgeschichte einer jüdischen Berliner. Berlin: Metropol Verlag, 2019. 192 S.
12. Longerich P. Joseph Goebbels. Biographie. München: Siedler, 2010. 910 S.
13. Mayer M. Staaten als Täter: Ministerialbürokratie und «Judenpolitik» in NS-Deutschland und Vichy-Frankreich. Ein Vergleich. München: Oldenbourg, 2010. 479 S.
14. Reibnagel R. Frühe Bilder und Erinnerungen. Eine Stuttgarterin Jahrgang 1926 beschreibt ihre Kindheit und Jugend // URL: http://www.swr.de/swr2/zeitenwende/zeugnisse/index_d.html (дата обращения: 22.04.2006).
15. Reichsgesetzblatt 1935–1941. Teil I.
16. Trial Of The Major War Criminals Before The International Military Tribunal. Nuremberg, 1948. Vol. XVII. 661 p.

Yellow Star: The Nazi elite, the Germans and the stigmatization of Jews in September 1941

A. M. Ermakov

Doctor of Historical Sciences, associate professor, decan of the faculty of History,
Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky.
Russia, Yaroslavl. E-mail: a.ermakov@yspu.org

Abstract. The article, based on official documents and sources of personal origin, identifies the reasons for the introduction of a special identification mark for German Jews, shows the role of individual Nazi hierarchs in deciding to wear a yellow star, characterizes the main propaganda clichés that accompanied the stigmatization of German Jews, shows the reaction of the "Aryan" population to the visualization of Jews. It has been established that the introduction of the yellow star was a continuation of a series of measures by the Nazi leadership aimed at stigmatizing Jews, inciting hatred towards them by the Germans and thereby facilitating their deportation to the East for the purpose of physical extermination. It is shown that one of the ways to isolate Jews from German society was their visualization, the apogee of which was the wearing of an identification mark on clothes. It is stated that the incentive to discuss the introduction of the sign for Jews was the all-German Jewish pogrom of November 1938, accompanied by the "Aryanization" of property, and a positive decision was made by Hitler in the conditions of a racial and ideological war against the Soviet Union. The initiators of the introduction of the yellow star were radical anti-Semites Heydrich, Goering and Goebbels. They successfully overcame the weak resistance of the ministerial bureaucracy and persuaded Hitler to their side. For Goebbels, visualizing German Jews was a palliative measure caused by the impossibility of their immediate deportation outside Germany. The results obtained can be applied in the study of anti-Semitic ideology, policies and propaganda of Hitler's Germany, Nazi crimes, the mood of the Germans in the first months of the aggression of the Third Reich against the Soviet Union.

Keywords: anti-Semitism, the Holocaust, the Third Reich, stigmatization, the yellow star.

References

1. Beer E. H. *Zhena nemeckogo oficera* [The wife of a German officer]. M. AST. 2016. 304 p.
2. *Deutschkron I. Ya nosila zheltuyu zvezdu: Vospominaniya* [I wore a yellow star: Memoirs]. M. Text. 2001. 207 p.
3. *Klemperer V. LTI. Yazyk Tret'ego rejha. Zapisnaya knizhka filologa* [LTI. The language of the Third Reich. Notebook of a philologist]. M. Progress-Tradition. 1998. 384 p.
4. *Barth Chr. T. Goebbels und die Juden*. Paderborn : Ferdinand Schöningh, 2003. 315 p.
5. *Benz W. Die Juden im Dritten Reich // Deutschland 1933–1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft*. 2. Aufl. Bonn : Bundeszentrale für politische Bildung, 1993. Pp. 273–290.
6. *Boberach H. Meldungen aus dem Reich. Auswahl aus den geheimen Lageberichten des Sicherheitsdienstes der SS 1939–1944*. Herrsching : Pawlak, 1984. Bd. 8. 290 p.
7. *Heeresadjutant bei Hitler 1938–1943. Aufzeichnungen des Majors Engel*. Hrsg. von Hildegard von Kotze. Stuttgart : Deutsche Verlags-Anstalt, 1974. 157 p.
8. *Herzig A. Jüdische Geschichte in Deutschland. Von den Anfängen bis zur Gegenwart*. Bonn : Bundeszentrale für politische Bildung, 2007. 327 p.
9. *Joseph Goebbels Tagebücher 1924–1945*. Hrsg. von Ralf Georg Reuth. Bd. 4. München, Zürich : Piper, 1992. 498 p.
10. *Kwiet K. "Schrei, was du kannst". Der Weg in den Holocaust (III): Brandmarkung durch den "Judenstern"* // *Der Spiegel*. 1988. H. 39. Pp. 142–155.
11. *Lévy H. Nichts wie raus und durch! Lebens- und Überlebensgeschichte einer jüdischen Berliner*. Berlin : Metropol Verlag, 2019. 192 p.
12. *Longerich P. Joseph Goebbels. Biographie*. München : Siedler, 2010. 910 p.
13. *Mayer M. Staaten als Täter: Ministerialbürokratie und "Judenpolitik" in NS-Deutschland und Vichy-Frankreich. Ein Vergleich*. München : Oldenbourg, 2010. 479 p.
14. *Reibnagel R. Frühe Bilder und Erinnerungen. Eine Stuttgarterin Jahrgang 1926 beschreibt ihre Kindheit und Jugend*. Available at: http://www.swr.de/swr2/zeitenwende/zeugnisse/index_d.html (date accessed: 22.04.2006).
15. *Reichsgesetzblatt 1935–1941. Teil I*.
16. *Trial Of The Major War Criminals Before The International Military Tribunal. Nuremberg, 1948. Vol. XVII. 661 p.*

УДК 950(540+510)

DOI: 10.25730/VSU.2070.21.037

Современный конфликтный потенциал китайско-индийских отношений: образ Индии в китайских СМИ

А. Б. Ринчинов

аспирант Института мировой экономики и международных отношений,
Байкальский государственный университет.
Россия, г. Иркутск. E-mail: abri3103@gmail.com

Аннотация. Китай и Индия являются двумя наиболее густонаселенными государствами на Земле, имеющими общую, достаточно протяженную границу. В XX веке эта граница становилась предметом кровопролитных споров, связанных, не в последнюю очередь, с последствиями колониальной политики. После окончания начала периода «реформ и открытости» в Китае отношения между странами стали стремительно улучшаться. Был урегулирован вопрос о суверенитете Сиккима – решение вопроса о демаркации границы казалось делом времени. Однако начиная с 2013 г., Китай резко поменял свою политику в отношении территориальных претензий. Столкновения на границе возобновились и привели к всплеску индийского национализма.

В настоящей статье автор стремится проанализировать тональность и тенденции, характерные для китайских СМИ при освещении новостей, касающихся Индии периода начала нового акта противостояния, и то, как они формируют образ страны и ее жителей для китайских потребителей. Делается также краткий исторический обзор того, как развивались приграничные отношения двух молодых (КНР с 1949 г., Индия с 1946 г.) национальных государств. Проанализированы и впервые представлены на русском языке полученные результаты китайских и англоязычных исследователей СМИ относительно трансформации образа Индии в период приграничных столкновений.

Делается вывод о том, что, несмотря на потепление межгосударственных отношений в период, охватывающий рамки последней декады XX века и первой декады XXI века, окончательного урегулирования вопроса о государственной границе не состоялось. На данный момент времени «активированный» КНР приграничный конфликт уже стал причиной изменения внутренней политики Индии. На данном этапе оба государства увеличивают свои военные расходы, в том числе руководствуясь подогреваемой СМИ риторикой о необходимости поддержания паритета в спорных районах.

Ключевые слова: Китай, Индия, репрезентация, международные отношения, средства массовой информации, нацистроительство.

Взаимоотношения между Индией и КНР, как двумя наиболее густонаселенными странами-соседями в мире, всегда были актуальной темой для исследования. В XX веке, когда антагонизм между странами достиг своего апогея из-за споров вокруг так называемой «линии Мак-Магона» (то есть, по сути, действий британской колониальной администрации), тогда, в 1960–1962 гг., кровопролитный приграничный конфликт непосредственно Индии и КНР разрешился без изменения территориальных границ де-факто. КНР, в свою очередь, смогла найти союзника в лице политического противника Индии – Пакистана. Часть оспариваемого штата Джаму и Кашмир, регион Аксайчин, был передан властями Пакистана КНР в 1963 г. в рамках приграничного урегулирования [5]. По своей сути этот договор означал безоговорочное признание КНР суверенитета Пакистана над штатом Джаму и Кашмир, являющегося одной из первоочередных тем пакистанско-индийского противостояния. Соглашение не было признано Индией. С тех пор территориальные претензии двух государств, КНР и Индии, являются взаимными (ранее лишь КНР претендовала на территории Индии). При этом вплоть до начала периода политики «реформ и открытости» КНР находилась в позиции противостояния Индии, совершив, в частности, попытку захвата индийского протектората Сикким в 1967 г.

Последнее противостояние эпохи «холодной войны» произошло в 1987 г., когда в рамках кампании протеста предоставления территориям Аруначал-Прадеш статуса штата китайские войска пересекли «линию Мак-Магона» и были обнаружены индийской армией в долине Сумдоронг-Чу [15, с. 134]. Тогда министру иностранных дел Индии Нарайяну Тивари удалось в ходе своего визита в КНР добиться отвода китайских войск и «консервации» ситуации. Основные переговоры было решено перенести на следующий год [14].

В 1988 г. Китай впервые посетил индийский премьер-министр Раджив Ганди. Тогда было установлено прямое авиасообщение между странами (спустя 20 лет после аналогичного соглашения с Пакистаном), а также создана комиссия по урегулированию вопроса государственных границ. В 1991 г. с ответным визитом в Индию прибыл премьер госсовета КНР Ли Пэн. Взаимно на территории стран открывались консульства. В 1993 и 1996 гг. были заключены новые договоренности о приграничном урегулировании, в целом удовлетворявшие и китайскую, и индийскую стороны и консервировавшие статус-кво [там же]. КНР информационно проигнорировала и открытие «культурного центра» (де-факто посольства) Республики Китай в Дели в 1995 г. В 2003 г. КНР признала индийский суверенитет над Сиккимом, который до 1975 г. был индийским протекторатом, а после вошел в ее состав на правах штата по результатам референдума [9]. В 2005 г. стороны заявили об установлении «отношений стратегического партнерства и сотрудничества во имя мира и процветания» [3, с. 136]. В 2006 г. страны, вместе с Россией и Бразилией, стали участницами неформального клуба развивающихся стран (БРИК). Однако, несмотря на потепление отношений, вопрос о демаркации государственных границ так и не был решен.

Тематика китайско-индийских отношений и конфликтов достаточно узко изучалась в период «холодной войны» на Западе. В период после китайско-советского раскола КНР заняла позицию автаркии, сделав ставку на взаимодействие со странами «третьего мира», отказавшимися делать выбор между СССР и США. Таким образом, до начала периода «реформ и открытости» к наиболее крупным странам-партнерам КНР можно было отнести лишь Пакистан, Албанию и Мозамбик. В тот же период Индия сделала ставку на взаимодействие с двумя политико-экономическими блоками одновременно. Это обусловило специфику освещения межгосударственных конфликтов: в советской историографии тенденциозно занималась позиция Индии (например, территории штата Джамму и Кашмир до сих пор признаются Россией как полностью индийские, признан суверенитет Индии над Сиккимом и Аруначал-Прадеш). В это же время на Западе освещение китайско-индийских конфликтов, как правило, сводилось к сухому перечислению потерь и территориальных изменений. В контексте Индии конфликт всегда находился в тени конфликта с Пакистаном. В контексте КНР – кризисов в Тайваньском проливе. Противостояние в долине Сумдоронг-Чу, по сути, стало последним освещаемым внешним конфликтом КНР в период общемировой разрядки.

Однако с началом нового тысячелетия КНР постепенно начала «расконсервировать» свои территориальные споры, большинство из которых уходят корнями еще в имперский период Китая. Зона китайско-индийской границы практически полностью приходится на Тибетский автономный район КНР, а территориальные споры в основном проистекают из-за проблематики определения статуса Тибета в XIX–XX вв. В отношениях с Индией наметилось очередное похолодание, рост которого начался достаточно резко и неожиданно, и продолжается до сих пор. Китайско-индийские отношения резко вышли на первый план среди исследователей-политологов. Полярные взгляды относительно перспектив межгосударственного сотрудничества в новом веке высказываются в научном сообществе Соединенных Штатов, Европейского союза и самой Индии. Среди скептиков: директор института исследования Индии Пенсильванского университета Франсин Франкель, директор центра изучения Южной Азии Стэнфордского университета Рафик Доссани и профессор Центра политических исследований (Нью-Дели) Брахма Челлани. Позитивно на перспективы сотрудничества в условиях многополярного мира смотрят китайские и российские специалисты: директор института изучения Южной Азии Китайского университета международных отношений Ху Шишен, руководитель Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Сергей Владимирович Уянаев. В условиях многополярного мира и формирования БРИК базовые точки зрения отечественной и западной науки претерпели изменения. В условиях возвышения экономического влияния Китая, способного посягнуть на статус-кво мировой экономической модели, любым конфликтам на китайско-индийской границе уделяется приоритетное внимание, а события рассматриваются с индийской точки зрения, в то время как в России конфликты остаются практически не освещены и приоритет отдается взаимодействию государств в рамках новых международных объединений, подобных БРИК.

Данная статья, среди прочего, призвана осветить некоторые ранее не рассматриваемые в отечественной историографии аспекты китайско-индийских отношений с точки зрения образцов, которыми манипулируют китайские СМИ в контексте страны-соседа и партнера по крупным международным организациям. Гипотеза автора состоит в том, что в период потеп-

ления китайско-индийских отношений (1988–2013 гг.) странам не удалось выстроить массовую систему горизонтального культурного обмена. Страны остались во многом неизвестными друг другу, что в случае КНР привело к резкому изменению общественного мнения относительно населения Индии в течение года после начала информационной кампании китайских СМИ, направленной на построение образа вероятного противника.

Обострение отношений между государствами всякий раз становится причиной для растущего уровня предубеждений и предрассудков среди населения государств в отношении своих потенциальных соперников. Например, опрос 2008 г. продемонстрировал, что 25 % китайских граждан считают Индию партнером, в то время как лишь 24 % – противником [17]. Согласно исследованию, проведенному Китайским институтом коммуникаций [16], в случае Индии публикации СМИ КНР, как правило, можно условно разделить на три основные группы:

1. Дипломатическая пресса, предназначенная для нужд МИД и сопряженных структур. Распространяется, в том числе, и на территории самой Индии. Отличается духом межгосударственного сотрудничества и описывает прогресс, проделанный Индией в сфере международных достижений, признания и партнерства. Подчеркивает цивилизационную важность «Пяти принципов мирного сосуществования» (Неру) для мира.

2. Публикации для экспертного и военного сообщества внутри КНР, где подчеркивается возрастающая, по мере экономического развития, оборонная способность Индии. При всем этом не допускаются скоропалительные выводы, а за Индией, как геополитическим соперником, предлагается пристально наблюдать.

3. Публикации массового сегмента. Предназначенные для массового потребителя материалы, которые по своей тональности могут занимать любую из двух вышеобозначенных полярностей.

Отдельно подчеркивается, что на уровне стереотипов существует разительная разница между восприятием Индии среди городского и сельского населения КНР. Например, среди городского населения тремя ключевыми ассоциациями с индийцами являются – в порядке убывания: изнасилования (sic!), буддизм (буддизм в Индии исповедует менее 1 % населения) и йога. В то время как у сельского населения КНР не существует каких-либо конкретных ассоциаций [там же]. Этот факт напрямую доказывает важность плотности информационных сетей в процессе формирования негативных и позитивных образов в условиях замороженных конфликтов.

До сих пор КНР отстает от Индии по количеству профильных академических центров, изучающих соседа [11, с. 236]. Похожая ситуация обстоит и с освещением Индии в СМИ КНР. Установлено, что крупнейший китайский новостной агрегатор Sina в 2013 г. опубликовал в среднем 50 ссылок на материалы [13], касающиеся Индии, при среднесуточном количестве публикаций в десять тысяч.

2013 г. стал своеобразной поворотной точкой во взаимоотношениях стран. 15 апреля китайские военные были обнаружены индийскими пограничниками в 10 километрах в глубь индийской территории от так называемой «линии фактического контроля» [15, с. 133]. Стоит заметить, что подписанные межгосударственные договоры 1993 и 1996 гг. вводили в оборот этот термин, равно как и требовали от государств неукоснительного соблюдения признанной обеими сторонами линии. КНР заявила, что не видит проблемы в присутствии своих войск, так как, по их мнению, военнослужащие находятся на китайской стороне. Кризис, продолжавшийся 20 дней, окончился унижительно для Индии [12, с. 153]. Несмотря на то, что прямой военной конфронтации удалось избежать, индийскую сторону обязали снести долговременные укрепления в секторе Чумар (на 200 километров южнее точки проникновения китайских войск), демонтировать станции наблюдения на нескольких приграничных участках, ослабить военное присутствие в секторе [10]. При всем этом запланированный заранее визит министра иностранных дел Индии в КНР не был отменен. Правящая коалиция Индийского национального конгресса подверглась жесткой критике со стороны парламентской оппозиции и общества, что не в последнюю очередь обеспечило победу националистической Индийской народной партии на выборах в 2014 г. [15, с. 135].

В ноябре 2013 г. президент Индии Пранаб Мукерджи совершил визит в оспариваемый штат Аруначал-Прадеш. Для китайских чиновников и прессы, которая очень умеренно освещала события мая, это был своеобразный вызов. Информационное агентство «Синьхуа» обвиняло индийскую сторону в прямой провокации, а министр иностранных дел КНР Ван И призвал Индию воздержаться от «шагов, осложняющих приграничное урегулирование», па-

раллельно подтвердив, что претензия КНР на Аруначал-Прадеш остается актуальной. «Оккупация» штата Индией была объявлена «незаконной», а позиция КНР «последовательной и четкой». Резкость этих заявлений сильно контрастировала с реакцией на последний визит индийского чиновника такого уровня, которым был премьер-министр Манмохан Сингх, в штат в 2009 г. Тогда МИД КНР ограничился лишь программным заявлением, что «огорчен» визитом премьера «в спорный регион» [6].

Индийские власти заявляют о 30 попытках китайских военнослужащих пересечь границу за период с мая 2013 по октябрь 2014 г. [4]. Большинство этих попыток произошло в регионе Аксайчин, в секторах Чумар и Демчок.

Группой китайских исследователей был проведен контент-анализ публикаций трех крупнейших СМИ КНР в период, предшествующий посещению Си Цзиньпином этой страны в 2014 г. [11]. Первоначально предполагалось, что предстоящий визит председателя активизирует интерес СМИ КНР к соседнему государству, что позволит сделать выборку более репрезентативной. Однако ситуация с количеством публикаций вплоть до самого момента визита не изменилась. Подавляющее количество публикаций, касавшихся Индии, сводилось к так называемым «странным» новостям, повествующим о врожденных уродствах или о том, как пожилая жительница в одиночку убила леопарда и тому подобное. Единственным исключением были публикации о визитах нового премьер-министра Индии Нарендра Моди в Японию и США, а также освещение визита вьетнамской делегации в Индию. Эти публикации были объединены общим нарративом «объединения противников Китая». Таким образом, авторы пришли к мнению, что публикации СМИ КНР в течение первых восьми месяцев 2014 г. в отношении Индии носили либо нейтральный, либо резко негативный характер. Месяц визита председателя КПК в Индию сменил тренд, китайские корреспонденты освещали подробности визита и рассказывали о перспективах сотрудничества двух государств. Однако уже в следующем месяце (октябрь) публикации вновь стали нейтрально-негативными.

Наиболее негативными из выбранных авторами исследования источников оказалась газета People's Daily. В ней до четверти всех публикаций за обозначенный период времени были посвящены визиту премьер-министра Моди в Японию и анализу этого события с точки зрения геополитического противостояния с КНР. При всем этом тематика приграничных конфликтов освещена не была. КНР продолжала настаивать, что ее военнослужащие находятся на китайской стороне «линии фактического контроля», во всех случаях.

Авторы подытоживают, что до половины всех публикаций, упоминающих Индию, ставшими предметами анализа, имеют негативный контекст. Лишь 23 % публикаций позитивно описывают Индию. Что характерно, абсолютно все позитивные публикации были сделаны в промежутке, соответствующему визиту Си Цзиньпина в страну. Остальные публикации носили нейтральный характер. Наиболее частыми темами негативных публикаций, в отрыве от геополитики, становились: нищета, наводнения, изнасилования, несовершенство индийской демократической системы, беспорядки и народные волнения, увеличение финансирования вооруженных сил. Стоит оговориться, что «несовершенство политической системы» не является эксклюзивной претензией к индийскому соседу. Правительственные СМИ КНР активно противопоставляют эффективность собственной политической системы системам своих геополитических противников, таких как США и Япония.

Согласно опросу ВВС, проведенному в конце 2014 г., уже 27 % китайских граждан относятся к Индии положительно, в то время как 35 % – отрицательно [18].

Влияние китайской политики на Индию, регулярные пересечения границ и инциденты, равно как и мягкая реакция на них коалиции либерального Индийского национального конгресса, отчасти, способствовали победе национал-консервативной Индийской народной партии на выборах в 2014 г. С тех пор и Индия, и КНР еще более пристально следят за «линией фактического контроля» и наращивают военное присутствие в приграничных районах. Индийская народная партия стремится извлечь из конфликта одобрение своих ключевых избирателей. В июне 2017 г. уже Индия пересекла линию на стыке границ штата Сикким, Бутана и КНР с целью заблокировать строительство китайской горной дороги. Граница на данном участке никогда не была демаркирована, а нарушение, по заявлению МИД КНР, составило 100 метров. Тогда Китай сослался не на соглашения, подписанные с Индией в XX веке, а на конвенцию 1890 г., определяющую границы Тибета и Сиккима [19]. Очевидно, что конвенция не ссылалась на точные измерения, а использовала в качестве ориентиров извилистые русла сезонных рек и горные вершины. При этом Бутан также сделал заявление относительно ситу-

ации, вновь подчеркнув, что пока граница на данном участке (то есть в треугольнике Сикким – Тибет – Бутан) не будет полностью демаркирована, ни о каком строительстве китайской инфраструктуры в районе не может идти и речи [2]. В ответ на это заявление МИД КНР поставил под сомнение суверенитет Бутана [8]. Нарушение Индией границы КНР в месте, определяемом двумя высотами, впервые привело к небывалой реакции СМИ КНР, которые очень сдержанно освещали подобные инциденты, когда в центре внимания были китайские войска, нарушавшие линию фактического контроля. Ссылаясь на конвенцию 1890 г., МИД КНР формально вывело этот участок границы из-под любых заключенных позднее соглашений. Апогея антииндийские публикации, в основном привлекавшие внимание к «нарушению территориальной целостности КНР» и осуждавшие «лицемерие мирового сообщества», «готового поверить Индии, но не Китаю» [7], достигли к августу. Тогда официальное правительственное информационное агентство «Синьхуа» опубликовало видео в рамках своей англоязычной рубрики «Спаркз». Ведущая передачи обвинила Индию в «придумывании оправданий своим незаконным действиям» [там же], а ее монолог периодически прерывался представлениями китайских журналистов о том, как на обозначенные претензии мог бы ответить индеец. При этом индеец изображал китайский актер с накладной бородой, в солнцезащитных очках и сикхском головном уборе (сикхи составляют 2 % населения Индии), переигрывая и пародируя индийский акцент английского языка. Такой образ, подготовленный журналистами главного правительственного СМИ, вновь подчеркивает стереотипичность и закостенелость образа индеец в КНР. За пределами КНР выпуск получил резко негативные отзывы и спровоцировал волну антикитайских выступлений в Индии.

Таким образом, можно сделать вывод, что смена дискурса СМИ КНР в отношении Индии после относительно долгого периода потепления в отношениях (пик которого пришелся на 2003–2006 гг.) приходится на 2013–2014 гг. Стоит отдельно заметить, что даже в период «нормализации», продлившейся с 1988 по 2013 гг., страны оставались так называемыми «неизвестными соседями», как говорят об этом китайские социологи [20]. Несмотря на большую протяженность границы и густонаселенность, осведомленность населения вне больших городов относительно культуры и общества Индии среди китайского населения находится на крайне низком уровне. В то же время отмечается, что и в Индии, и в КНР СМИ играют ключевую роль в деле национального строительства во второй половине XX века [1, с. 42–43]. Сближая единым информационным пространством и единым восприятием внешнего мира достаточно далекие этнические, культурные и языковые группы, которые ранее не сталкивались в рамках единого национального государства европейского типа. «Образ врага» становится одной из тем, необходимых для процесса нациестроительства. Власти КНР с этой целью, в частности, раз за разом возобновляют тему ответственности Японии за военные преступления периода мировой войны. Однако в случае с Индией непоследовательность и конъюнктурность СМИ КНР создают из южного соседа образ пребывающей в состоянии анархии и разрухи ядерной державы, колеблющегося члена «антикитайской» оси и «оккупировавшего» китайские земли. Практика последующих лет показала, что этот тренд сохраняется до сих пор. После окончания «холодной войны» страны понесли первые людские потери в приграничных конфликтах между друг другом в 2020 г. Эпицентром противостояния на данный момент продолжает оставаться регион Аксайчин, занимающий 20 % всего штата Джамму и Кашмир. Фактически каждая новая приграничная провокация, вне зависимости от ее источника, ведет к новому раунду негативных публикаций в СМИ, что, в свою очередь, подогревает националистические мотивы «защиты родных рубежей от неприятелей» среди населения двух государств.

Список литературы

1. Ершов Ю. М. Сравнительный анализ индийской и китайской политики в области телевидения // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2010. № 6. С. 42–48.
2. Матвиенко В. В. Индия – Китай: повторение территориального спора через полвека // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 11 (64). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/indiya-kitay-povtorenie-territorialnogo-spora-cherez-polveka> (дата обращения: 30.07.2021).
3. Уянаев С. В. Китай и Индия: достижения и проблемы современного этапа отношений // Китай в мировой и региональной политике. История и современность, 2014. С. 135–153.
4. Bhonsale M. Understanding Sino-Indian border issues: An analysis of incidents reported in the Indian media // ORF Occasional Paper, 2018. № 143. 34 p.
5. China – Pakistan Boundary // International Boundary Study: The Geographer Office of the Geographer Bureau of Intelligence and Research. 1968. № 85.

6. China reiterates claim on Arunachal Pradesh through mouthpiece // The Times of India. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/india/China-reiterates-claim-on-Arunachal-Pradesh-through-mouthpiece/articleshow/26644947.cms> (дата обращения: 30.07.2021).
7. Chinese media racist video on India clash sparks anger // BBC. URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-china-40957719> (дата обращения: 30.07.2021).
8. Foreign Ministry Spokesperson Lu Kang's Regular Press Conference on June 28, 2017 // the People's Republic of China Ministry of Foreign Affairs. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/t1473905.shtml (дата обращения: 30.07.2021).
9. India and China agree over Tibet // BBC. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/south_asia/3015840.stm (дата обращения: 30.07.2021).
10. India Destroyed Bunkers in Chumar to Resolve Ladakh Row // Defence News. URL: <https://web.archive.org/web/20130724185744/http://defencenews.in/defence-news-internal.asp?get=new&id=1554> (дата обращения: 09.11.2021).
11. *Ji D., Hu Z., Muhammad Y.* Neighboring competitor? Indian image in Chinese media // *Global Media and China*. 2016. Vol. 1 (3). Pp. 234–250.
12. *Kewalramani M.* Smokeless War: China's Quest for Geopolitical Dominance. Bloomsbury Publishing, 2020. 338 p.
13. *Li X.* India through Chinese eyes // *World Policy Journal*. 2013. URL: <http://worldpolicy.org/2013/12/10/india-through-chinese-eyes/> (дата обращения: 30.07.2021).
14. *Manoj J.* George in The China Shop // *India Today*. URL: <https://web.archive.org/web/20080602213750/http://www.indiatodaygroup.com/itoday/18051998/cover.html> (дата обращения: 30.07.2021).
15. *Saint-Mézard I.* The Border Incident of Spring 2013: Interpreting China-India Relations // *Herodote*, 2013. Vol. 150 (3). Pp. 132–149.
16. *Shang Q.* China and India: Partners or Competitors? // *South Asian Studies Quarterly*, 2011. № 1. Pp. 1–5.
17. The 2008 Pew Global Attitudes Survey in China // Pew Research Center project. URL: <https://www.pew-research.org/global/wp-content/uploads/sites/2/2008/07/2008-Pew-Global-Attitudes-Report-2-July-22-2pm.pdf> (дата обращения: 30.07.2021).
18. The 2014 BBC World Service Global Poll // BBC World Service. URL: <http://downloads.bbc.co.uk/mediacentre/country-rating-poll.pdf> (дата обращения: 30.07.2021).
19. Xinhua: Truths about Indian troops' illegal entry into Chinese territory. URL: https://www.china-daily.com.cn/world/2017-08/06/content_30349704.htm (дата обращения: 30.07.2021).
20. *Zhou N.* Our distant neighbor: China image in India // *Tianjin Social Science*. 2010. № 1. Pp. 88–101.

Modern conflict potential of Sino-Indian Relations: the image of India in the Chinese media

A. B. Rinchinov

postgraduate student of the Institute of World Economy and International Relations, Baikal State University.
Russia, Irkutsk. E-mail: abri3103@gmail.com

Abstract. China and India are the two most populous states on Earth, having a common, rather long border. In the twentieth century, this border became the subject of bloody disputes, connected, not least, with the consequences of colonial policy. After the beginning of the period of "reforms and openness" in China, relations between the countries began to improve rapidly. The issue of Sikkim's sovereignty was settled – the issue of border demarcation seemed to be a matter of time. However, since 2013, China has dramatically changed its policy regarding territorial claims. Clashes on the border resumed and led to a surge of Indian nationalism.

In this article, the author seeks to analyze the tonality and trends characteristic of the Chinese media when covering news about India during the beginning of a new act of confrontation, and how they form the image of the country and its inhabitants for Chinese consumers. A brief historical overview of how the border relations between the two young (PRC since 1949, India since 1946) national states developed is also made. The results obtained by Chinese and English-speaking media researchers regarding the transformation of the image of India during the period of border clashes are analyzed and presented in Russian for the first time.

It is concluded that, despite the warming of interstate relations in the period covering the last decade of the twentieth century and the first decade of the XXI century, the final settlement of the issue of the state border has not taken place. At this point in time, the border conflict "activated" by the PRC has already caused a change in India's domestic policy. At this stage, both states are increasing their military spending, including guided by the rhetoric heated by the media about the need to maintain parity in disputed areas.

Keywords: China, India, representation, international relations, mass media, nation-building.

References

1. Ershov Yu. M. *Sravnitel'nyj analiz indijskoj i kitajskoj politiki v oblasti televideniya* [Comparative analysis of Indian and Chinese television policy] // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filologiya – Herald of Novosibirsk State University. Series: History. Philology. 2010. No. 6. Pp. 42–48.
2. Matvienko V. V. *Indiya – Kitaj: povtorenie territorial'nogo spora cherez polveka* [India – China: the repetition of the territorial dispute in half a century] // Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo – Society: politics, economics, law. 2018. No. 11 (64). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/indiya-kitay-povtorenie-territorialnogo-spora-cherez-polveka> (date accessed: 30.07.2021).
3. Uyanaev S. V. *Kitaj i Indiya: dostizheniya i problemy sovremennogo etapa otnoshenij* [China and India: achievements and problems of the modern stage of relations] // *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremenost'* – China in world and regional politics. History and Modernity. 2014. Pp. 135–153.
4. Bhonsale M. Understanding Sino-Indian border issues: An analysis of incidents reported in the Indian media // ORF Occasional Paper, 2018. No. 143. 34 p.
5. China – Pakistan Boundary // International Boundary Study: The Geographer Office of the Geographer Bureau of Intelligence and Research. 1968. No. 85.
6. China reiterates claim on Arunachal Pradesh through mouthpiece // The Times of India. Available at: <https://timesofindia.indiatimes.com/india/China-reiterates-claim-on-Arunachal-Pradesh-through-mouthpiece/articleshow/26644947.cms> (date accessed: 30.07.2021).
7. Chinese media racist video on India clash sparks anger // BBC. Available at: <https://www.bbc.com/news/world-asia-china-40957719> (date accessed: 30.07.2021).
8. Foreign Ministry Spokesperson Lu Kang's Regular Press Conference on June 28, 2017 // The People's Republic of China Ministry of Foreign Affairs. Available at: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/t1473905.shtml (date accessed: 30.07.2021).
9. India and China agree over Tibet // BBC. Available at: http://news.bbc.co.uk/2/hi/south_asia/3015840.stm (date accessed: 30.07.2021).
10. India Destroyed Bunkers in Chumar to Resolve Ladakh Row // Defence News. Available at: <https://web.archive.org/web/20130724185744/http://defencenews.in/defence-news-internal.asp?get=new&id=1554> (date accessed: 09.11.2021).
11. Ji D., Hu Z., Muhammad Y. Neighboring competitor? Indian image in Chinese media // Global Media and China. 2016. Vol. 1 (3). Pp. 234–250.
12. Kewalramani M. *Smokeless War: China's Quest for Geopolitical Dominance*. Bloomsbury Publishing, 2020. 338 p.
13. Li X. India through Chinese eyes // World Policy Journal. 2013. Available at: <http://worldpolicy.org/2013/12/10/india-through-chinese-eyes/> (date accessed: 30.07.2021).
14. Manoj J. George in The China Shop // India Today. Available at: <https://web.archive.org/web/20080602213750/http://www.indiatodaygroup.com/itoday/18051998/cover.html> (date accessed: 30.07.2021).
15. Saint-Mézard I. The Border Incident of Spring 2013: Interpreting China-India Relations // Herodote, 2013. Vol. 150 (3). Pp. 132–149.
16. Shang Q. China and India: Partners or Competitors? // South Asian Studies Quarterly, 2011. No. 1. Pp. 1–5.
17. The 2008 Pew Global Attitudes Survey in China // Pew Research Center project. Available at: <https://www.pewresearch.org/global/wp-content/uploads/sites/2/2008/07/2008-Pew-Global-Attitudes-Report-2-July-22-2pm.pdf> (date accessed: 30.07.2021).
18. The 2014 BBC World Service Global Poll // BBC World Service. Available at: <http://downloads.bbc.co.uk/mediacentre/country-rating-poll.pdf> (date accessed: 30.07.2021).
19. Xinhua: Truths about Indian troops' illegal entry into Chinese territory. Available at: https://www.chinadaily.com.cn/world/2017-08/06/content_30349704.htm (date accessed: 30.07.2021).
20. Zhou N. Our distant neighbor: China image in India // Tianjin Social Science. 2010. No. 1. Pp. 88–101.

ИСТОРИОГРАФИЯ

УДК 930.1(470.5)

DOI: 10.25730/VSU.2070.21.038

Современная историография архитектуры Екатеринбурга. К 300-летию города*

С. П. Постников

доктор исторических наук,

Уральский государственный архитектурно-художественный университет.

Россия, г. Екатеринбург. E-mail: spostnikov@mail.ru

Аннотация. В статье содержится аналитический обзор современной литературы по истории архитектуры Екатеринбурга. Все работы по данной теме автор условно делит на пять групп. К первой группе отнесены обобщающие труды по истории Урала, в которых архитектура и градостроительство фрагментарно отражены как составная часть прошлого и настоящего региона. Вторая группа включает обобщающие труды по истории архитектуры, появление которых невозможно без специальных исследований и профессионального знания предметной области. В третью группу вошли работы, посвященные отдельным памятникам истории и культуры и историко-культурному наследию в целом. Четвертая группа посвящена творчеству известных уральских архитекторов. В пятой группе – произведения, посвященные истории архитектурно-художественного образования в Екатеринбурге.

Автор делает вывод, что исследователи провели большую работу по изучению истории архитектуры города. Однако в преддверии 300-летия Екатеринбурга эту работу следует продолжить, создать обобщающий труд, отражающий все многообразие архитектуры города за три столетия его становления и развития.

Ключевые слова: Урал, Екатеринбург, историография, культура, архитектура, градостроительство, искусство.

Основы исследований в области истории архитектуры Урала, в том числе Екатеринбурга, были заложены в трудах К. Т. Бабыкина и продолжены в работах других известных уральских архитекторов и искусствоведов. Большое значение имели результаты научно-исследовательских экспедиций Свердловского архитектурного института 1970–1980-х гг. по Программе «Каменный пояс», в ходе которых были обследованы сотни памятников архитектуры Урала. По материалам экспедиций сформированы фонды и экспозиции уникального Музея истории архитектуры и промышленной техники Урала, официально открытого 29 марта 1975 г. в Историческом сквере Свердловска.

В рамках данной статьи рассмотрена литература, вышедшая за последнюю четверть века, когда исследователи смогли более объективно оценивать исторические факты и культуры.

«Продвинутые» информационные технологии не дают полную картину состояния исследований в этой области. Необходим глубокий историографический анализ изданных научных и популярных работ. Публикации по избранной тематике отбирались на основе исследования трудов известных архитекторов, искусствоведов, историков, а также анализа коллективных фундаментальных работ по истории региона. Автор старался выявить в первую очередь достижения в указанных научных исследованиях и на основе проведенного анализа показать перспективные направления дальнейшей работы ученых.

Понимание необходимости создания общей классификации исследований по истории архитектуры Екатеринбурга предполагает на начальном этапе предложить некую рабочую систематизацию такого рода литературы. По мнению автора, все работы по данной проблеме можно условно разделить на пять групп. Первая включает обобщающие труды по истории Урала, в которых архитектура и градостроительство отражены фрагментарно в общем кон-

тексте развития региона. Вторая группа – обобщающие работы по истории архитектуры, появление которых невозможно без специальных исследований и профессионального знания предметной области. Третья группа – книги и статьи, посвященные отдельным объектам историко-культурного наследия Екатеринбурга. Четвертая группа – труды, в которых отражено творчество известных екатеринбургских архитекторов. Таким образом, видообразующим признаком представленной классификации являются профессиональные компетенции (и предпочтения) авторов работ: в первой группе авторы проводят исследования в основном с общих позиций, ко второй группе относятся авторы, имеющие профессиональный архитектурный или градостроительный опыт, к третьей группе относятся авторы, изучающие историю архитектуры Урала с культурологических позиций, к четвертой группе относятся авторы, работающие в биографическом жанре. Наконец, пятая группа – работы по истории архитектурно-художественного образования в Екатеринбурге.

К трудам первой группы следует отнести фундаментальные издания «Уральской исторической энциклопедии» [48] и «Екатеринбург. Энциклопедия» [13], в которых содержатся обзорные статьи по архитектуре и градостроительству, а также статьи-справки, посвященные отдельным объектам историко-культурного наследия. Биографии известных уральских архитекторов, проектировавших промышленные, культовые и гражданские здания и сооружения (от М. П. Малахова, творившего на Урале в первой трети XIX в., до народного архитектора СССР Н. С. Алферова – первого ректора Свердловского архитектурного института). История создания заводов металлургического комплекса Екатеринбурга нашла отражение в энциклопедическом издании, вышедшем к 300-летию уральской металлургии [26].

Важное методологическое значение для изучения истории уральской архитектуры имел доклад А. А. Старикова на Всероссийской научной конференции, прошедшей в 2001 г. и посвященной 300-летию Каменска-Уральского и юбилею металлургии региона. В докладе представлен анализ развития архитектуры Урала в XX в. от модерна и конструктивизма до неоклассицизма, неомодерна и постконструктивизма. Автор обосновывает вывод, что для придания современной архитектуре Урала «яркой образности» необходимо учитывать достоинства уникального историко-культурного наследия региона [39].

В 2012 г. вышел в свет содержательный труд «Урал: маршруты культуры», в котором впервые в обобщенном виде представлен «культурный ландшафт» региона. Специальные разделы книги посвящены изобразительному искусству, музеям, архитектуре, декоративно-прикладному искусству и так далее. В разделе «Архитектура» охарактеризовано историко-культурное наследие Свердловской области, насчитывающее 1682 архитектурных и исторических памятника в составе 1217 объектов культурного наследия, в хронологическом порядке описаны наиболее значимые памятники, начиная от первых сооружений XVIII в. до советского неоклассицизма второй половины XX в. В завершении охарактеризована архитектура Екатеринбурга рубежа XX–XXI вв., приведены примеры наиболее удачных реализованных архитектурных проектов: гостиница «Хайят», башня «Исеть», деловой центр «Онегин», аэропорт «Кольцово» и другие [47, с. 208–236]. Книга не содержит критический анализ проблем современной архитектуры, что характерно для представительских изданий.

Работы, которые можно отнести ко второй группе предлагаемой автором классификации – обобщающие труды по истории архитектуры Екатеринбурга, – в последние годы их издано сравнительно немного. Заметным явлением стала монография Р. М. Лотаревой, посвященная городам-заводам России [24], среди которых достойное место отведено Екатеринбургу. В книге проанализированы территориальное размещение, виды производственных, гражданских и жилых зданий, градостроительные особенности Екатеринбурга. Исследование основано на широкой источниковой базе, в том числе архивных материалах, впервые введенных в научный оборот.

Третья группа – книги и статьи, посвященные отдельным объектам культурного наследия. Прежде всего, это научно-популярные и краеведческие издания, представляющие своего рода путеводители по памятным местам города. Одно из первых таких изданий вышло в 1995 г. Его авторы – В. Лукьянин и М. Никулина – в форме «прогулок» по Екатеринбургу популярно рассказывают о достопримечательностях, памятных местах и известных людях города [25]. Всего таких прогулок восемь. Это исторические пространства: Исторический сквер, плотина, городской пруд; Литературный квартал и Вознесенская горка и так далее вплоть до территории «соцгорода» Уралмаш.

Еще одна интересная и содержательная книга, посвященная городским пространствам Екатеринбурга, написана известными уральскими краеведами Л. И. Зориной и В. М. Слукниным

[18]. Авторы показали во всем многообразии исторические пространства структурных элементов территории города, которые формировались с первой четверти XVIII в. до первых десятилетий XX в. Издание содержит богатый справочный материал, фотоматериалы из фондов музеев и частных коллекций.

Самое «свежее» справочное издание об Екатеринбурге принадлежит молодому талантливому архитектору и знатоку города Полине Ивановой [19]. Путеводитель предлагает восемь оригинальных экскурсионных маршрутов по наиболее интересным местам города в его исторических границах на начало XX в. Экскурсии воссоздают целостный облик разных фрагментов городской архитектуры. Они позволяют в исторической динамике представить, какие перемены происходили в Екатеринбурге. Особое место в путеводителе отводится общественным пространствам: улицам и площадям, паркам и набережным. Авторский текст удачно дополняют многочисленные чертежи и архивные фотографии.

Исследователи в последние десятилетия уделяют серьезное внимание архитектуре конструктивизма. Труды по истории уральского конструктивизма изданы Л. Н. Смирновым, Л. И. Токмениновой, А. А. Барабановым и другими. В книге Л. Н. Смирнова «Екатеринбург: наследие конструктивизма» впервые запечатлены и описаны 140 зданий авангардной архитектуры 20–30-х гг. XX в. [36]. Некоторые из них не имеют аналогов в мировой практике.

Не меньший интерес представляет монография Л. И. Токмениновой и С. А. Крылова [3]. Данное научно-популярное издание посвящено наиболее значительным образцам архитектуры конструктивизма Екатеринбурга – Свердловска. Иллюстрации и тексты показывают архитектурный образ города в конце 1920-х–1930-х гг., а также профессиональную деятельность архитекторов авангарда рассматриваемого периода. Объекты культурного наследия конструктивизма представлены редкими историко-графическими материалами и фотографиями. Иллюстрации сопровождаются пояснительными записками по истории проектирования и строительства, об особенностях и историко-культурной ценности этих памятников.

Конструктивизм, как известно, зародился в Германии в школе Баухауз. В начале XXI в. установились тесные научные связи российских и европейских ученых по изучению конструктивизма в архитектуре. Научные семинары и форумы по данной тематике состоялись в Екатеринбурге в 2007 г., 2008 г. и 2010 г. Материалы этих мероприятий охватывают широкий круг проблем изучения, сохранения и актуализации наследия модернизма в Германии и России (на примере Урала). В них дана оценка опыту совместной деятельности специалистов и студентов Баухауз-университета и Уральской государственной архитектурно-художественной академии на объекте культурного наследия (Веймар), обсуждены практические вопросы реконструкции Торгового корпуса и фабрики-кухни Уралмашзавода [4; 5].

Многообещающей серией брошюр о всемирно известных произведениях советского авангарда 1920–1930-х гг. в городах Урала может стать инициатива издательства TATLIN. Ряд таких изданий, посвященных Жилому комплексу НКВД и Институту физиотерапии и профзаболеваний в г. Екатеринбурге, уже выпущено. В них автор показывает историю проектирования и строительства, описывает особенности зданий, приводит краткие биографии архитекторов. Текст удачно дополняют иллюстрации: проектные чертежи, фотографии разных лет и тому подобное [45; 46].

История архитектуры конструктивизма Екатеринбурга нашла определенное отражение в материалах региональных научных конференций. В строительстве Соцгородка на Уралмаше в 1930-е гг. принимал участие выпускник немецкой высшей школы искусств Бела Шефлер. Ему принадлежит ряд проектов зданий: гостиницы «Мадрид», фасада заводууправления Уралмаша, трех жилых зданий на улице Культуры, главной магистрали уралмашевского района. Хотя эти проекты носят черты переходного этапа к сталинскому ампиру, но в них прослеживаются элементы конструктивизма [27, с. 190–193].

В. И. Старков справедливо отметил в своем докладе, что памятники архитектуры конструктивизма в Екатеринбурге можно считать «национальным достоянием России» [43, с. 230]. Автор считает, что творческие концепции конструктивизма утверждали функциональность и технологическую целесообразность архитектурной формы [43, с. 231]. Эти идеи были воплощены в практике проектирования ряда архитекторов, работавших в 1920–1930-е гг. в Свердловске. Среди них следует назвать имена таких маститых профессионалов, как М. Я. Гинзбург, Г. А. Голубев, А. А. Пастернак и других. По их проектам в городе были возведены десятки жилых и общественных сооружений. О некоторых из них рассказал автор [43, с. 232–234].

И. А. Кашина сделала попытку выявить основные типологические объекты архитектуры авангарда. Это, по мнению автора, новый тип коммунальных домов, клубы, фабрики-кух-

ни, учреждения здравоохранения, спорта, производственно-административные здания и так далее [22, с. 391–393]. Автор делает вывод, что изучение опыта 1920–1930-х гг. поможет современным архитекторам найти свой стиль и станет важным фактором комплексного формирования городской среды.

Ряд альбомов-исследований уральских специалистов вышел в серии «Национальное достояние России» и посвящен выдающимся памятникам архитектуры Екатеринбурга. Один из них повествует об уникальном памятнике истории и культуры, возведенном в «русском кирпичном стиле» в 1895 г. по проекту пермского архитектора А. Б. Турчевича, – усадьбе Железнова [50]. В альбоме рассказывается об истории создания шедевра архитектуры конца XIX в., судьбах людей, живших и работавших в нем, особенностях его архитектурно-средового решения.

Еще одна книга из этой серии посвящена истории и современности дома доктора Сяно [12]. Это здание в стиле модерна, построенное в начале XX в. по проекту архитектора И. К. Янковского, также является уникальным объектом культурного наследия. В книге описаны архитектурные достоинства здания, его экстерьеров и интерьеров. Далее идет рассказ о первом владельце нового сооружения – враче И. А. Сяно, который занялся частной медицинской практикой в Екатеринбурге в 1900 г. Позже хозяева жилого дома неоднократно менялись, но он сохранился и украшает угол современных улиц Малышева и Карла Либкнехта вот уже более столетия. Ныне в нем располагается одна из ведущих детских художественных школ Екатеринбурга (ДХШ № 1).

Шедевром архитектурных ансамблей города по праву считается усадьба Расторгуевых – Харитоновых. Ее история показана в замечательном альбоме-исследовании профессора В. М. Слукина, известного краеведа и знатока Екатеринбурга [34]. Этот памятник архитектуры и градостроительства, как считает автор, является одним из самых загадочных дворцов старого города. В. М. Слукин талантливо повествует о мифологии места, об архитектурных особенностях дворцового комплекса, о создателях и исторических персонажах, связанных с ним. Особое внимание уделено легендарным подземельям усадьбы.

Комплексным исследованием по истории архитектуры Урала является шеститомная серия «Стили в архитектуре Свердловской области», удостоенная премии губернатора Свердловской области. Известные уральские архитекторы и искусствоведы В. Е. Звагельская [15; 16; 17], А. Ю. Каптиков [21], А. М. Раскин [29], Л. Н. Смирнов [35] освещают все стили архитектуры региона в исторической динамике – от барокко до неоклассицизма. Характерно, что объекты культурного наследия в стиле барокко в Екатеринбурге почти не сохранились. Зато в городе широко представлены объекты других архитектурных стилей, особенно конструктивизма. Несомненным достоинством всех томов издания является солидный материал, включая иллюстративный ряд, а также широкие хронологические рамки работы – с конца XVII до второй половины XX в. История объектов архитектурного наследия Екатеринбурга показана как сложный и многогранный процесс генезиса новых идей, творческих открытий, воплотившихся в проектах уникальных жилых, общественных и производственных зданий.

Архитектурному наследию региона посвящен двухтомный «Свод памятников истории и культуры Свердловской области». Первый том рассказывает об объектах культурного наследия Екатеринбурга. Помимо основательного историко-градостроительного очерка, он содержит статьи о более чем 400 памятниках истории и культуры, которые поныне украшают город, а также список утраченных по разным причинам объектов. Данное издание носит справочно-энциклопедический характер и включает богатый фактический материал, который может быть интересен как широкой общественности, так и специалистам: историкам, архитекторам, искусствоведам, реставраторам [32].

Историко-культурному наследию исторических городов региона посвящена еще одна книга – «Знаменитые памятники архитектуры Свердловской области» [42]. Во введении дан краткий очерк истории архитектуры Среднего Урала. В отдельных разделах книги рассказывается об архитектурных объектах на территории Свердловской области.

К 290-летию города издан фотоальбом «Екатеринбург» [51], также посвященный историко-культурному наследию столицы Среднего Урала. В восьми разделах издания (каждый из них содержит исторический экскурс) представлены фотографии из прошлого и современности. Раздел – это одно из знаковых мест города, по которому читатель может «пройтись», обозревая его достопримечательности, сравнить, как они выглядели в прошлом и в настоящем. Данное издание является, на наш взгляд, неудачным примером презентационного фотоальбома. Во-первых, не объясняется, почему выбраны именно эти восемь достопримечательных

территорий (Площадь 1905 года, улица Вайнера, улица 8 марта, «вдоль Исети» и тому подобное), хотя в Екатеринбурге имеются и другие не менее знаковые места. Во-вторых, описание достопримечательностей не отличается новизной, главным образом повторяя давно известные характеристики описываемых объектов. В-третьих, многие иллюстрации по качеству изображения не выдерживают критики, а подписи под объектами монументального искусства (скульптуры Д. Н. Мамину-Сибиряку и П. П. Бажову) вызывают удивление, например: «Бюсты на Плотине городского пруда» (стр. 80 указ. издания). На ряде страниц подписи под иллюстрациями вообще отсутствуют. В-четвертых, весьма низким является уровень полиграфии данного «презентационного издания».

Ряд монографий посвящен отдельным категориям памятников архитектуры Свердловской области. Обобщающий труд А. М. Раскина «Знаменитые усадьбы Свердловской области» раскрывает получивший распространение в первой половине XIX – начале XX в. усадебный тип жилой застройки. Жилые усадьбы купцов, промышленников, заводской администрации выполнялись по проектам профессиональных архитекторов и демонстрировали преимущественно городскую каменную архитектуру в русле доминировавших архитектурных концепций [30]. Книга А. В. Долгова «Деревянное зодчество Свердловской области» посвящена целому художественному явлению в архитектуре региона. Оно представлено в широком территориальном, хронологическом и типологическом охвате, систематизировано и дополнено спецификой сохранения памятников под открытым небом [11].

Богатое по полноте содержания и глубине исследования издание посвящено истории архитектуры г. Екатеринбурга [41]. Не случайно эта книга была отмечена в 1998 г. медалью Российской академии архитектуры и строительных наук за лучшее издание об архитектуре и архитекторах. Историческая память города сохранилась в объектах культурного наследия, которых в Екатеринбурге, как известно, насчитывается более 400. В архитектуре города представлены все стили – от барокко до неоклассицизма.

Значительно скромнее история архитектуры города представлена в материалах научных конференций последних лет. Из наиболее значительных и информационно емких следует отметить доклад С. В. Скробова. Он посвящен одной из самых известных усадеб России: Редикорцева – Ипатьева, построенной в конце XIX – начале XX в. Автор дает подробное описание помещений усадьбы, историю размещения там различных организаций, и это особенно важно, если учесть, что здания усадьбы до наших дней не сохранились. Но в докладе не содержатся сведения об архитекторе – авторе проекта, не указаны стилевые особенности и достоинства постройки [33, с. 132–136].

Архитектуре Екатеринбурга рубежа XX–XXI вв. посвящено немного работ. Большинство из них носят рекламный характер. Примером может служить сборник «Актуальная архитектура. Сделано в Екатеринбурге» [1]. В целом в книге дана высокая оценка архитектуре современного Екатеринбурга. Большинство авторов – талантливые архитекторы, выпускники Свердловского архитектурного института (Уральского государственного архитектурно-художественного университета), разработчики архитектурных проектов значимых для города сооружений. Может быть, поэтому статьям присуща некоторая недоговоренность. По нашему мнению, в современной архитектурной практике не удалось обеспечить гармонию инноваций в архитектуре Екатеринбурга конца XX – начала XXI в. и традиций предыдущих эпох, планировочно-пространственной структуры и «точечной застройки». По итогам международного форума «высотного и уникального строительства» 100+ издана еще одна книга «Россия высокая» [31], в которой представлен материал о современных высотных зданиях Екатеринбурга: «Высоцкий», «Исеть», «Опера», «Малевич» и других. Здесь охарактеризованы архитектурные достоинства зданий, их авторы и особенности проектов. Можно согласиться, что высотные торгово-офисные сооружения оправдывают свое назначение и являются украшением города. Однако жилые комплексы («Малевич», «Первый Николаевский» и так далее), на наш взгляд, вряд ли можно отнести к архитектурным шедеврам.

История архитектуры Екатеринбурга [20; 37], ее современные проблемы и перспективы [40; 52; 53; 54] частично отражены в материалах крупных научных форумов.

Так, Л. Н. Смирнов в своем докладе сделал попытку определить «границы» «свердловского конструктивизма» в архитектуре и пришел к выводу, что многие архитекторы советского авангарда, успешно проектировавшие в Екатеринбурге – Свердловске, имеют отношение к проектам ряда уникальных объектов конструктивизма за пределами города и региона [37, с. 302]. Е. В. Иовлева делает обоснованный вывод, что архитектурные сооружения

неоклассицизма сталинской эпохи «1930–1950-х гг. до сих пор не только формируют основу архитектурного облика города, но и многие из них полноценно функционируют» [20, с. 255].

Четвертая группа исследований – работы, в которых прослеживается творчество известных архитекторов Урала. История архитектуры – не только история зданий и сооружений, формирования пространственно-планировочной среды городов. Главным субъектом проектирования выступает личность и талант архитектора. Урал может гордиться целой плеядой выдающихся зодчих, имена которых вошли в историю региона. Большой интерес вызывают научно-справочные издания об известных зодчих края. В 2003 г. вышел энциклопедический справочник «Архитекторы Екатеринбурга и Свердловской области» [2]. В нем приведены данные около 500 членов Уральского отделения Общества современных архитекторов (УООСА), основанного в 1928 г., Свердловского отделения Союза советских архитекторов, преобразованного в 1993 г. в Свердловскую организацию САР. Книга содержит краткие биографии членов творческого союза за период с 1928 по 1998 г., сведения как о выдающихся мастерах архитектуры советского времени (К. Т. Бабыкин, В. В. Емельянов, Г. А. Голубев, Н. А. Алферов и другие), так и о современных зодчих, внесших заметный вклад в проектирование городов и отдельных объектов, а также в подготовку кадров архитекторов (Г. В. Мазаев, Б. А. Демидов, А. А. Стариков, А. В. Долгов и другие). Немало страниц посвящено малоизвестным архитекторам – членам Союза. Справочное издание имеет, несомненно, социокультурное и практическое значение. Важно, что кроме биографических сведений в книге содержится перечень объектов, которые принадлежат конкретному автору.

На необходимость изучать творчество старых мастеров-архитекторов обращал внимание профессор В. Г. Десятов. Это важно для обеспечения преемственности архитектурного опыта [8]. Перу В. Г. Десятова принадлежат монографии о жизни и творчестве двух выдающихся мастеров уральской архитектуры XX в. – К. Т. Бабыкина и Н. С. Алферова. В первой раскрыты главные достижения известного зодчего К. Т. Бабыкина [7; 10], по проектам которого возведено около 30 объектов, многие из которых остаются для Екатеринбурга значимыми и в начале XXI в. Показан вклад К. Т. Бабыкина в создание кафедры архитектуры УПИ, проанализировано влияние его наследия на современную уральскую архитектурную школу. Книга о Н. С. Алферове – первый опыт осмысления жизненного и творческого пути народного архитектора СССР, члена-корреспондента Академии художеств СССР, доктора архитектуры, основателя Свердловского архитектурного института (ныне Уральский государственный архитектурно-художественный университет) [9]. Обе монографии содержат справочные материалы, в том числе список публикаций авторов, перечень архитектурных проектов, иллюстрации и тому подобное.

Деятельности ряда известных зодчих Урала в различные периоды XX в. посвящены также статьи В. Г. Веселовской [6], А. С. Смирнова [38], в которых ставятся проблемы теоретического характера, объясняются «триумфы и трагедии» архитекторов, вынужденных работать в условиях, когда их смелые для своего времени архитектурные и градостроительные проекты не находили поддержку.

Летописцем города Екатеринбурга и его архитекторов следует признать архитектора и публициста Г. Н. Елагина [14]. В книге «Жизнь посвящая городу» он поместил 30 очерков об известных уральских архитекторах: К. Т. Бабыкине, Г. В. Валенкове, С. В. Домбровском, П. В. Оранском, М. В. Рейшере и других. Достоинством этих очерков стала оценка творчества зодчих, их роли в развитии города. Автор ввел в научный оборот много новых архивных данных, ранее неизвестных специалистам.

К 80-летию основания Департамента архитектуры, градостроительства и регулирования земельных отношений была издана книга «Творцы города» [44]. В ней справедливо говорится, что в Екатеринбурге градостроительной политике с самого начала отводилось важное место. В книге показано, что, несомненно, важную роль в этом играли главные архитекторы города. В ней представлены биографии всех главных архитекторов Екатеринбурга и начальников Департамента архитектуры, градостроительства и регулирования земельных отношений: начиная от первого главного архитектора Г. А. Голубева до начальника Департамента С. М. Косенко. Специальный раздел посвящен уральской архитектурной школе и роли Уральского государственного архитектурно-художественного университета в ее формировании.

Екатеринбург – один из ведущих центров архитектурно-художественного образования России. Его флагманом является Уральский государственный архитектурно-художественный университет. Истории университета посвящен целый ряд изданий, вышедших главным обра-

зом к его очередным юбилеям. Некоторые итоги изучения прошлого и настоящего УрГАХУ подведены в докладе С. П. Постникова на международной конференции «Пространства городской цивилизации» [28, с. 399–406]. К 50-летию вуза, который отмечался в 2017 г., был издан уникальный труд – «Уральский архитектурно-художественный университет: энциклопедический словарь». Издание включает около 500 статей об основоположниках уральской архитектурно-художественной школы, ведущих преподавателях и сотрудниках, выдающихся выпускниках, кафедрах и подразделениях вуза на всех этапах его развития. Данное издание пока не имеет аналогов [49].

Таким образом, архитекторы, искусствоведы, историки провели значительную работу по изучению архитектуры Екатеринбурга в разные исторические эпохи. В дальнейшем требуется расширение хронологических рамок исследований. Необходимо продолжить создание обобщающих работ по данной теме. Сохранение лучших традиций уральских зодчих будет способствовать развитию архитектуры и градостроительства Уральского региона.

Список литературы

1. Актуальная архитектура. Сделано в Екатеринбурге. Екатеринбург : Юнивер Пресс, 2013. 160 с.
2. Архитекторы Екатеринбурга и Свердловской области / под общей ред. Л. П. Бандровской, Н. А. Вилесовой. Екатеринбург, 2003. 430 с. Екатеринбург, 2001. 536 с.
3. Архитектура Екатеринбурга: конструктивизм. Екатеринбург : ТД «Альянс», 2014. 176 с.
4. Баухауз на Урале. От Оренбурга до Орска : мат. науч. конф. 12–16 ноября 2007 г. / науч. ред. Л. И. Токменинова. Екатеринбург : Вейстер, 2007. 158 с.
5. Баухауз на Урале. Сохранение наследия : мат. междунар. науч. семинара. 22–24 августа 2008 г. Екатеринбург / науч. ред. Л. И. Токменинова. Екатеринбург : Вейстер, 2010. 154 с.
6. Веселовская В. Г. Бабыкин К. Т. – основатель архитектурной школы на Урале // Архитектон. Известия вузов. 2007. № 18. URL: http://archvuz.ru/2007_2/21/.
7. Десятов В. Г. Константин Трофимович Бабыкин: Биографический очерк о жизни мастера архитектуры / В. Г. Десятов; Урал. гос. архитектурно-художеств. акад. Екатеринбург : Архитектон, 2007. 104 с.
8. Десятов В. Г. Отразить в книгах опыт старых мастеров // Академический вестник УралНИИ-проект РААСН. 2008. № 1. С. 110–111.
9. Десятов В. Г. Николай Семенович Алферов: Воспоминания о жизни мастера архитектуры. Екатеринбург : Архитектон, 2010. 112 с.
10. Десятов В. Г. Константин Трофимович Бабыкин. Биографический очерк о жизни мастера архитектуры / В. Г. Десятов. Издание доп. и испр. Екатеринбург : Б. и., 2015. 144 с.
11. Долгов А. В. Деревянное зодчество Свердловской области / А. В. Долгов; отв. ред. В. Е. Звагельская. Екатеринбург : Сократ, 2008. 144 с. (Культурное наследие Свердловской области).
12. Дом доктора Сяно. Екатеринбург : Банк культурной информации. Серия: Национальное достояние России. 2011. 144 с.
13. Екатеринбург. Энциклопедия : энциклопедия / гл. ред. В. В. Маслаков. Екатеринбург : Академкнига, 2002. 728 с.
14. Елагин Г. Жизнь посвящая городу. Екатеринбург, 2011. 312 с.
15. Звагельская В. Е. Эклектика в памятниках архитектуры Свердловской области / В. Е. Звагельская. Екатеринбург : Пре-пресс бюро «Генри Пушель», 2007. 160 с.
16. Звагельская В. Е. Модерн в памятниках архитектуры Свердловской области / В. Е. Звагельская. Екатеринбург : Пре-пресс бюро «Генри Пушель», 2008. 158 с.
17. Звагельская В. Е. Неоклассицизм советской эпохи в памятниках архитектуры Свердловской области / В. Е. Звагельская. Екатеринбург : Пре-пресс бюро «Генри Пушель», 2011. 160 с.
18. Зорина Л. И., Слукин В. М. Улицы и площади старого Екатеринбурга / Л. И. Зорина, В. М. Слукин. Екатеринбург : Издательство «Баско», 2005. 288 с.
19. Иванова П. Путеводитель по Екатеринбургу и Свердловску / П. Иванова. 2 изд., доп. Тверь : Парето-Принт, 2017. 336 с.
20. Иовлева Е. В. Архитектурные сооружения сталинской эпохи как значимые объекты Екатеринбурга / Е. В. Иовлева // Пространства городской цивилизации: идеи, проблемы, концепции : мат-лы Междунар. науч. конф. (4–5 октября 2017 г.) / ред.-сост. д-р архитектуры, проф. Л. П. Холодова. Екатеринбург : УрГАХУ, 2017. С. 254–256.
21. Каптиков А. Ю. Барокко в памятниках архитектуры Свердловской области / А. Ю. Каптиков. Екатеринбург : Пре-пресс бюро «Генри Пушель», 2011. 160 с.
22. Кашина И. А. Основные типологические объекты архитектуры Свердловского авангарда / И. А. Кашина // Урал индустриальный. Бакунинские чтения : мат. VI Всероссийской науч. конф., 7 апреля 2004 г. : в 2 т. Т. 1. Екатеринбург : Изд-во АМБ, 2004. С. 388–393.
23. Лемегов А. В. Концепция развития композиции центра Екатеринбурга в современных условиях / А. В. Лемегов // Архитектура и дизайн в современном обществе: российский опыт и мировые тен-

денции : мат. Всероссийской науч. конф. (23–24 октября 2012 г.) / Урал. гос. архитектур.-художеств. акад.; ред. совет: С. П. Постников (пред.), М. В. Пучков (зам. пред.) и др. Екатеринбург : Архитектон, 2012. С. 131–134.

24. *Лотарева Р. М.* Города-заводы России. XVIII – первая половина XIX века. Екатеринбург : Издательство «СОКРАТ», 2011. 288 с.

25. *Лукиянин В., Никулина М.* Прогулки по Екатеринбургу. Екатеринбург : Банк культурной информации, 1995. 240 с.

26. *Металлургические заводы Урала XVII – XX в. : энциклопедия.* Екатеринбург, 2001.

27. *Мокроусова А. В.* Вклад выпускника «Баухауз» в строительство Соцгородка на Уралмаше / А. В. Мокроусова // Седьмые Татищевские чтения. Доклады и сообщения. Екатеринбург, 17–18 апреля 2008 г. / под ред. С. П. Постникова. Екатеринбург : ИИиА УрО РАН, 2008. С. 190–193.

28. *Постников С. П.* Уральской архитектурно-художественной школе 50 лет / С. П. Постников // Пространства городской цивилизации: идеи, проблемы, концепции : мат-лы Междунар. науч. конф. (4–5 октября 2017 г.) / ред.-сост. д-р архитектуры, проф. Л. П. Холодова. Екатеринбург : УрГАХУ, 2017. С. 399–406.

29. *Раскин А. М.* Классицизм в памятниках архитектуры Свердловской области / А. М. Раскин. Екатеринбург : Пре-пресс бюро «Генри Пушель», 2007. 160 с.

30. *Раскин А. М.* Знаменитые усадьбы Свердловской области / А. М. Раскин; М-во культуры Свердл. обл.; Урал. архитектур.-художеств. акад.; отв. ред. А. А. Стариков. Екатеринбург : Сократ, 2008. 144 с. (Культурное наследие Свердловской области).

31. *Россия высокая: История высотного строительства России.* Екатеринбург : Изд-во TATLIN, 2014. 190 с.

32. *Свод памятников истории и культуры Свердловской области. Т. 1.* Екатеринбург / отв. ред. В. Е. Звагельская. Екатеринбург : Сократ, 2008. С. 5.

33. *Скробов С. В.* Усадьба Редикорцева – Ипатьева (архитектурное описание исторической городской усадьбы Екатеринбурга конца XIX – начала XX в.) / С. В. Скробов // Урал индустриальный. Бакунинские чтения : мат. V региональной науч. конф., декабрь 2002 г. Екатеринбург : Издательство Гуманитарного университета, 2003. С. 132–136.

34. *Слукин В. М.* Дворец Расторгуевых – Харитоновых / В. М. Слукин. Екатеринбург : Банк культурной информации. Серия: Национальное достояние России. 2015. 128 с.

35. *Смирнов Л. Н.* Конструктивизм в памятниках архитектуры Свердловской области. Екатеринбург : Пре-пресс бюро «Генри Пушель», 2008. 160 с.

36. *Смирнов Л. Н.* Екатеринбург: наследие конструктивизма. Екатеринбург : Пре-пресс бюро «Генри Пушель», 2009. 160 с.

37. *Смирнов Л. Н.* Границы «Свердловского конструктивизма» / Л. Н. Смирнов // Пространства городской цивилизации: идеи, проблемы, концепции : мат-лы Междунар. науч. конф. (4–5 октября 2017 г.) / ред.-сост. д-р архитектуры, проф. Л. П. Холодова. Екатеринбург : УрГАХУ, 2017. С. 299–303.

38. *Смирнов А. С.* Становление архитектора Голубева Г. А. (1883–1949) // Архитектон. Известия вузов. 2005. № 12.

39. *Стариков А. А.* Уральское зодчество XX века и проблемы дальнейшего развития архитектурного процесса // Уральская провинция в системе регионального развития России: исторический и социокультурный опыт : мат-лы Всеросс. науч. конф., посвященной 300-летию г. Каменска-Уральского. Екатеринбург, 2001. С. 13–18.

40. *Стариков А. А.* Городская среда и современная градостроительная политика России / А. А. Стариков // Пространства городской цивилизации: идеи, проблемы, концепции : мат-лы Междунар. науч. конф. (4–5 октября 2017 г.) / ред.-сост. д-р архитектуры, проф. Л. П. Холодова. Екатеринбург : УрГАХУ, 2017. С. 184–187.

41. *Стариков А. А., Звагельская В. Е., Токменинова Л. И.* Екатеринбург. История города в архитектуре. Екатеринбург, 1998.

42. *Стариков А. А., Симиненко В. И., Поздникин В. М.* Знаменитые памятники архитектуры Свердловской области. Екатеринбург, 2007. 164 с.

43. *Старков В. И.* Памятники архитектуры конструктивизма в Екатеринбурге – национальное достояние России / В. И. Старков // Седьмые Татищевские чтения. Доклады и сообщения. Екатеринбург, 17–18 апреля 2008 г. / под ред. С. П. Постникова. Екатеринбург : ИИиА УрО РАН, 2008. С. 230–234.

44. *Творцы города.* Екатеринбург : ИД «Коммерсант-Урал», 2016. 168 с.

45. *Токменинова Л. И.* Жилой комплекс НКВД. Екатеринбург, 2012.

46. *Токменинова Л. И.* Институты физиотерапии и профзаболеваний. Екатеринбург, 2012.

47. *Урал: маршруты культуры* / под ред. И. Н. Борисовой. Екатеринбург : Сократ, 2012. 324 с.

48. *Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп.* Екатеринбург : Академкнига; УрО РАН, 2000. 640 с.

49. *Уральский государственный архитектурно-художественный университет : энциклопедический словарь* / гл. ред. В. А. Блинов. Екатеринбург : Архитектон, 2017. 472 с.

50. *Усадьба Железнова.* Екатеринбург : Банк культурной информации. Серия: Национальное достояние России. 2009. 96 с.

51. Фотоальбом «Екатеринбург». Екатеринбург : ТД «Альянс», 2013. 208 с.
52. Холодова Л. П. Уральские территории с позиции пространства городской цивилизации / Л. П. Холодова // Пространства городской цивилизации: идеи, проблемы, концепции : мат-лы Междунар. науч. конф. (4–5 октября 2017 г.) / ред.-сост. д-р архитектуры, проф. Л. П. Холодова. Екатеринбург : УрГАХУ, 2017. С. 191–195.
53. Холодова Л. П., Швец А. В. Принципы переустройства архитектурно-художественного облика зданий Екатеринбурга в переходные периоды / Л. П. Холодова, А. В. Швец // Пространства городской цивилизации: идеи, проблемы, концепции : мат-лы Междунар. науч. конф. (4–5 октября 2017 г.) / ред.-сост. д-р архитектуры, проф. Л. П. Холодова. Екатеринбург : УрГАХУ, 2017. С. 307–310.
54. Шипицына О. А. Пространственно значимые территории Екатеринбурга: сценарии развития / О. А. Шипицына // Пространства городской цивилизации: идеи, проблемы, концепции : мат-лы Междунар. науч. конф. (4–5 октября 2017 г.) / ред.-сост. д-р архитектуры, проф. Л. П. Холодова. Екатеринбург : УрГАХУ, 2017. С. 135–138.

Modern historiography of Yekaterinburg architecture. To the 300th anniversary of the city

S. P. Postnikov

Doctor of Historical Sciences,

Ural State University of Architecture and Art. Russia, Yekaterinburg. E-mail: spostnikov@mail.ru

Abstract. The article contains an analytical review of modern literature on the history of architecture of Yekaterinburg. The author conditionally divides all works on this topic into five groups. The first group includes generalizing works on the history of the Urals, in which architecture and urban planning are fragmentally reflected as an integral part of the past and present of the region. The second group includes generalizing works on the history of architecture, the appearance of which is impossible without special research and professional knowledge of the subject area. The third group includes works dedicated to individual monuments of history and culture and historical and cultural heritage in general. The fourth group is dedicated to the work of famous Ural architects. The fifth group includes works dedicated to the history of architectural and artistic education in Yekaterinburg.

The author concludes that the researchers have done a lot of work to study the history of the architecture of the city. However, on the eve of the 300th anniversary of Yekaterinburg, this work should be continued, to create a generalizing work reflecting all the diversity of the city's architecture over three centuries of its formation and development.

Keywords: Ural, Yekaterinburg, historiography, culture, architecture, urban planning, art.

References

1. *Aktual'naya arhitektura. Sdelano v Ekaterinburge* – Current architecture. Made in Yekaterinburg. Yekaterinburg. Univer Press. 2013. 160 p.
2. *Arhitektury Ekaterinburga i Sverdlovskoj oblasti* – Architects of Yekaterinburg and Sverdlovsk region / under the gen. ed. of L. P. Bandrovskaya, N. A. Vilesova. Yekaterinburg. 2003. 430 p. Yekaterinburg. 2001. 536 p.
3. *Arhitektura Ekaterinburga: konstruktivizm* – Architecture of Yekaterinburg: constructivism. Yekaterinburg. Alliance. 2014. 176 p.
4. *Bauhauz na Urале. Sohranenie naslediya : materialy mezhdunarodnogo nauchnogo seminar. 12–16 noyabrya 2007 g.* Ekaterinburg – Bauhaus in the Urals. From Orenburg to Orsk : materials of the scientific conference on November 12–16, 2007 / scient. ed. L. I. Tokmeninova. Yekaterinburg. Weister. 2007. 158 p.
5. *Bauhauz na Urале. Sohranenie naslediya : materialy mezhdunarodnogo nauchnogo seminar. 22–24 avgusta 2008 g.* Ekaterinburg – Bauhaus in the Urals. Preservation of heritage : materials of an international scientific seminar. August 22–24, 2008 Yekaterinburg / scient. ed. L. I. Tokmeninova. Yekaterinburg. Weister. 2010. 154 p.
6. *Veselovskaya V. G. Babykin K. T. – osnovatel' arhitekturnoj shkoly na Urале* [Babykin K. T. – founder of the architectural school in the Urals] // *Arhitekton. Izvestiya vuzov* – Architecton. News of universities. 2007. No. 18. Available at: http://archvuz.ru/2007_2/21/.
7. *Desyatov V. G. Konstantin Trofimovich Babykin: Biograficheskij ocherk o zhizni мастера архитектуры* [Konstantin Trofimovich Babykin: biographical essay on the life of a master of architecture] / V. G. Desyatov. Ural State University of Architecture and Arts. acad. Yekaterinburg. Architecton. 2007. 104 p.
8. *Desyatov V. G. Otrazit' v knigah opyt staryh masterov* [To reflect the experience of old masters in books] // *Akademicheskij vestnik UralNIIproekt RAASN* – Academic herald of Ural Scientific-research institute project RAASN. 2008. No. 1. Pp. 110–111.

9. Desyatov V. G. *Nikolaj Semenovich Alferov: vospominaniya o zhizni мастера архитектуры* [Nikolay Semenovich Alferov: memories of the life of the master of architecture]. Yekaterinburg. Architecton. 2010. 112 p.
10. Desyatov V. G. *Konstantin Trofimovich Babykin. Biograficheskiy ocherk o zhizni мастера архитектуры* [Konstantin Trofimovich Babykin. Biographical essay on the life of the master of architecture] / V. G. Desyatov. Edition suppl. and corr. Yekaterinburg. Without. 2015. 144 p.
11. Dolgov A. V. *Derevyannoe zodchestvo Sverdlovskoy oblasti* [Wooden architecture of the Sverdlovsk region] / A. V. Dolgov; ed. by V. E. Zvagelskaya. Yekaterinburg. Socrat. 2008. 144 p. (Cultural heritage of the Sverdlovsk region).
12. *Dom doktora Syano – Dr. Xiano's house*. Yekaterinburg. Bank of Cultural Information. Series: National treasure of Russia. 2011. 144 p.
13. *Ekaterinburg. Enciklopediya – Yekaterinburg*. Encyclopedia. Yekaterinburg. 2002. 728 p.
14. Elagin G. *Zhizn' posvyashchayu gorodu* [I dedicate my life to the city]. Yekaterinburg. 2011. 312 p.
15. Zvangel'skaya V. E. *Eklektika v pamyatnikah architektury Sverdlovskoy oblasti* [Eclecticism in the monuments of architecture of the Sverdlovsk region] / V. E. Zvagelskaya. Yekaterinburg. Pre-press bureau "Henry Pushel". 2007. 160 p.
16. Zvangel'skaya V. E. *Modern v pamyatnikah architektury Sverdlovskoy oblasti* [Art Nouveau in the monuments of architecture of the Sverdlovsk region] / V. E. Zvagelskaya. Yekaterinburg. Pre-press bureau "Henry Pushel". 2008. 158 p.
17. Zvangel'skaya V. E. *Neoklassitsizm sovetskoj epohi v pamyatnikah architektury Sverdlovskoy oblasti* [Neoclassicism of the Soviet era in the monuments of architecture of the Sverdlovsk region] / V. E. Zvagelskaya. Yekaterinburg. Pre-press bureau "Henry Pushel". 2011. 160 p.
18. Zorina L. I., Slukin V. M. *Ulicy i ploshchadi starogo Ekaterinburga* [Streets and squares of old Yekaterinburg] / L. I. Zorina, V. M. Slukin. Yekaterinburg. Basco. 2005. 288 p.
19. Ivanova P. *Putevoditel' po Ekaterinburgu i Sverdlovsku* [Guide to Yekaterinburg and Sverdlovsk] / P. Ivanova. 2nd ed., add. Tver. Pareto-Print. 2017. 336 p.
20. Iovleva E. V. *Arhitekturnye sooruzheniya stalinskoj epohi kak znachimye ob'ekty Ekaterinburga* [Architectural structures of the Stalin era as significant objects of Yekaterinburg] / E. V. Iovleva // Prostranstva gorodskoj civilizacii: idei, problemy, koncepcii : mat-ly Mezhdunar. nauch. konf. (4–5 oktyabrya 2017 g.) – Spaces of urban civilization: ideas, problems, concepts : materials of the International Scientific Conference (October 4–5, 2017) / ed.-comp. Doctor of Architecture, Prof. L. P. Kholodova. Yekaterinburg. Urgakhu. 2017. Pp. 254–256.
21. Kaptikov A. Yu. *Barokko v pamyatnikah architektury Sverdlovskoy oblasti* [Baroque in the monuments of architecture of the Sverdlovsk region] / A. Yu. Kaptikov. Yekaterinburg. Pre-press bureau "Henry Pushel". 2011. 160 p.
22. Kashina I. A. *Osnovnye tipologicheskie ob'ekty architektury Sverdlovskogo avangarda* / I. A. Kashina // Ural industrial'nyj. Bakuninskie chteniya : materialy VI Vserossijskoj nauchnoj konferencii, 7 aprelya 2004 g. : v 2 t. – Ural industrial. Bakunin Readings : materials of the VI All-Russian Scientific Conference, April 7, 2004 : in 2 vols. Vol. 1. Yekaterinburg. AMB, 2004. Pp. 388–393.
23. Lemegov A. V. *Koncepciya razvitiya kompozicii centra Ekaterinburga v sovremennyh usloviyah* [The concept of the development of the composition of the Yekaterinburg center in modern conditions] / A. V. Lemegov // *Arhitektura i dizajn v sovremennom obshchestve: rossijskij opyt i mirovye tendencii : materialy Vseros. nauch. konf. (23–24 oktyabrya 2012 g.)* – Architecture and design in modern society: Russian experience and world trends : materials of the All-Russian Scientific Conference (October 23–24, 2012) / Ural State Architectural Arts. acad.; ed. board: S. P. Postnikov (Chairman), M. V. Puchkov (Deputy Chairman), etc. Yekaterinburg. Architecton. 2012. Pp. 131–134.
24. Lotareva R. M. *Goroda-zavody Rossii. XVIII – pervaya polovina XIX veka* [Cities-factories of Russia. XVIII – the first half of the XIX century]. Yekaterinburg. Socrat. 2011. 288 p.
25. Luk'yanin V., Nikulina M. *Progulki po Ekaterinburgu* [Walking in Yekaterinburg]. Yekaterinburg. Bank of Cultural Information. 1995. 240 p.
26. *Metallurgicheskie zavody Urala XVII–XX v. : enciklopediya – Metallurgical plants of the Urals of the XVII–XX century : encyclopedia*. Yekaterinburg. 2001.
27. Mokrousova A. V. *Vklad vypusknika "Bauhauz" v stroitel'stvo Socgorodka na Uralmashe* [Contribution of a Bauhaus graduate to the construction of a social town on Uralmash] / A. V. Mokrousova // *Sed'mye Tatishchevskie chteniya. Doklady i soobshcheniya – The seventh Tatishchev readings. Reports and messages*. Yekaterinburg, April 17–18, 2008 / ed. by S. P. Postnikov. Yekaterinburg. Institute of Foreign languages of UrO RAS. 2008. Pp. 190–193.
28. Postnikov S. P. *Ural'skoj arhitekturno-hudozhestvennoj shkole 50 let* [Ural architectural and art school 50 years] / S. P. Postnikov // *Prostranstva gorodskoj civilizacii: idei, problemy, koncepcii : mat-ly Mezhdunar. nauch. konf. (4–5 oktyabrya 2017 g.)* – Spaces of urban civilization: ideas, problems, concepts : materials of International Scientific Conference (October 4–5, 2017) / ed.-comp. Doctor of Architecture, Prof. L. P. Kholodova. Yekaterinburg. UrSAHU. 2017. Pp. 399–406.
29. Raskin A. M. *Klassitsizm v pamyatnikah architektury Sverdlovskoy oblasti* [Classicism in architectural monuments of the Sverdlovsk region] / A. M. Raskin. Yekaterinburg. Pre-press bureau "Henry Pushel". 2007. 160 p.

30. Raskin A. M. *Znamenitye usad'by Sverdlovskoj oblasti* [Famous estates of the Sverdlovsk region] / A. M. Raskin; Ministry of Culture of the Sverdlovsk region; Ural Architecture-Arts. akad.; ed. by A. A. Starikov. Yekaterinburg. Socrat. 2008. 144 p. (Cultural heritage of the Sverdlovsk region).
31. *Rossiya vysokaya: Istoriya vysotnogo stroitel'stva Rossii* – Russia is high: The history of high-rise construction in Russia. Yekaterinburg. TATLIN. 2014. 190 p.
32. *Svod pamyatnikov istorii i kul'tury Sverdlovskoj oblasti* – The Code of historical and cultural monuments of the Sverdlovsk region. Vol. 1. Yekaterinburg / ed. by V. E. Zvagelskaya. Yekaterinburg. Socrat. 2008. P. 5.
33. Skrobov S. V. *Usad'ba Redikorceva – Ipat'eva (arhitekturnoe opisanie istoricheskoy gorodskoj usad'by Ekaterinburga konca XIX – nachala XX v.)* [The estate of Redikortsev – Ipatiev (architectural description of the historical city estate of Yekaterinburg of the late XIX – early XX century)] / S. V. Skrobov // Ural industrial'nyj. Bakuninskie chteniya. Materialy V regional'noj nauchnoj konferencii, dekabr' 2002 g. – Ural industrial Bakunin readings. Proceedings of the V Regional Scientific Conference, December 2002. Yekaterinburg. Humanities University. 2003. Pp. 132–136.
34. Slukin V. M. *Dvorec Rastorguevyh – Haritonovyh* [Palace of the Rastorguevs – Kharitonovs] / V. M. Slukin. Yekaterinburg. Bank of Cultural Information. Series: National treasure of Russia. 2015. 128 p.
35. Smirnov L. N. *Konstruktivizm v pamyatnikah arhitektury Sverdlovskoj oblasti* [Constructivism in the monuments of architecture of the Sverdlovsk region]. Yekaterinburg. Pre-press bureau "Henry Pushel". 2008. 160 p.
36. Smirnov L. N. *Ekaterinburg: nasledie konstruktivizma* [Yekaterinburg. The legacy of constructivism]. Yekaterinburg. Pre-press bureau "Henry Pushel". 2009. 160 p.
37. Smirnov L. N. *Granicy "Sverdlovskogo konstruktivizma"* [The boundaries of "Sverdlovsk constructivism"] / L. N. Smirnov // *Prostranstva gorodskoj civilizacii: idei, problemy, koncepcii : mat-ly Mezhdunar. nauch. konf. (4–5 oktyabrya 2017 g.)* – Spaces of urban civilization: ideas, problems, concepts : materials of the International Scientific Conference (October 4–5, 2017) / ed.-comp. Doctor of Architecture, Prof. L. P. Kholodova. Yekaterinburg. UrSAHU. 2017. Pp. 299–303.
38. Smirnov A. S. *Stanovlenie arhitekтора Golubeva G. A. (1883–1949)* [The formation of the architect Golubev G. A. (1883–1949)] // *Arhitekton. Izvestiya vuzov* – Architecton. News of universities. 2005. No. 12.
39. Starikov A. A. *Ural'skoe zodchestvo XX veka i problemy dal'nejshogo razvitiya arhitekturnogo processa* [Ural architecture of the twentieth century and problems of further development of the architectural process] // *Ural'skaya provinciya v sisteme regional'nogo razvitiya Rossii: istoricheskij i sociokul'turnyj opyt : mat-ly Vseross. nauch. konf., posvyashchennoj 300-letiyu g. Kamenska-Ural'skogo* – Ural province in the system of regional development of Russia: historical and socio-cultural experience : materials of the All-Russian Scientific Conference dedicated to the 300th anniversary of Kamensk-Uralsky. Yekaterinburg. 2001. Pp. 13–18.
40. Starikov A. A. *Gorodskaya sreda i sovremennaya gradostroitel'naya politika Rossii* [Urban environment and modern urban planning policy of Russia] / A. A. Starikov // *Prostranstva gorodskoj civilizacii: idei, problemy, koncepcii : mat-ly Mezhdunar. nauch. konf. (4–5 oktyabrya 2017 g.)* – Spaces of urban civilization: ideas, problems, concepts : materials of the International Scientific Conference (October 4–5, 2017) / ed.-comp. Doctor of Architecture, Prof. L. P. Kholodova. Yekaterinburg. UrSAHU. 2017. Pp. 184–187.
41. Starikov A. A., Zvagal'skaya V. E., Tokmeninova L. I. *Ekaterinburg. Istoriya goroda v arhitekture* [Yekaterinburg. The history of the city in architecture]. Yekaterinburg. 1998.
42. Starikov A. A., Siminenko V. I., Pozdnikin V. M. *Znamenitye pamyatniki arhitektury Sverdlovskoj oblasti* [Famous architectural monuments of the Sverdlovsk region]. Yekaterinburg. 2007. 164 p.
43. Starkov V. I. *Pamyatniki arhitektury konstruktivizma v Ekaterinburge – nacional'noe dostoyanie Rossii* [Architectural monuments of constructivism in Yekaterinburg – the national treasure of Russia] / V. I. Starkov // *Sed'mye Tatishchevskie chteniya. Doklady i soobshcheniya. Ekaterinburg, 17–18 aprelya 2008 g.* – Seventh Tatishchev Readings. Reports and messages. Yekaterinburg, April 17–18, 2008 / ed. by S. P. Postnikov. Yekaterinburg. Institute of History and Archeology of Ural Branch RAS. 2008. Pp. 230–234.
44. *Tvorcy goroda* – Creators of the city. Yekaterinburg. Kommersant-Ural. 2016. 168 p.
45. Tokmeninova L. I. *Zhiloy kompleks NKVD* [NKVD residential complex]. Yekaterinburg. 2012.
46. Tokmeninova L. I. *Instituty fizioterapii i profzabolevanij* [Institutes of physiotherapy and occupational diseases]. Yekaterinburg. 2012.
47. *Ural: marshruty kul'tury* – Ural: cultural routes / ed. by I. N. Borisova. Yekaterinburg. Socrat. 2012. 324 p.
48. *Ural'skaya istoricheskaya enciklopediya* – Ural Historical Encyclopedia. 2nd ed., reprint. and add. Yekaterinburg. Akademkniga ; Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 2000. 640 p.
49. *Ural'skij gosudarstvennyj arhitekturno-hudozhestvennyj universitet : enciklopedicheskij slovar'* – Ural State University of Architecture and Art : Encyclopedic Dictionary / editor-in-chief V. A. Blinov. Yekaterinburg. Architecton. 2017. 472 p.
50. *Usad'ba Zheleznova* – The estate of Zheleznov. Yekaterinburg. Bank of Cultural Information. Series: National treasure of Russia. 2009. 96 p.
51. *Fotoal'bom "Ekaterinburg"* – Photo album "Yekaterinburg". Yekaterinburg. Alliance. 2013. 208 p.
52. Kholodova L. P. *Ural'skie territorii s pozicii prostranstva gorodskoj civilizacii* [Ural territories from the perspective of the space of urban civilization] / L. P. Kholodova // *Prostranstva gorodskoj civilizacii: idei, problemy, koncepcii : mat-ly Mezhdunar. nauch. konf. (4–5 oktyabrya 2017 g.)* – Spaces of urban civilization: ideas, problems, concepts : materials of the International Scientific Conference (October 4–5, 2017) / ed.-comp. Doctor of Architecture, Prof. L. P. Kholodova. Yekaterinburg. UrSAHU. 2017. Pp. 191–195.

53. Kholodova L. P., Shvec A. V. *Principy pereustrojstva arhitekturno-hudozhestvennogo oblika zdaniy Ekaterinburga v perekhodnye periody* [Principles of reconstruction of architectural and artistic appearance of buildings in Yekaterinburg in transition periods] / L. P. Kholodova, A. V. Shvets // *Prostranstva gorodskoj civilizacii: idei, problemy, koncepcii* : mat-ly Mezhdunar. nauch. konf. (4–5 oktyabrya 2017 g.) – Spaces of urban civilization: Ideas, problems, concepts : materials of the International Scientific Conference (October 4–5, 2017) / ed.-comp. Doctor of Architecture, Prof. L. P. Kholodova. Yekaterinburg. UrSAHU. 2017. Pp. 307–310.

54. Shipitsyna O. A. *Prostranstvenno znachimye territorii Ekaterinburga: scenarii razvitiya* [Spatially significant territories of Yekaterinburg: scenarios of development] / O. A. Shipitsyna // *Prostranstva gorodskoj civilizacii: idei, problemy, koncepcii* : mat-ly Mezhdunar. nauch. konf. (4–5 oktyabrya 2017 g.) – Spaces of urban civilization: ideas, problems, concepts : materials of the International Scientific Conference (October 4–5, 2017) / ed.-comp. Doctor of Architecture, Prof. L. P. Kholodova. Yekaterinburg. UrSAHU. 2017. Pp. 135–138.

ИСТОРИЯ В ДОКУМЕНТАХ

УДК 940.53/54

DOI: 10.25730/VSU.2070.21.039

«Пятая колонна» в Иране. Ликвидация прогерманских организаций в 1941–1945 гг. ЧАСТЬ I

В. В. Марковчин

кандидат исторических наук, профессор, Юго-Западный государственный университет,
Россия, г. Москва. E-mail: markovchin@yandex.ru

Аннотация. 25 августа 1941 г. советские и британские войска вступили на территорию Ирана. Это событие стало началом операции «Согласие», в ходе которой фактически в течение шести дней Советский Союз и Великобритания установили контроль над этой страной, длившийся вплоть до завершения Второй мировой войны. Это был сложный период в истории советско-иранских и британско-иранских отношений, на протяжении которого союзникам по антигитлеровской коалиции приходилось вести борьбу против германской агентуры на территории этой страны. Публикация вводит в оборот несколько ранее неизвестных документальных источников, полученных из архива Службы внешней разведки Российской Федерации, которые позволяют, с одной стороны, показать обоснованность проведения операции «Согласие», а с другой – масштабность активности германской агентуры и германофильских настроений среди истеблишмента страны. Представленные материалы представляют серию публикаций архивных документов, раскрывающих ранее неизвестные страницы деятельности советских, британских и нацистских спецслужб на территории Ирана в 1941–1945 гг.

Ключевые слова: Иран, Советский Союз, оккупация Ирана, история российской разведки, деятельность советских спецслужб, резидентура в Иране, Главное управление государственной безопасности НКВД СССР.

Операция «Согласие» (25 августа – 17 сентября 1941 г.) была осуществлена в соответствии с интересами стран антигитлеровской коалиции, противостоявших немецким планам на Ближнем Востоке в целом и на территории Ирана в частности.

Если для СССР такая мера означала безопасную доставку поступающих по ленд-лизу [8; 9] и другим программам поставки вооружений и боеприпасов, то для британцев она была также естественным продолжением предыдущего конфликта: несколькими месяцами ранее войска созданной Великобританией коалиции нанесли поражение иракским повстанцам, поддержанным силами стран оси после военного переворота, произошедшего 1 апреля 1941 г. Данные события стали возможны при участии представителей немецкого разведсообщества, работающего в Иране (как легально, так и нелегально), помимо всего прочего осуществлявшего координацию действий иракцев в ходе этих событий.

Причины ввода советских и британских войск на территорию Ирана и места этой операции в формировании стратегии союзников по антигитлеровской коалиции в ведении Второй мировой войны вплоть до настоящего времени продолжают оставаться дискуссионными. Автору настоящей статьи представляется весьма обоснованным утверждение о том, что Великобритания и СССР, принимая решение о проведении операции «Согласие», «руководствовались различными мотивами», что не помешало им договориться о единой политике в отношении Ирана. Важным также является вывод о том, что «правовая база для ввода войск СССР и Великобритании существенно различалась. <...> В отличие от СССР, у Великобритании не было никакого договора или соглашения, оправдывающего ввод их войск на территорию страны» [5; 7]. Данная согласованная акция диктовалась интересами стратегии СССР и Великобритании, которая все более приобретала коалиционный характер.

15 сентября правитель Ирана Реза-шах сложил с себя полномочия главнокомандующего вооруженными силами страны. На следующий день он отрекся от престола в пользу своего сына Мохаммеда Реза Пехлеви. В тот же день произошли еще два примечательных события – вступление советских и британских войск в Тегеран и выдворение из Ирана дипломатических миссий и советников Германии, Италии, Румынии, Венгрии и Болгарии [7]. Эта мера была нацелена на подрыв в стране влияния профашистских сил. Считалось, что она должна нанести удар по германской агентуре, однако эта задача полностью решена не была. Борьба разведок на территории Ирана продолжалась в течение последующих лет и порой приобретала довольно острый характер.

Публикация вводит в оборот несколько совершенно новых документальных источников, полученных из архива Службы внешней разведки Российской Федерации, с тем чтобы, с одной стороны, показать обоснованность осуществления операции «Согласие» в Иране, а с другой – масштабность германофильских настроений среди истеблишмента страны. И это несмотря на практически полную индифферентность абсолютной части иранского населения в отношении ведущейся в Европе войны [4]. Документы были подготовлены в период с 16 мая по 13 июня 1942 г. и носят однотипное название: «Об организации Кабуд».

Итак, основой публикации послужили три агентурных донесения, полученные органами безопасности Советского Союза от своих оперативных источников, работающих в составе советской резидентуры в Иране. Вполне понятно, что не только настоящее имя агента, но даже его агентурный псевдоним в документах опущен; изъятия из текста обозначены в виде квадратных скобок. Цитируемые документы оформлены в соответствии с нормами делопроизводства того времени, а также содержат основные признаки, характерные для такого рода материалов. Судя по расположению в соответствующем архивном деле, эти сообщения содержат первую информацию, которая посвящена непосредственно деятельности организации «Гизби Кабуд¹».

Одним из создателей этой организации выступил депутат иранского меджлиса Х. Новбахт, а также ряд его соратников, занявших прогерманскую позицию на волне отрицательного восприятия не только самого факта оккупации страны, но и заключения тройственного пакта между СССР, Великобританией и Ираном². Характерно, что «Голубая партия» действовала с соблюдением правил конспирации, что заметно отличало ее от других подобных партий.

Оперативный источник не только делится собственными ощущениями от встреч с Новбахтом и его сторонниками, но и получает (с обеих сторон) инструкции относительно линии поведения, которых следовало придерживаться во время встреч с ними. Учет данного обстоятельства необходим для понимания деталей представленных документов в их развитии.

16 мая 1942 года. [...]

«Младший лейтенант из авиации Хали Рахбари рассказывал, что в Тегеране существует фашистская организация, называемая «Гизби Кабуд». В эту организацию входят много офицеров. Организация «Гизби Кабуд» создана депутатами меджлиса, выступавшими в свое время против тройственного пакта. Организация ставит целью проведение подготовки к приходу немцев в Иран. Называется она «Кабуд» («Голубой») по той причине, что при утверждении в меджлисе договора с союзниками голосовавшие «против» депутаты опускали голубые карточки.

Примечание. Об организации «Гизби Кабуд» имеется информация источника [...], который вошел в таковую. Руководит организацией депутат меджлиса Новбахт.

Подробная справка об организации «Гизби Кабуд» направлена в центр³.

Дано задание источнику сблизиться с Хади Рахбари и попытаться подробно узнать об организации «Кабуд» [...] [1].

25 мая 1942 года. [...]

¹ В других материалах – «Хизби Кабуд».

² Тройственный пакт был подписан в Тегеране 29.01.1942 г. послами А. А. Смирновым (СССР) и Р. Буллэрдом (Великобритания), а также министром иностранных дел Ирана А. Сохейли. Документ предусматривал участие Ирана во Второй мировой войне на стороне государств антигитлеровской коалиции, а также содержал условия оставления территории страны двумя другими государствами.

³ Обобщенная справка об организации будет опубликована в следующих номерах журнала.

«11 мая 1942 года, в день заранее обусловленного свидания, я посетил депутата Новбахта. Последний от меня потребовал отчет о проделанной работе. Я его информировал, что уже мною намечено вовлечь в организацию 25 человек мастеров строительства, где работаю.

Новбахт заявил, что необходимо ускорить их оформление, причем порядок присяги изменен, а именно письменной присяги брать не требуется, достаточно будет устной.

Далее Новбахт дал мне следующий инструктаж:

1. Через членов ячейки выявить, какие в городе Тегеране существуют политические партии, их состав и деятельность. Особенно разузнать о настроениях «Туде⁴» и «Эдалет⁵».

2. Установить местожительство английских работников, взять их на учет и вести наблюдение, кто посещает их квартиры, так как эти места являются центром шпионажа. Новбахт заявил, что он опасается особенно англичан потому, что они проводят неясную политику в Иране, русских же он не опасается, так как их политика более ясна. Англичане – это акробаты, ведут обманную политику, их следует особенно остерегаться и быть готовым ко всему.

Спустя несколько минут после нашей беседы вошли двое неизвестных мне лиц, которые стали беседовать с Новбахтом по вопросу событий на фронте. Они высказывали свое мнение о том, что в случае, если немцы согласятся отдать туркам Иранский Азербайджан, Ирак и другие местности, ранее входившие в Турцию⁶, то последние выступят на их стороне, начав наступление на Кавказ. В этом случае в Иране развернутся большие события.

Примечание. 1. Последнее время [...] замечает, что Новбахт и другие участники организации стали сторониться его. Это он объясняет тем, что, возможно, они путем проверки узнали о его принадлежности к партии «Туде».

2. От [...] требуют активной деятельности, как то: вербовки новых членов, подготовки организации. Необходимо наше указание в этой части.

3. Деятельность организации «Кабуд» в случае ее активизации будет представлять опасность достаточно серьезную. Разработка будет происходить в целях последующих опер[ативных] мероприятий.

4. Дано задание [...], чтобы отвлечь подозрение Новбахта дать ему информацию об известных ему политпартиях в Тегеране» [1].

13 июня 1942 года. [...]

«В продолжение двух недель Новбахт меня не принимал, поэтому я его не посещал. В воскресенье 17 хордарда⁷ (7 июня) ко мне на работу пришел неизвестный мне человек и заявил, что в понедельник 18 хордарда (8 июня) в установленный час я посетил Новбахта, который принял меня у себя дома. В приемной комнате Новбахта находились два неизвестных мне лица (по виду рабочие), как видно ждали приема. Новбахт обратился ко мне и сказал, почему я не являюсь к нему и хорошо не выполняю данные им мне установки. Затем он дал мне следующее указание:

Немедленно через членов ячейки подобрать надежных людей – коим поручить собрать сведения об имеющихся в Тегеране полит[ических] партиях, их численности, участниках. Поручить этим людям войти в указанные партии и освещать их деятельность. Кроме этого, необходимо ежедневно собирать сведения о событиях, происходящих в стране, о деятельности союзников в Иране. Собрав эти сведения, ежедневно писать ему информации, подписывать их номером 545⁸, для того, чтобы был он уверен, что информация исходит от меня. Эти сведения через доверенного человека ежедневно направлять ему.

В ходе беседы, продолжавшейся около 15 минут, Новбахт заявил, чтобы я наблюдал за своими людьми (членами ячейки), изучал их, выявляя способность каждого для целесообразного использования.

Когда я вышел от Новбахта, в приемной его ждали около 12 человек, с виду похожих на рабочих.

⁴ Народная партия Ирана (НПИ, или Хезбе тудейе Иран; сокращенно Туде) – марксистско-ленинская партия, действовавшая в Иране с августа 1941 года. Являлась преемницей Иранской коммунистической партии.

⁵ Правильно «Адалат» (азерб. «Справедливость»), социал-демократическая партия иранских иммигрантов в Баку, основанная в 1916-м году. Во время Конституционной революции в Иране организация перенаправила фокус своей деятельности на Тебриз (Иранский Азербайджан).

⁶ Имеется в виду Османская империя.

⁷ На тот период времени в Иране применялся т. н. Зороастрийский календарь (Солнечная хиджра).

⁸ Условное обозначение источника информации. Применяется в целях конспирации.

Примечание. Новбахт является депутатом меджлиса, выступающим против тройственного пакта. Он организовал фашистскую партию под названием «Гизбе Кабуд» («Голубая партия»). Подробная справка послана в центр. Источник вошел в эту организацию, от него требуют активной работы. Так как источник не выполняет поручений Новбахта, к нему последнее время стали относиться с недоверием» [1].

Итак, уже первый месяц агентурной разработки «Гизбе Кабуд» показал, что недавно созданная организация ставит перед собой глобальные задачи. Помимо чисто националистических планов, в ее деятельности, несомненно, прослеживались и немецкие интересы, направленные, прежде всего, на превращение Ирана в новый фронт, направленный против противников Германии.

В этой работе «Голубая партия» будет не одинока – немецкий резидент Франц Майер (Рихард Август) параллельно занимался схожим проектом по созданию еще более мощной организации «Меллиун-Иран» [6]. И даже после его ареста представители немецких спецслужб не оставят попыток по созданию собственных организаций в интересах «иранского народа».

Список литературы

1. Архив Службы внешней разведки России (Архив СВР России). Д. 28211. Т. 1. С. 2–4.
2. Марковчин В. В., Магомедханов В. М. Иран 1941 года глазами нейтрального наблюдателя // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2020. № 2 (21). С. 149–158.
3. Марковчин В. В., Магомедханов В. М. Деятельность немецких спецслужб в Иране. 1941–1944 гг. // Вестник гуманитарного образования. 2020. № 2 (18). С. 49–55.
4. Марковчин В. В. Настроения в иранском обществе в связи с началом Великой Отечественной войны // Вестник гуманитарного образования. 2021. № 2. С. 107–113.
5. Марковчин В. В. Правнуки Барбароссы. Курск, 2016.
6. Рассекречены документы СВР после ввода советских войск в Иран. Тайна операции «Согласие». URL: <https://www.mk.ru/politics/2021/08/24/rassekrecheny-dokumenty-svr-posle-vvoda-sovetskikh-voysk-v-iran.html>.
7. Юнзблюд В. Т., Воробьева Т. А. Встречными курсами: Политика СССР и США на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке в 1939–1947 гг. Киров, 2014. 510 с.
8. Юнзблюд В. Т., Чучкалов А. В. США и ввод англо-советских войск в Иран в августе 1941 г. // США и Канада: экономика, политика, культура. 2010. № 4 (484). С. 81–92.
9. Юнзблюд В. Т., Чучкалов А. В. Политика США в Иране в годы Второй мировой войны. Киров, 2011.

The "fifth column" in Iran. Liquidation of pro-German organizations in 1941–1945. PART I

V. V. Markovchin

PhD in Historical Sciences, professor of Southern State University.
Russia, Moscow. E-mail: markovchin@yandex.ru

Abstract. On August 25, 1941, Soviet and British troops entered the territory of Iran. This event was the beginning of Operation Consent, during which, in fact, within six days, the Soviet Union and Great Britain established control over this country, which lasted until the end of World War II. It was a difficult period in the history of Soviet-Iranian and British-Iranian relations, during which the allies in the anti-Hitler coalition had to fight against German agents on the territory of this country. The publication introduces into circulation several previously unknown documentary sources obtained from the archive of the Foreign Intelligence Service of the Russian Federation, which allow, on the one hand, to show the validity of the operation "Consent", and on the other – the scale of the activity of German agents and Germanophile sentiments among the establishment of the country. The presented materials represent a series of publications of archival documents revealing previously unknown pages of the activities of Soviet, British and Nazi special services on the territory of Iran in 1941–1945.

Keywords: Iran, the Soviet Union, the occupation of Iran, the history of Russian intelligence, the activities of Soviet special services, residency in Iran, the Main Directorate of State Security of the NKVD of the USSR.

References

1. Archive of the Russian Foreign Intelligence Service (Archive of the FIS of Russia). D. 28211. Vol. 1. Pp. 2–4.
2. Markovchin V. V., Magomedhanov V. M. Iran 1941 goda glazami nejtral'nogo nablyudatelya [Iran of 1941 through the eyes of a neutral observer] // Zhurnal rossijskih i vostochnoevropejskih istoricheskikh issledovanij – Journal of Russian and Eastern European Historical Studies. 2020. No. 2 (21). Pp. 149–158.

3. Markovchin V. V., Magomedhanov V. M. *Deyatel'nost' nemeckih spetsluzhb v Irane. 1941–1944 gg.* [Activity of German special services in Iran. 1941–1944] // Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya – Herald of humanitarian education. 2020. No. 2 (18). Pp. 49–55.

4. Markovchin V. V. *Nastroeniya v iranskom obshchestve v svyazi s nachalom Velikoj Otechestvennoj vojny* [Moods in Iranian society in connection with the beginning of the Great Patriotic War] // Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya – Herald of Humanitarian Education. 2021. No. 2. Pp. 107–113.

5. Markovchin V. V. *Pravnuki Barbarossy* [Great-grandchildren of Barbarossa]. Kursk. 2016.

6. *Rassekrechenny dokumenty SVR posle vvoda sovetskikh voysk v Iran. Tajna operacii "Soglasie"* – The documents of the FIS were declassified after the entry of Soviet troops into Iran. The secret of Operation Consent. Available at: <https://www.mk.ru/politics/2021/08/24/rassekrechenny-dokumenty-svr-posle-vvoda-sovetskikh-voysk-v-iran.html>.

7. Yungblud V. T., Vorob'eva T. A. *Vstrechnymi kursami: Politika SSSR i SShA na Balkanah, Blizhnem i Srednem Vostoke v 1939–1947 gg.* [Counter courses: The policy of the USSR and the USA in the Balkans, the Near and Middle East in 1939–1947]. Kirov. 2014. 510 p.

8. Yungblud V. T., Chuchkalov A. V. *SSHA i vvod anglo-sovetskikh voysk v Iran v avguste 1941 g.* [The USA and the entry of Anglo-Soviet troops into Iran in August 1941] // USA and Canada: economics, politics, culture. 2010. No. 4 (484). Pp. 81–92.

9. Yungblud V. T., Chuchkalov A. V. *Politika SShA v Irane v gody Vtoroj mirovoj vojny* [U.S. policy in Iran during the Second World War]. Kirov. 2011.

Литературная музеефикация Югры: стадия, проблемы и перспективы развития

Е. А. Авдеева¹, А. П. Кашкарева²

¹кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры филологического образования и журналистики, Сургутский государственный педагогический университет.

Россия, г. Сургут. E-mail: ekat.avdeeva@mail.ru

²кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры филологического образования и журналистики, Сургутский государственный педагогический университет.

Россия, г. Сургут. E-mail: alena_kashkareva@mail.ru

Аннотация. В данной статье подробно рассматривается процесс и особенности литературной музеефикации Югры. Авторами обозначены причины позднего включения региона в указанный тип социальной практики, указываются проблемы репрезентации опыта этих учреждений в официальном музейном пространстве, представлена и прокомментирована динамика появления исследуемых объектов на литературной карте региона.

Особое внимание уделено музею М. А. Шолохова как первому литературному музею ХМАО, указана его роль, особенности функционирования в системе «вуз – музей – школа». В статье комментируется деятельность кабинета-музея Ювана Шесталова, общественного музея литераторов Конды, дома-музея Юрия Вэлы и др., сформулированы линии литературной самоидентификации региона. Интерес авторов вызывает трансляция сургутянами в пространство региона смыслового поля русской литературы через открытие музеефицированных объектов – залов А. С. Пушкина и Н. М. Рубцова. Авторы стремятся описать статус исследуемых объектов в Югре, выявить особенности их работы, описать проблемы в их деятельности. В работе указаны имеющиеся лакуны в культурном дискурсе и способах репрезентации литературных музейных объектов, соотнесены практики литературной музеефикации региона с требованиями современного музейного дела, дана оценка уровня их развития.

В процессе исследования применяются общенаучные методы систематизации, описания и классификации региональных литературных музейных объектов. Исследование строится на синхронистическом описании объектов, используются элементы структурно-функционального и аксиологического подходов.

Последовательное изучение интенций основателей литературных музеев Ханты-Мансийского автономного округа позволяет сделать вывод о стремлении югорчан к саморефлексии, необходимости в самоидентификации, приобщении к национальному культурному коду. Статья представляет интерес для исследователей в области культурологии, литературоведения, истории, а также может быть полезна специалистам, рассматривающим вопрос организации процесса обучения и воспитания в музее, описывающим особенности формирования музейных компетенций обучающихся средних и высших учебных заведений.

Ключевые слова: региональная литература, музеефикация, меморизация, литературный музей, социальная память.

Процесс появления на территории регионов музеев всегда связан с попытками осмысления человеком уникальности своего жизненного пространства, необходимостью установления культурной идентификации в условиях трансформации общественного сознания, то есть музеефикация территории становится своеобразным способом познания национальных ценностей, инструментом интерпретации специфики регионального культурного наследия.

В Приобье относительно недавно – только к концу XX века – ощутили настоящую потребность обозначить и всесторонне осмыслить свою культурную уникальность. Основное развитие музейного дела в Югре началось в 1990-х гг., так как в указанный период округ стал формально независимым. Сегодня культурный ландшафт Югры находится в стадии формирования. По данным официального портала «Музеи Югры» [10], в округе работают 148 му-

зейных объектов. Самые распространенные – краеведческие. Интересно, что среди музеев г. Сургута сотрудники онлайн-площадки не указали историко-культурный центр «Старый Сургут». Кроме того, ряд художественных галерей, выставочных центров в округе отнесены к краеведческим и не обнаруживают себя в перечне художественных, а некоторые выставочные пространства не индексируются (например, галерея современного искусства «Стерх» (г. Сургут)). При этом задача портала «Музеи Югры» – презентовать гостям культурный облик региона, предоставляя исчерпывающую и точную информацию. Таким образом, официальные сведения, разность ведомственных статусов музеев вносят фактические и смысловые неточности, что значительно обедняет объемы проводимой в округе работы, препятствует ее научному осмыслению. Невозможным становится системное исследование роли музеев региона, установление генетических связей музейных комплексов, объясняющих способы и формы их функционирования в общем пространстве культуры.

Похожий вывод можно сделать и относительно литературных музейных объектов. Их появление для российской литературной общественности прошло практически незаметно. Даже специалисты, осуществлявшие сбор информации для энциклопедии «Литературные музеи России» (отв. ред. Д. П. Бак), пропустили момент появления на территории региона этого вида институтов социальной памяти. По данным Е. А. Воронцовой, в Российской Федерации по состоянию на 2015–2016 гг. существовало более 900 литературных музейных объектов [3, с. 45]. При этом в ХМАО, даже с учетом расширенных поисков не только среди музеев, подведомственных Министерству культуры, но и среди музейных комнат, музеев при образовательных учреждениях, музеев при учреждениях культуры, частных музеев, музейных объектов, не обладающих самостоятельным статусом, авторами сборника, предназначенного для музеологов, специалистов в области филологии и истории, культурного туризма, литературные объекты не обнаружены. Предполагаем, что данный факт объясняется рядом объективных причин. Первая – недостаток официальной информации. На специализированном сайте «Музеи Югры» по настоящее время отсутствует раздел «Литературные», что, несомненно, вызывает вопросы, так как объекты этого профиля на момент разработки портала в регионе уже были. Другая причина, возможно, состоит в том, что Ханты-Мансийский автономный округ не подарил все еще стране авторов, чьи имена были бы включены в первый ряд отечественной словесности. Кроме того, поисковые запросы по ключевым именам, определяющим неповторимый облик литературы России, на наш взгляд, не привел разработчиков энциклопедии к ожидаемому результату – реальной ситуации в сфере музейного дела в регионе.

Принципиально важной задачей в данном аспекте становится выявление историко-культурной, эстетической и научной ценности литературных музейных объектов на территории ХМАО – Югры, включение их в контекст современной региональной культуры через понимание специфики линий музеефикации. Согласимся в определении общей тенденции развития литературных музеев, характерной и для пространства Югры, с исследователем А. Н. Балаш – постепенная трансформация «литературных музеев от музеев меморий к центрам, в которых литературные традиции, творчество конкретного писателя и его жизненный мир представляются как источник развития региональной и национальной культуры, межкультурных взаимодействий» [1, с. 162]. О проблемах литературной музеефикации говорится в целом ряде научных работ (Е. Н. Мастеница, Н. А. Никитина, В. И. Панов, В. И. Слободчиков, Б. В. Шапошников и др.), но следует отметить, что стадия, проблемы и перспективы развития литературной музеефикации в Югре не комментируются. В данной статье впервые описывается и история появления музейных объектов на литературной карте Югры, дается характеристика видов их деятельности, специфика функционирования.

Процесс литературной музеефикации в Югре начался в 2008 году и активно продолжается по настоящее время. Сегодня на территории округа имеется шесть оформившихся музеефицированных литературных объектов и два, находящихся в стадии становления. Динамика их появления отражена в таблице.

Таблица 1

2008	<i>Музей М. А. Шолохова</i> Расположение: Сургутский государственный педагогический университет. Не имеет самостоятельного статуса, не зарегистрирован, является учебной лабораторией вуза.
2014	<i>Кабинет-музей Ювана Шесталова</i> Расположение: Югорский государственный университет (г. Ханты-Мансийск). Входит в состав этнографического музея «Торум Маа».

Окончание табл. 1

2016	<i>Общественный музей литераторов Конды</i> Расположение: г. Урай. Входит в состав этноцентра «Силава».
2016	<i>Дом-музей Юрия Вэлли (Айваседы)</i> Расположение: село Варьёган Нижневартовского района. Входит в состав этнографического парка-музея с. Варьёган.
2017	<i>Уньюганская модельная библиотека семейного чтения им. Е. Д. Айпина</i> Расположение: поселок Уньюган Октябрьского района. Организация «Айпинских чтений». В фонд библиотеки переданы личные вещи ныне здравствующего автора. Начало процесса прижизненной музеефикации автора.
2019	<i>Пушкинский зал</i> Расположение: Центральная городская библиотека им. А. С. Пушкина (г. Сургут). Входит в состав Централизованной библиотечной системы г. Сургута.
2020	<i>Рубцовский зал</i> Расположение: Библиотека № 21 г. Сургута. Входит в состав Централизованной библиотечной системы г. Сургута.
2021	<i>Библиотека № 3 (Централизованная библиотечная система г. Сургута)</i> Присвоено имя П. А. Суханова, переданы несколько автографов текстов. Начата подготовка к созданию музея.

Музей М. А. Шолохова в Сургутском государственном педагогическом университете открылся 27 марта 2008 года и стал первым литературным музеем на территории Югры. Почетным гостем церемонии стал внук писателя, директор Государственного музея-заповедника М. А. Шолохова Александр Михайлович Шолохов, что придало статус и соответствующий масштаб событию.

Расположение первого югорского литературного музея в стенах вуза, особенности правового статуса наложили отпечаток на характер работы. К традиционным целям изучения жизни и творчества автора «Тихого Дона», распространению сведений о нем, научным и просветительским, добавились и цели научно-образовательные.

В вузовском музее среди экспонатов шолоховедческой коллекции можно найти и труды филологов, первыми обратившихся к комплексному изучению особенностей творчества автора, и многие последние монографии и периодические издания. В музее регулярно изучают актуальные номера журнала «Мир Шолохова», публикации «Вешенского вестника». В фондах представлены результаты последних масштабных научных проектов: издание рукописей «Тихого Дона», «Шолоховская энциклопедия», первое научное издание романа-эпопеи «Тихий Дон», первое научное издание романа «Поднятая целина». Посетители музея могут познакомиться с предметами казачьего быта, уникальными изданиями произведений М. А. Шолохова – классика русской литературы, копиями рукописей, различными информационными материалами, которые знакомят гостей музея-лаборатории с особенностями жизненного пути и творческой судьбы писателя. Ценными экспонатами в музее являются, например, копии сценария Н. Шенгеля «Поднятая целина» с правками М. А. Шолохова, сборник «Донские рассказы» 1929 г. в журнале «Роман-газета», первое отдельное книжное издание романа «Тихий Дон» (1947 г.), публикация рассказа «Судьба человека» (1958 г.). Экспонируются также фотографии последних событий в шолоховедении, представлены иллюстрации к произведениям, небольшие бюсты и другие малые скульптурные формы, посвященные М. А. Шолохову и его героям, собрана небольшая фалеристическая коллекция.

Культурно-образовательное пространство музея активно задействовано для проведения учебных занятий со студентами-филологами, творческих встреч, мастер-классов, общественных дискуссий о смыслах и сущности шедевров русской литературы и историко-литературном процессе, что способствует активизации внимания учащейся молодежи и горожан к центральным вопросам отечественной словесности.

Вместе с тем объективно существует и ряд проблем. Первая связана со статусом музея. Официально он является учебной лабораторией, а соответственно возникают трудности с доступностью, с возможностями обмена фондами, с презентацией собственного опыта, с финансированием. Статус учебной лаборатории не позволяет музею иметь штатные единицы руководителя и сотрудников. Поддержанием и развитием музея на общественных началах занимаются преподаватели кафедры филологического образования и журналистики, научные сотрудники лаборатории литературоведческих и лингвистических исследований. Ни

один из них не имеет опыта музейной работы или специального музейного образования – отсюда и ряд методологических проблем, связанных с организацией и функционированием музея.

Другие проблемы возникают в части обмена и обновления фондов, отсутствия регулярного финансирования. Еще одна трудность, обострившаяся в период пандемии, доступность широкой аудитории. Появилась потребность перевести экскурсионную работу в виртуальное пространство, усилить интерактивность музейных занятий с использованием новых технологий и предоставления свободного доступа аудитории к этим материалам.

Выбор для опыта первой литературной меморизации имени М. А. Шолохова, не связанного с Югрой, создателями музея был осознанным, порождающим диалог о сущности социальной памяти, рефлексии о смыслах, положенных в основу культурных объектов. Изучение артефактов и обстоятельств жизненного пути является важным для традиционного музея литературно-мемориального типа, конкурировать за достоверность артефактов с другими 12 шолоховскими музеями в России нет никакого смысла. Идеальный замысел основателей в другом – отразить основной пафос творчества, масштаб дарования личности автора и ценности, транслировавшиеся М. А. Шолоховым в публичном пространстве и художественном творчестве. В сочетании с научными интересами словесников СурГПУ (больше 15 лет возглавлял исследовательскую деятельность в этом направлении д.ф.н., профессор Ю. А. Дворяшин), с пониманием потребности культурной «стяжки» освоенного русского пространства и сибирского в сознании жителей региона, развернутый музеем общественный диалог о смыслах и задачах литературной музеефикации видится в целом продуктивным. Он вполне реализует задачи «формирования, функционирования и развития социокультурного пространства как в рамках отдельно взятого региона, так и государства в целом. Сочетая в себе документалистичность биографий творцов и их художественный замысел, литературный музей дает представление не просто о материальных фактах эпохи, в которой жили писатели и поэты, но и об их духовной жизни, отражающей самую суть окружающего социокультурного пространства» [12, с. 196], – как о том писала И. В. Родина. Уточним только, что в незаполненном, «чистом» пространстве литературный музей отвечает запросу общества, формируя и транслируя желаемые культурные ценности, выступает способом интеграции идей национального уровня в сферу местной культуры, создает не только автономность региона, но и единство со всей страной.

По похожему пути означения нравственных и эстетических скрепов с «большой землей» в Югре развиваются еще два музеефицированных объекта, два именных зала, принадлежащих МБУК «Централизованная библиотечная система г. Сургута». Это учреждение – крупное образование, в состав его входят Центральная городская библиотека им. А. С. Пушкина, Центральная детская библиотека, городские библиотеки № 2, 3, 4, 5, 11, 15, 16, 21, 23, 25, 30.

Свидетельством сознательного и последовательного движения Централизованной библиотечной системы г. Сургута к музеефикации стали следующие факты: в 1998 г. организована и проведена библиотекой и Пушкинским Домом выставка «Пушкин. Декабристы. Сибирь»; в 2001 г. в Сургуте введено в эксплуатацию новое здание Центральной городской библиотеки, на площади перед зданием был установлен памятник А. С. Пушкину; в 2002 г. Центральной городской библиотеке присвоено имя А. С. Пушкина, организовано ежегодное празднование Пушкинского дня России. В 2018 г. дан старт масштабному проекту «Литературные музеи в Сургуте», в задачах которого обозначены вхождение культурного наследия литературных музеев на новую территорию, доступность для каждого жителя города, стремление уравнивать «шансы на приобретение “качественного” культурного багажа» [6] сибиряка и жителя Центральной России. По утверждению авторов, «удаленность от культурных центров не должна становиться препятствием для интеллектуального развития человека» [6]. Библиотека сотрудничала с Орловским объединенным государственным литературным музеем И. С. Тургенева, несколько ранее проводила мероприятия совместно с Всероссийским музеем А. С. Пушкина и музеем-заповедником «Тарханы». Вся эта целенаправленная и плодотворная работа привела к тому, что в 2019 г. в главном корпусе Сургутской городской библиотеки был открыт Пушкинский зал, который стал первым региональным центром Музея Пушкина в Российской Федерации.

Руководитель ЦБС г. Сургута Н. В. Жукова определяет этот зал концептуально новым форматом библиотечного пространства. На открытии она признавалась: «После моего знакомства и общения с директором Всероссийского музея Пушкина в Санкт-Петербурге Сергеем Михайловичем Некрасовым стало очевидно, что просто открыть в библиотеке региональ-

ный центр Музея и не сделать его местом, в котором будут происходить постоянные, системные события (встречи, лекции, диспуты), было бы неправильным, недостаточным. И тогда возникло предложение организовать пространство, которое бы действовало на постоянной основе» [2]. Пространство Пушкинского зала подчеркнуто камерное, оформленное в современном смешении стилей: здесь и неоклассика, и поп-арт. Место рассчитано на встречи с заинтересованным и грамотным посетителем, равнодушным к слову и его судьбе. Эту задачу не массовой, а точечной работы создатели зала реализовали уже в первых мероприятиях. Так, к 220-летию поэта в зале открыли выставку «Водились Пушкины с царями», рассказывающую о предках и потомках А. С. Пушкина. Выставка копий портретов и документов из коллекции Всероссийского музея Пушкина (г. Санкт-Петербург) была поддержана лекцией о генеалогическом древе рода Пушкиных заведующей отделом «Медиацентр» Всероссийского музея А. С. Пушкина, кандидатом филологических наук И. В. Розиной. Еще одним событием стала публичная лекция доктора филологических наук, профессора Балтийской международной академии, члена жюри российской Национальной литературной премии «Большая книга» Е. А. Костина и презентация его новой книги «Пушкин: духовный путь поэта», центральная идея которой состоит в том, что Пушкин и наши писатели – основа национального генокода, именно они формируют неповторимый облик русского народа.

В 2020 г. в Сургуте городской библиотеке № 21 присвоено имя Н. М. Рубцова, открыт Рубцовский зал. Основу фондов и экспозиции составила коллекция сургутского собирателя и общественного деятеля С. А. Лагерева. Начиная с 1985 г. и на протяжении последующих лет, он собирал и бережно хранил документы и материалы, касающиеся биографии и творчества Н. М. Рубцова, организовал в городе деятельность рубцовского центра.

ЦБС г. Сургута в 2017 г. приобретено у собирателя более 400 документов на русском и иностранных языках, более 600 экземпляров периодических изданий, газетных и журнальных вырезок и более 800 фотографий. Среди уникальных экспонатов зала – первый машинописный поэтический сборник Н. М. Рубцова «Волны и скалы» (1962 г.), рукопись стихотворения «На вокзале», оригинальные фотографии, в том числе из архива друга поэта И. Серкова. Большая часть коллекции состоит из изданий библиографического, литературоведческого и мемуарного характера. В состав также входят сувенирная продукция с изображением поэта, копия его посмертной маски, работы художника В. Малыгина, портреты Рубцова кисти А. Овчинникова и малый бюст поэта, выполненный Н. Селивановым.

Создание Рубцовского зала уже учитывало опыт работы с Пушкинским. Зал открыт в небольшом филиале библиотеки. Для создания атмосферы музеефицированного объекта был проведен не только ремонт и архитектурное преобразование внутренних помещений, но изменена и часть фасада типового панельного здания. Директор библиотеки выразила надежду, что через приобщение к коллекции у сургутян и гостей города будет возможность открыть для себя тайну жизни и творчества поэта, тайну поэтического дарования, обрести новую площадку для коммуникации и социального проектирования.

Очевидно, что в Сургуте – крупнейшем муниципалитете округа – общественники осознанно движутся по пути наполнения города ценностями общенациональными, для чего избирают к музеефикации имена, неизменно связанные в сознании россиян с трансляцией патриотических идей, формируют в многонациональном и пестром промышленном городе русское смысловое пространство.

Это только одна из линий, которую выбрали в округе, работая с музейными объектами. Обозначим ее линией сохранения традиций русской литературы, глубинным интегрированием русской культуры в приобское пространство.

Другая линия меморизации и музеефикации связана с означением уникальных, самостийных традиций. И. А. Калашникова, зафиксировавшая появление музеев литературного профиля на территории Югры, справедливо пишет о том, что «внимание к региональной литературе, изучение творчества региональных писателей и формирование их образа в сознании населения как „своих“ писателей, представляющих „свою“ литературу, способствует созреванию культурного пространства территории. Оно позволяет поддержать культурное единство в условиях многонационального состава его жителей, связывает историю региона с его нынешним становлением, создает более четкие культурные границы региона» [4, с. 173]. Уникальность Югры в многонациональности: это место, в пределах которого соседствуют как коренные жители – ханты и манси, так и русские, украинцы, татары, башкиры, азербайджанцы, выходцы из Кавказа и Средней Азии и многие другие. В округе, в сравнении с Централь-

ной Россией, небольшое число памятников истории и культуры, а потому эти лакуны стремятся заполнить артефактами XX века, многие из объектов многообразно и противоречиво создаются здесь и сейчас. В ХМАО остро чувствуется потребность в прочном культурном фундаменте. В такой обстановке появление литературных музеев «своих» авторов свидетельствует о стремлении территории к саморефлексии. Активное формирование социокультурного пространства региона «влияет на восприятие территории ее жителями, а также гражданами своей страны и других государств» [13, с. 74–75], в музеях видят «не только достойную, но и интеллектуально нагруженную альтернативу традиционным местам проведения свободного времени. Такие культурные объекты притягивают в регион потоки туристов, положительно влияют на показатели экономического развития в целом <...> меняют имидж города, привлекая инвестиции и стимулируя развитие новых форм экономической активности» [13, с. 74–75].

Линию музеефикации региональной литературы открыл кабинет-музей Ю. Шесталова. Он работает со 2 октября 2014 г. и расположен в здании Югорского государственного университета (г. Ханты-Мансийск). Этот вуз и кабинет – последнее место работы первого профессионального мансийского писателя и поэта. На официальной странице музея сообщается: «В кабинете сохранилась подлинная обстановка, предметы, использовавшиеся на рабочем месте Юваном Шесталовым. Личные вещи, фото, документы, одежда, награды, предметы личного пользования отражают ключевые моменты формирования личности Ювана Шесталова, его проявления в различные годы жизни, его влияние на окружающий мир» [9]. Создатели музея видят его назначение не только в знакомстве с творчеством известного мансийского поэта, но и стараются приобщить посетителей к культурной жизни города. Музей проводит литературные гостиные, где желающие могут прочесть свои стихи и познакомиться с литераторами Югры, ежегодные литературно-музыкальные встречи «Когда заря с зарею сходится», посвященные дню рождения Ювана Шесталова, интерактивную программу «В гости к писателю» для детей от 7 до 17 лет, научно-практическую конференцию с международным участием «Шесталовские чтения». Сегодня музей-кабинет входит в состав этнографического комплекса «Торум Маа».

Осенью 2016 г. в городе Урае на базе этноцентра «Силава» открылся Общественный музей литераторов Конды. Инициатором его создания был поэт Андрей Тарханов. Здесь хранятся документальные материалы, фотографии, письма, воспоминания, первые издания книг и личные вещи выдающихся представителей ханты и манси. По данным портала «Хранители», коллекция музея в основном состоит из книг: «Есть часть личных вещей мансийской сказительницы Анны Митрофановны Коньковой. Ее “Сказки бабушки Аннэ”, рассказанная ей легенда о народном вожде “Вожак Ивыр” и роман-сказание “И лун медлительный поток” о жизни манси стали для Югры хрестоматийными. Есть личные записи этнографа и краеведа, покойной Ольги Александровны Кошмановой, которая рассказала нам о Лесбеге, поделилась местной легендой о Золотой Бабе, богине Сурэнь нэ, таежными сказками и былями, а еще собрала и опубликовала уникальные материалы по истории Кондинского края. Она вместе со своим супругом Анатолием Николаевичем Хомяковым в свое время очень помогла общине своими знаниями по этнографии и традиционным промыслам. Сегодня общине помогает поэт Алла Федоровна Копьева, и ее книги, конечно же, тоже есть в музее» [15]. К сожалению, официальный сайт центра не доступен. По-видимому, авторам проекта не удалось получить финансирование на эту часть работы. Хантыйский писатель Еремей Айпин признавался в интервью корреспонденту портала «СИА-Пресс», что «Силаве» многое нужно восстанавливать, что история югорской литературы уже понесла существенный урон, утратив документальное наследие первого прозаика-северянина Пантелея Еврина (Пантелеймона Чейметова), выпустив из вида научное наследие первой ученой из народа манси Матрены Вахрушевой [7].

24 мая 2017 г. Унъюганской модельной библиотеке семейного чтения присвоено имя Е. Д. Айпина. Они же являются организаторами конференции «Айпинские чтения» (2018, 2020 гг.) по исследованию творчества хантыйского автора. Сельской библиотеке самим писателем передана часть личных вещей. Сотрудниками этого учреждения намечено оформление музейной комнаты.

В обозначении своеобразия культуры, традиций и литературы ханты и манси в музейных пространствах регион заметно продвинулся. Очевидно, что тому способствует и одноименное название, и национальная политика, принятая в отношении коренных малочисленных народов Севера, и осознание, что именно это своеобразие мифологии, миропонимания, способа жизни привлекает и интригует гораздо больше, чем история нефтяного и газового промысла.

Несколько отстает в музейной репрезентации линия русскоязычной региональной литературы. Однако и здесь предприняты важные шаги к рождению нового литературного музея и конституированию присутствия «своей» русской литературы в Приобье. И снова движение в сторону русского культурного пространства осуществляется в Сургуте.

Усилия общественности здесь видны в отношении увековечения памяти поэта, члена Союза писателей России Петра Антоновича Суханова. При активной и всесторонней поддержке администрации города учреждения культуры, некоммерческие и образовательные организации (ЦБС г. Сургута, фонд «Словесность», Сургутский музыкально-драматический театр, Сургутская филармония, историко-культурный центр «Старый Сургут», Сургутский государственный педагогический университет) и ряд отдельных общественников в 2008 г. начали большую работу по меморизации имени известного сургутянина. В городе были изданы сборники автора: «Избранное», «Площадь света», «Прикосновение любви».

В 2012 г. в честь дня рождения П. А. Суханова учрежден ежегодный городской праздник День Поэта – единственный праздник подобного рода в стране. Его задачи шире исключительно мемориальных. Событие призвано объединить художников слова, литературных критиков, исследователей, культурную общественность. В рамках этого праздника ежегодно проводится открытый конкурс «Сухановская премия» среди поэтов и писателей, литературных критиков (уже в первом конкурсе приняли участие более 250 поэтов и писателей из 11 стран России и ближнего зарубежья), работают творческие мастерские, презентуются новые издания, спектакли и постановки, литературной основой которых стали произведения местных авторов. С 2017 г. с периодичностью раз в два года стала проходить научно-практическая конференция «Сухановские чтения».

В 2014 г. открыта мемориальная доска, украсившая дом, в котором жил поэт. Распоряжением администрации города Сургута 25 декабря 2020 г. одному из структурных подразделений МБУК «Централизованная библиотечная система», библиотеке № 3, присвоено имя Петра Антоновича Суханова. Интегративная функция в этой работе принадлежит городской библиотеке и ее сотрудникам. За последние 12 лет в городе прошел первый этап литературной музеефикации – увековечение памяти писателя и конституирование значимости и трудности поэтического труда. Вторым этапом должен стать поиск новых форм коммуникации с аудиторией, расширения просветительских задач, осмысления литературного наследия региона в целом. Справедливо отметила О. С. Крюкова в статье «Феномен литературного музея: отражение национальной и региональной идентичности», что «музеи <...> выполняют не только функцию мемориализации и музеефикации памяти о великих писателях – они являются средством репрезентации региональной, и национальной, и даже общеевропейской идентичности» [5, с. 597]. В данном контексте поэт Петр Антонович Суханов воспринимается югорчанами как певец земли сургутской, «летописец» душ жителей Сибири. Созвучны нашим и размышления тюменского критика Ю. Мешкова, который отмечал, что «поэтическое “я” Петра Суханова было вписано в “мы” поколения, делами покорявших пространство и время и ждавших новой яви» [11, с. 154].

Реализация идеи открытия музея П. А. Суханова близка к осуществлению. В честь очередного Дня Поэта в феврале 2021 г. родственники передали филиалу библиотеки № 3 многочисленные рукописи Петра Суханова, подарили отдельные личные вещи автора. В этом году централизованной библиотечной системой г. Сургута запланированы трансформация пространства филиала, его ремонт и техническое совершенствование помещений. В среде литературоведов города начаты исследования рукописей поэта.

Таким образом, в литературной музейной самоидентификации Югры намечены две линии: линия литературы коренных малочисленных народов Севера, то есть национальная литература региона (на хантыйском, мансийском языках), и линия русской литературы, которая, в свою очередь, дробится на две заметные группы – «большой» русской литературы и русской региональной литературы. Отметим, что и научное осмысление специфики региональной литературы Югры качественно совершенствуется. Результаты этой рефлексии и находят отражение в активной литературной музеефикации региона.

Каждая из магистралей важна для стабильного развития культуры региона. Литература коренных малочисленных народов Севера нуждается в восстановлении, сохранении и изучении. Она транслирует в округе смыслы традиционных верований, мифов народов, исконно проживавших в этой местности, рассказывает о сложном пути малых народов, вовлекаемых то в военные действия, то в политические столкновения, то в освоение и разорение богатств

Югорской земли. Она транслирует нередко «неудобные» взгляды на «мирное» освоение Сибири, стремится оградить систему национальных ценностей от чрезмерного влияния чуждой культуры, показать «человека естественного» в противостоянии с «человеком цивилизации».

Линия обозначения присутствия большой русской литературы на территории Югры прочерчивается общественным сознанием для освоения территории, трансляции в регионе основных ценностей русской литературной классики, русского народа в целом. Выбор персоналий для музеефикации, с одной стороны, традиционен – А. С. Пушкин, например, а с другой – отсылает к диалогу о смыслах создания институтов социальной памяти. Выбор имен «новых почвенников» – М. А. Шолохова и Н. М. Рубцова – отражает ценности местных жителей, литературоведов.

Безусловно, что местные музеефицированные литературные объекты этой линии не могут конкурировать с традиционными литературными музеями, возникшими «в результате попыток сохранения памяти, связанной с местом жизни, пребывания или смерти писателя и, следовательно, построенный на мемориях и типологических предметах эпохи» [8, с. 89], нацеленными «на сохранение и презентацию вещественного, материального окружения писателя» [8, с. 89]. Они уступают в части репрезентации артефактов, принадлежавших писателю, однако именно поэтому они вынуждены искать новые задачи и формы опыта, стремиться раскрыть значение творчества, транслировать основные смыслы созданных авторами художественных миров.

Возможно, именно тот факт, что у югорчан есть стремление к музеефикации памяти лиц, никогда на этой территории не бывавших, но транслирующих важнейшие национальные ценности русского народа, есть уникальный взгляд на задачи культурной памяти: единство национального кода.

Линия югорской литературной памяти о региональной русскоязычной литературе пока практически не представлена в формате музеев. Конечно, в культурном пространстве сделано многое и есть готовность к появлению первого музея, однако эта задача остается нереализованной.

Литературная музеефикация в Югре ускоренно проходит те же фазы эволюции, что и основные литературные музеи России. Музеи изучаемого профиля в ХМАО созданы по типу литературно-мемориальных и литературно-краеведческих. В округе отсутствуют историко-литературные музеи, музеи литературных произведений или литературных героев и музеи-метафоры. Некоторые югорские литературные музейные практики, только родившись, уже выглядят устаревшими, они слабо учитывают запросы молодого поколения на интерактивные и виртуальные формы взаимодействия, на впечатления и игру. Способы организации пространств не ориентируются на имеющийся запрос социальной адаптации, отсутствуют совместные проекты литературных музеев, что свидетельствовало бы о единстве музеев литературного профиля на территории округа.

Именно в задачах создания литературного кода Сургута и Югры, самоидентификации этого пространства сегодня возможно наиболее плодотворное взаимодействие музеев, библиотек, культурных центров, театров, филармоний, научной, педагогической и иной неравнодушной к слову общественности. М. С. Судовиков точно заметил, что результатами сотрудничества «институтов социальной памяти» «станутся более содержательные и полные реконструкции исторических событий, явлений культурной жизни прошлого, позволяющие находить новые смыслы при реализации научных, выставочных, издательских и информационно-образовательных проектов» [14, с. 204]. Как нам кажется, литературные музеи, существующие на территории округа в разных статусах, должны иметь в виду две тенденции, наметившиеся в дискурсе литературной социальной рефлексии Югры. Важно по-новому взглянуть и на признание собственного профиля, обозначить на региональном уровне собственные задачи, установить прочные, регулярные каналы коммуникации.

Таким образом, процесс литературной музеефикации Югры только начинает обретать уникальные черты, формируя социокультурный образ региона. Мемориальные, воспитательные, культурно-просветительские функции, определяющие форму и содержание работы литературных музейных объектов, становятся не только знаком региональной идентичности, но и порождают вопросы о смыслах музеефикации в целом. Приверженность северян идеалам, закрепившимся на страницах отечественной литературы, выступает очевидным маркером стремления стать неотделимой частью русского мира, преодолеть ситуацию «всеобщего обособления», разрыва связи времен. Трансляция уникальных черт региона через литературное творчество поэтов, писателей средствами музеев и музейных комплексов становится смыслообразующим вектором развития меморизации и музеефикации в культурном пространстве Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Список литературы

1. Балаш А. Н. Литературные музеи: новые дискуссии // Вопросы музеологии. 2020. Т. 11. № 2. С. 157–167.
2. В Сургуте появился Пушкинский зал. URL: <https://slib.ru/novosti/v-surgute-poyavilsya-pushkin-skij-zal> (дата обращения: 21.04.2021).
3. Воронцова Е. А. Литературные музеи в России в контексте культуры России: региональный аспект // Современные тенденции в развитии музеев и музееведения : мат. III Всероссийской науч.-практич. конф. (Новосибирск, 9–12 октября 2017 г.) / отв. ред. В. А. Ламин, О. Н. Шелегина, Г. М. Запороженко. Новосибирск : Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, 2017. С. 44–49.
4. Калашникова И. А. Литературный музей как элемент регионального культурного пространства // Современная регионалистика: традиционные подходы и новые направления : сб. ст. Всерос. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. юбилею д-ра. филол. наук, проф. Н. Н. Парфеновой, 29–30 сент. 2016 г. / Рос. гуманитар. науч. фонд, Бюджет. учреждение высш. образования ХМАО – Югры «Сургут. гос. пед. ун-т»; [редкол.: С. В. Галян и др.; отв. ред. Д. В. Ларкович]. Тюмень : Аксиома, 2016. С. 171–174.
5. Крюкова О. С. Феномен литературного музея: отражение национальной и региональной идентичности // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. 2019. № 2. С. 596–597.
6. Литературные музеи в Сургуте // Интернет-портал «Профи» муниципального бюджетного учреждения культуры «Централизованная библиотечная система» г. Сургута. URL: <http://cbs.slib.ru/kollegam/proektu/660-literaturnye-muzei-v-surgute> (дата обращения: 21.04.2021).
7. Мазнев А. Музей литераторов Конды в Силаве восстанавливает наследие малых коренных народов. URL: <https://siapress.ru/news/70904-muzei-literatorov-kondi-v-silave-vosstanavlivaet-nasledie-malih-korennih-narodov> (дата обращения: 21.04.2021).
8. Мастеница Е. Н. Литературный музей как модус современной культуры // Вестник СПбГУКИ. № 3 (32) сентябрь. 2017. С. 88–90.
9. Мемориальный кабинет-музей Ювана Шесталова. URL: <https://torummaa.ru/shestalov/> (дата обращения: 21.04.2021).
10. Музеи Югры – объединенный ресурс. URL: <http://www.hmao-museums.ru/> (дата обращения: 21.04.2021).
11. Мешков Ю. А. О поэтах хороших и разных: Очерки. Портреты. Заметки. Екатеринбург : Сократ. 2000. 224 с.
12. Родина И. В. Литературный музей как способ описания социокультурного пространства // Человек в мире культуры: культурное описание территории : мат. X Международного философско-культурологического симпозиума / отв. ред. А. В. Соловьев. 2015. Рязань : Концепция. С. 194–197.
13. Родина И. В. Реализация проекта «Литературный музей провинциальных писателей» в г. Касимове как фактор социально-экономического развития региона // Человеческие ресурсы как основа социально-экономического развития региона : мат. III HR-форума руководителей и специалистов в области управления персоналом, посвященного 100-летию РГУ имени С. А. Есенина / отв. ред. О. В. Василенкова, Е. А. Анисина. Рязань : Концепция, 2016. С. 73–75.
14. Судовиков М. С. Взаимодействие краеведческого музея с библиотеками и архивами в репрезентации исторического и литературного наследия региона // Трансформации музеев-библиотек-архивов и информационное обеспечение исторической науки в информационном обществе : сб. ст. по материалам научно-практического семинара. ИНИОН РАН, 21 февраля 2017 г. / авт.-сост. Е. А. Воронцова; отв. ред. И. В. Зайцев / ИНИОН РАН. М. : ИНИОН РАН, 2017. С. 200–204.
15. Этноцентр «Силава»: место у самого рая. URL: <https://хранителюродины.рф/Article?id=34295> (дата обращения: 21.04.2021).

Literary museification of Ugra: stage, problems and prospects of development

E. A. Avdeeva¹, A. P. Kashkareva²

¹PhD in Philological Sciences, senior lecturer of the Department of Philological Education and Journalism, Surgut State Pedagogical University. Russia, Surgut. E-mail: ekat.avdeeva@mail.ru

²PhD in Philological Sciences, senior lecturer of the Department of Philological Education and Journalism, Surgut State Pedagogical University. Russia, Surgut. E-mail: alena_kashkareva@mail.ru

Abstract. This article discusses in detail the process and features of literary museification of Ugra. The authors identify the reasons for the late inclusion of the region in this type of social practice, indicate the problems of representing the experience of these institutions in the official museum space, and present and comment on the dynamics of the appearance of the studied objects on the literary map of the region.

Special attention is paid to the M. A. Sholokhov Museum as the first literary museum of the KhMAO, its role and features of functioning in the "university – museum – school" system are indicated. The article com-

ments on the activities of the cabinet-museum of Yuvan Shestalov, the public museum of writers of Konda, the house-museum of Yuri Vella, etc., the lines of literary self-identification of the region are formulated. The authors are interested in the translation of the semantic field of Russian literature into the space of the region by the Surgut residents through the opening of museum objects – the halls of A. S. Pushkin and N. M. Rubtsov. The authors seek to describe the status of the studied objects in Ugra, to identify the features of their work, to describe the problems in their activities. The paper identifies the existing gaps in the cultural discourse and ways of representing literary museum objects, correlates the practices of literary museification of the region with the requirements of modern museum business, and assesses the level of their development.

In the process of research, general scientific methods of systematization, description and classification of regional literary museum objects are used. The research is based on a synchronistic description of objects, using elements of structural-functional and axiological approaches.

A consistent study of the intentions of the founders of the literary museums of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug allows us to conclude that the Yugorchans strive for self-reflection, the need for self-identification, and familiarization with the national cultural code. The article is of interest to researchers in the field of cultural studies, literary studies, history, and may also be useful to specialists considering the organization of the process of education and upbringing in a museum, describing the features of the formation of museum competencies of students of secondary and higher educational institutions.

Keywords: regional literature, museification, memorization, literary museum, social memory.

References

1. Balash A. N. *Literaturnye muzei: novye diskussii* [Literary museums: new discussions] // *Voprosy muzeologii – Questions of museology*. 2020. Vol. 11. No. 2. Pp. 157–167.
2. *V Surgute poyavilsya Pushkinskij zal* – Pushkin Hall appeared in Surgut. Available at: <https://slib.ru/novosti/v-surgute-poyavilsya-pushkinskij-zal> (date accessed: 04.21.2021).
3. Voroncova E. A. *Literaturnye muzei v Rossii v kontekste kul'tury Rossii: regional'nyj aspekt* [Literary museums in Russia in the context of Russian culture: regional aspect] // *Sovremennye tendencii v razvitii muzeev i muzevedeniya : materialy III Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Novosibirsk, 9–12 oktyabrya 2017 g.) – Modern trends in the development of museums and museology : materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference (Novosibirsk, October 9–12, 2017) / ed. by V. A. Lamin, O. N. Shelegina, G. M. Zaporozhchenko. Novosibirsk. Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 2017. Pp. 44–49.
4. Kalashnikova I. A. *Literaturnyj muzej kak element regional'nogo kul'turnogo prostranstva* [Literary museum as an element of regional cultural space] // *Sovremennaya regionalistika: tradicionnye podhody i novye napravleniya : sb. st. Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem, posvyashch. yubileyu d-ra. filol. nauk., prof. N. N. Parfenovoj, 29–30 sent. 2016 g.* – Modern regionalism: traditional approaches and new directions : collection of articles of the All-Russian Scientific Conference with international participation, dedicated to the anniversary of Dr. of Philol. Sciences, prof. N. N. Parfenova, September 29–30, 2016 / Russian Humanities. scientific fund, budget. institution of higher education of KhMAO – Yugra "Surgut. gos. ped. un-t"; [ed.: S. V. Galyan et al.; ed. by D. V. Larkovich]. Tyumen. Axioma. 2016. Pp. 171–174.
5. Kryukova O. S. *Fenomen literaturnogo muzeya: otrazhenie nacional'noj i regional'noj identichnosti* [The phenomenon of the literary museum: reflection of national and regional identity] // *Bol'shaya Evraziya: Razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo – Greater Eurasia: Development, security, cooperation*. 2019. No. 2. Pp. 596–597.
6. *Literaturnye muzei v Surgute* – Literary museums in Surgut // *Internet-portal "Profi" municipal'nogo byudzhetnogo uchrezhdeniya kul'tury "Centralizovannaya bibliotchnaya Sistema" g. Surguta* – The Internet portal "Profi" of the municipal budget institution of culture "Centralized library system" of Surgut. Available at: <http://cbs.slib.ru/kollegam/proekty/660-literaturnye-muzei-v-surgute> (date accessed: 21.04.2021).
7. Maznev A. *Muzej literatorov Kondy v Silave vosstanavlivaet nasledie malyh korenyh narodov* [The Museum of Writers of Konda in Silava restores the heritage of small indigenous peoples]. Available at: <https://siapress.ru/news/70904-muzej-literatorov-kondi-v-silave-vosstanavlivaet-nasledie-malih-korenyh-narodov> (date accessed: 21.04.2021).
8. Mastenica E. N. *Literaturnyj muzej kak modus sovremennoj kul'tury* [Literary Museum as a mode of modern culture] // *Vestnik SPbGUKI – Herald of SPbSUKI* No. 3 (32) September. 2017. Pp. 88–90.
9. *Memorial'nyj kabinet-muzej Yuvana Shestalova* – Memorial cabinet – Museum of Yuvan Shestalov. Available at: <https://torummaa.ru/shestalov/> (date accessed: 21.04.2021).
10. *Muzei Yugry – ob'edinennyj resurs* – Ugra Museums – united resource. Available at: <http://www.hmao-museums.ru/> (date accessed: 21.04.2021).
11. Meshkov Yu. A. *O poetah horoshih i raznyh: Ocherki. Portrety. Zametki* [About good and different poets: Essays. Portraits. Notes]. Yekaterinburg. Socrates. 2000. 224 p.
12. Rodina I. V. *Literaturnyj muzej kak sposob opisaniya sociokul'turnogo prostranstva* [Literary Museum as a way of describing the socio-cultural space] // *Chelovek v mire kul'tury: kul'turnoe opisanie territorii : materialy X Mezhdunarodnogo filosofsko-kul'turologicheskogo simpoziuma – A man in the world of culture: a cul-*

tural description of the territory : materials of the X International Philosophical and Cultural Symposium / ed. by A. V. Solovyov. 2015. Ryazan. Concepciya. Pp. 194–197.

13. Rodina I. V. *Realizaciya proekta "Literaturnyj muzej provincial'nyh pisatelej" v g. Kasimove kak faktor social'no-ekonomicheskogo razvitiya regiona* [Implementation of the project "Literary Museum of Provincial writers" in Kasimov as a factor of socio-economic development of the region] // *Chelovecheskie resursy kak osnova social'no-ekonomicheskogo razvitiya regiona : materialy III HR-foruma rukovoditelej i specialistov v oblasti upravleniya personalom, posvyashchennogo 100-letiyu RGU im. S. A. Esenina – Human resources as the basis of socio-economic development of the region : materials of the III HR Forum of managers and specialists in the field of personnel management, dedicated to the 100th anniversary of S. A. Yesenin Russian State University* / ed. by O. V. Vasilenkov, E. A. Anisina. Ryazan. Concepciya. 2016. Pp. 73–75.

14. Sudovikov M. S. *Vzaimodejstvie kraevedcheskogo muzeya s bibliotekami i arhivami v reprezentacii istoricheskogo i literaturnogo naslediya regiona* [Interaction of the museum of local lore with libraries and archives in the representation of the historical and literary heritage of the region] // *Transformacii muzeev-bibliotek-arhivov i informacionnoe obespechenie istoricheskoy nauki v informacionnom obshchestve : sb. st. po materialam nauchnoprakticheskogo seminar. INION RAN, 21 fevralya 2017 g. – Transformations of museums-libraries-archives and information support of historical science in the information society : collection of articles based on the materials of the scientific and practical seminar. INION RAS, February 21, 2017 / author-comp. E. A. Vorontsova; editor-in-chief I. V. Zaitsev. M. INION RAS. 2017. Pp. 200–204.*

15. *Etnocentr "Silava": mesto u samogo raya – Ethnocenter "Silava": a place near paradise.* Available at: <https://хранителиродины.rf/Article?id=34295> (date accessed: 21.04.2021).

«Сейчас у нас банковское рабовладение...»: пенсионеры Пермского края о банках, кредитах и займах

Н. А. Ширинкина

преподаватель кафедры культурологии и философии,
Пермский государственный институт культуры. Россия, г. Пермь.
ORCID: 0000-0001-7236-3431. E-mail: Zgll.ru@mail.ru

Аннотация. В статье делается попытка проанализировать процесс становления потребительских страхов в сфере банковских услуг у пенсионеров Перми и Пермского края (г. Кунгур). Информационной базой исследования служит серия полуструктурированных интервью с пенсионерами (первый этап исследования) и трудоспособными жителями Пермского края (контрольная группа – второй этап исследования). Анализ полевого материала, полученного в ходе исследования, показал, что пенсионеры, испытывая необходимость решать финансовые проблемы, возникающие у них в ходе жизнедеятельности, сталкиваются с ранее неизвестными им банками, финансовыми компаниями, формами и условиями кредитования. Опыт использования «социалистических кредитов» присутствует в коллективной памяти пенсионеров, но лишь как мифологизированный отголосок «прекрасной эпохи». При стабильной занятости, регулярной выплате заработной платы и отсутствии серьезных санкций за нарушение условий займа в советской практике кредитования можно видеть проявление заботы партии и правительства о советских трудящихся. Теперь займы регламентируют коммерческие банки, их правила прописаны юридическим языком и содержат санкции за нарушение договора. Политика предоставления банковских кредитов, микрофинансовых займов и иные финансовые услуги воспринимается пенсионерами не как возможности, а скорее наоборот – как препятствия для нормальной жизни. Альтернативой кредитов у пенсионеров является привычная и укоренившаяся практика «перезанять» у друзей или родственников и накопить. Природа страхов многослойна. Пенсионеры боятся не только кредитов, но и «чужого» языка заключения договора, который демонстрируется банковскими работниками (воспроизведение формул, заимствованных из *sale-book* иностранного банка). В российской глубинке, в силу социокультурной инерции, банки и другие финансовые организации воспринимаются как государственные институты. В высказываниях информантов прослеживается противоречие – с одной стороны, патерналистские настроения, диктующие высокий уровень ожиданий от государства, с другой стороны, обида на реальные практики государства и недоверие к финансовым институтам.

Ключевые слова: люди третьего возраста, страхи, культурная травма, социалистический кредит, банковские продукты, повседневные практики.

Финансовое поведение наших современников, в том числе и людей третьего возраста, за плечами которых целая эпоха, несет на себе отпечаток экономического развития нашей страны времен XX века. Они освоили основные правила «экономики дефицита» [5, с. 4]. В ходе становления современной рыночной экономики наши старшие современники переживают слом привычных культурных поведенческих стереотипов. В опривыченных объяснительных моделях происходят хозяйственные перемены и смена привычек финансового поведения. В этом процессе предполагается увидеть механизмы становления страхов в определенных культурных контекстах.

Респонденты, которые приняли участие в проведенном исследовании, входят в возрастную когорту 60–80 лет. Они выросли и социализировались в условиях советского хозяйствования. Социалистическая экономика была монетарной. Следовательно, «...денежные доходы поступают в домашнее хозяйство с перерывами; ритмичность этих поступлений может отличаться от сроков предстоящих платежей, в связи с чем необходимо иметь денежный запас. Подобный мотив действует в любой монетарной экономике. В качестве особенности дефицитной экономики к этому можно присовокупить затягивание процесса в результате ожидания и поиска, что, вероятно, стимулирует и увеличение денежных запасов» [5, с. 476–477].

Их социально активный возраст приходился на перестроечный период, где они столкнулись с распадом Советского Союза, сложной социально-экономической и политической ситуацией, связанной с переходом к рыночной экономике, которая положила начало истории современной кредитной системы в РФ. Однако фактически практики розничного кредито-

ния существовали в советской экономике и повседневной жизни советских людей. В СССР одним из самых распространенных видов кредитования текущих нужд населения являлась продажа товаров длительного пользования в рассрочку [11, с. 168]. Но в существующем виде кредиты вошли в нашу жизнь и закрепились в ней меньше двух десятилетий назад [6, с. 69].

«Социалистический кредит» создавался в интересах государственных предприятий. В преамбуле Постановления ЦК КПСС, Совета Министров СССР от 8 августа 1960 года N 851 «О мерах по дальнейшему улучшению торговли» прямо говорится: «...Объем розничного товарооборота за семилетку, исходя из намеченного роста товарных ресурсов и денежного дохода населения, увеличится на 62 процента...» [9]. Регулярный заработок, гарантированная занятость, низкие процентные ставки, простота оформления и отсутствие серьезных санкций за невыполнение кредитных обязательств – все это составляло практически идеальные условия для населения в период так называемого зрелого социализма [11, с. 179]. Теперь вопросами кредитования занимаются банковские структуры, которые выступают в роли посредника между покупателем и нужным товаром/услугой. Они выдвигают другие, не столь лояльные условия пользования заемными средствами: достаточно высокие проценты, залоговые поручители, кредитная история, коллекторские службы взыскания задолженностей и прочее.

Люди старших возрастных когорт опираются на прежний укорененный опыт и привычки. Патерналистские настроения и ностальгические переживания по ушедшей эпохе рожают недоверие и страх ко всему новому, ранее невиданному. В своем финансовом поведении они продолжают ориентироваться на позднюю советскую историю и перестроечный период. Пенсионеры боятся реальности и продолжают конструировать идеальное прошлое, с целью воспроизводства «понятных» и недвусмысленных практик в повседневной жизни.

Важно отметить, что возрастная структура населения России является регрессивной – на жителей старше 50 лет приходится 34 % общей численности населения [7, с. 139]. Таким образом, пенсионеры составляют значительную часть населения нашей страны, которая после выхода на пенсию сталкивается с определенным «выпадением» из общества, разрывом прежних устойчивых связей и кардинальным пересмотром жизненных ценностей и смыслов. Завершается длительный этап социально-активной жизни и начинается новый, который значительно отличается от предыдущего. Главными принципами нового этапа являются финансовая гибкость, цифровизация, постоянная смена привычного уклада жизни, поэтому от включенности в финансовые практики и умения обращаться с деньгами (знать законы их функционирования, преумножения, инвестирования) зависит их социальная активность, продуктивность и возможность жить в меняющемся мире. Процесс «выпадения» пенсионеров из активной социальной жизни становится социальной проблемой, которая влечет за собой появление дистанции между представителями третьего возраста и другими группами населения. Стереотипы, которые существуют вокруг образа пожилого человека, зачастую усугубляют его дистанцированность от ведения активного образа жизни. В данном контексте речь идет о том, что представители пожилого поколения «застряли» между двумя мирами – высокодуховным советским и высокотехнологичным информационным [8, с. 59]. Говоря о пассивной включенности пенсионеров в финансовые практики, можно предположить, что, с одной стороны, это связано с проблемой адаптации к быстроменяющимся социальным условиям, что актуализирует ностальгические переживания по «идеальным образам» из прошлого [3, с. 31], с другой стороны, существует проблема финансовой неграмотности этой возрастной группы [2, с. 2], вследствие чего рождается недоверие ко всем финансовым институтам государства и появление различного рода страхов. Рассмотрим их подробнее.

Информационную базу исследования составляют данные серии полуструктурированных интервью [4, с. 68] с пенсионерами Перми и Пермского края (г. Кунгур). Качественный метод исследования дает возможность погрузиться в контексты формирования потребительских практик, страхов, механизмы их функционирования в повседневной жизни информантов. Хронологические рамки исследования – с ноября 2017 по февраль 2019 г. В ходе исследования было опрошено 25 пенсионеров. Данное количество респондентов, по мнению ученых-обществоведов, является достаточным в рамках качественной традиции [16, с. 157]. Основанием для прекращения сбора интервью явилось информационное насыщение, то есть отсутствие приращения значимой информации. Другими словами, в исследовании применяется целенаправленная выборка. Содержательный смысл применения целенаправленной выборки заключается в отборе информационно богатых случаев (главный принцип) для их детального изучения. Анализ именно таких случаев дает возможности для всестороннего понимания исследуемых социальных явлений.

Отбор собеседников осуществлялся методом «снежного кома» (по рекомендации уже опрошенных). При формировании выборки в центре нашего внимания было стремление охватить людей, которые при переходе из второго возраста в третий столкнулись с необходимостью адаптироваться к новым условиям жизни, с требованием выработать для себя эффективные шаблоны поведения, частично трансформируя прежние поведенческие практики. Нам было важно зафиксировать момент преодоления, болезненной адаптации и вместе с этим рационализации тех жизненных ситуаций, в которых оказались эти люди.

Формируя выборку, мы учитывали гендерный аспект: среди наших собеседников примерно равное число мужчин (их 11 человек) и женщин (их 14 человек). Наши информанты – это жители Перми и Пермского края (10 человек – жители г. Перми, 15 человек – г. Кунгура). Возраст информантов от 60 до 80 лет. Среди них семь человек с высшим образованием, 12 человек со средним профессиональным образованием и шесть человек с начальным профессиональным образованием.

В ходе сбора первичной качественной информации мы обнаружили многочисленные повторения в оценках, суждениях, мнениях информантов, что, с точки зрения С. Квале, позволяет нам признать интервью валидными, не нуждающимися в количественном расширении.

Вопросы границ отнесения к третьему возрасту рассматриваются разными авторами [1; 10; 12; 15]. Мы в своем исследовании будем опираться на методику Росстата¹. К третьему возрасту будем относить людей, которые вышли на пенсию, оставили сферу профессиональной деятельности и изменили образ жизни в силу сложившихся обстоятельств.

Материалы исследования позволили обнаружить и сгруппировать потребительские практики и сопутствующие им страхи в несколько групп. Эта процедура проводится в силу того, что на поведение наших респондентов влияют различные группы факторов. Различные факторы порождают страхи различного характера. Первая группа страхов связана с продуктами питания [14, с. 425], вторая группа страхов охватывает плоды диджитализации современной жизни, а именно нарастающую роль техники и современных технологий в повседневности [13, с. 178]. И наконец третья группа страхов связана с кредитными практиками и банковскими продуктами, именно на ней мы и остановимся в этой статье.

Пенсионеры Перми и Пермского края (г. Кунгур) не являются однородной группой. Они различаются по состоянию здоровья, материальному благосостоянию, социальным связям, уровню активности, адаптации к новым жизненным обстоятельствам и так далее, а значит, имеют разные потребности, интересы, стратегии и тактики повседневной деятельности, включая потребительские практики, связанные с кредитами.

Можно предположить, что часть пенсионеров с недоверием и даже страхом относится к кредитам, у них нет практического опыта использования современных кредитных продуктов в прошлом. Данную фобию подкрепляют истории «кредитного рабства», транслируемые по телевидению и неформальным каналам получения информации, представителями которых выступают прежде всего близкие родственники и друзья. Отсюда, пенсионеры чаще негативно высказываются по поводу возможности использования кредитов, предпочитая им привычные практики «перезанять» и накопить денежные средства на необходимые нужды. Приведем несколько цитат.

Есть пословица... берешь чужие, а отдаешь-то – свои. Поэтому и Вам я советую никогда с кредитом не связываться. Никогда. Надо суметь обойтись. Но не лезть в эту петлю. Как только вы залезли – все, это как удавочка. Она душит. (М., 79 л., в. обр., г. Пермь).

Не надо в кредиты. Кредиты – это банковское рабство. Сейчас у нас банковское рабовладение. Мы все, почти все население работает на банки. А банк – это главный спекулянт. Они ведь ничего не производят. Они только печатают деньги. И тебе дают под проценты. Ни в коем случае. Только откладывать, откладывать, откладывать, откладывать. (М., 66 л., в. обр., г. Пермь).

Практики взаимодействия с банковскими структурами все сильнее укореняются в повседневной действительности и вынуждают пенсионеров встраиваться в новый, сложный для них процесс. Сложность состоит в том, что бывшие советские граждане раньше действовали по другим сценариям поиска недостающих сумм, а именно – обращались за помощью к

¹ Согласно этой методике, взрослое население, которое вышло за границы трудоспособного возраста (с 55 лет для женщин и с 60 лет для мужчин), имеет разделение по полу и возрасту на три группы: 60–74 года (пожилые), 75–89 лет (старые люди), 90 лет и более (долгожители) [Приказ Росстата].

родным, близким, друзьям. Подобные займы регламентировались неформальными правилами (обычаи, социальные и культурные нормы). Теперь, чтобы получить финансовые ресурсы, необходимо действовать иным образом. Непринятие новых реалий запускает механизм воспроизводства опыта прошлой советской жизни и обращения к уже знакомым и укоренившимся займам. Только теперь эти займы раздают микрофинансовые организации и другие финансовые учреждения. Это порождает много ошибок, поэтому та часть информантов, которые имели подобный опыт, отзываются об этом негативно и отказываются от перспективы повторного обращения к подобным практикам в будущем.

Кредит... я вообще кредит терпеть не могу. Вот сейчас с машиной Витя в кредит застал... Не спится. Черт его знает. Щас «ВТБ 24» прилипает, там долги у них и че с ними будет щас? А я как раз там. Как дадут по репе, глаза вылетят. (М., 68 л., ср. обр., г. Кунгур).

Я бы отказалась. А зачем мне это надо? Во-первых, там проценты большие. Вот у меня соседка, она че-то хоть и на пенсии, она вечно что-то в кредит. Но вроде образованный человек, она биолог. И завучем даже в школе работала. Сначала ведь проценты огромные выплачивают, а потом уже сумму. А я в этих махинациях знаю и поэтому не берусь. (Ж., 75 л., ср. обр., г. Пермь).

Кроме официальных банков многие из респондентов лично либо через близкое окружение сталкивались с микрофинансовыми организациями, которые процветают в современном российском обществе. Пенсионеры и молодежь для них – основная целевая группа. Данные организации уже успели обрасти негативными отзывами. У пенсионеров эти истории вызывают страх и опасения. Нельзя оставлять без внимания тот факт, что респонденты хорошо знакомы с быстрыми займами. Чаще они ссылаются на опыт знакомых и близких. Можно предположить, что в силу некомпетентности и простоты люди третьего возраста, кому довелось столкнуться с микрофинансовыми организациями, сознательно скрывают этот факт от широкого круга людей, чтобы избежать порицания, поэтому часто либо искажают временные рамки событий и переносят их в далекое прошлое, либо делают главными героями этих историй других людей.

Если такую покупку какую-то делаем, то надо заранее планировать, а то что влезать в кабалу... я уже один раз влез. Ну решили, взяли деньги в банке. И че ты думаешь? Под 180 %!!! Сейчас 17–19 %, где-то так. Но тогда-то этого не было, банк один был. Банк знает, что у народа нету денег, а прижимают крепко! Короче, 2 000 100 она стоила, а выплатили мы около 4 000 000!!!! Вот эта кабала у меня до сей поры вот здесь!!!! Я больше никаких вот таких микрозаймов, провались!!! Но больше я брать не буду.

Сейчас вот молодежь вот все на этих кредитах крутится! Ну это же голова распухнет!!! Одобрели, надо заплатить!!! Еще надо думать, что-то оставить, вот. Ой это надо тут тоже думать, куда влазишь! (М., 65 л., ср. обр., г. Кунгур).

Мы видим, что наша гипотеза находит свое подтверждение. Вот еще несколько цитат.

Да-да-да. Я это слышала, да, слышала. У меня приятельница, она в Нытве живет. Также как-то так не может своими деньгами. Но она один раз только взяла и поняла, что такое. Потому что потом проценты так натикали, что ей пришлось намного больше платить. (Ж., 75 л., ср. обр., г. Пермь).

Нет! Я таким не пользуюсь никогда! У меня была знакомая заведующая, которая взяла такой микрокредит, и она, мне кажется, по жизни будет выплачивать, потому что бездумно взяла. Я уже будучи, когда она у меня работала, она залетела так, что у нее там проценты и идут, и идут, и идут, она выплачивать не могла, и уже и приходили коллекторы и прочее. (Ж., 60 л., в. обр., г. Кунгур).

Давайте проверим, какую роль играет возраст в формировании страхов, связанных с кредитами, и можно ли их рассматривать как культурную константу. Для этого возьмем контрольную группу из представителей второго возраста (от 30 до 55 лет).

С целью изучения практик потребления на предмет страхов у представителей второго возраста был проведен второй этап исследования (с января по июнь 2019 года). Метод исследования – полуформализованное интервью. Среди респондентов 7 мужчин и 13 женщин. Наши информанты – это жители Перми и Пермского края (г. Пермь – 8 человек, г. Кунгур – 12 человек) в возрасте от 32 до 49 лет, 15 человек с высшим образованием, четыре человека со средним профессиональным образованием и один человек с начальным профессиональным образованием.

Исследование показало, что люди второго возраста отличаются от пенсионеров в первую очередь активным образом жизни, множеством социальных ролей, разнообразием

повседневных практик, включая досуговые. Люди второго возраста имеют работу, включены в общественную жизнь, если не напрямую, то через своих детей, друзей, коллег. Они, по собственному признанию, вынуждены разрываться между домом и работой (то, что ученые-обществоведы называют межролевым конфликтом), все успевать (не только зарабатывать деньги, но и тратить). Их повседневная жизнь отличается высоким ритмом, большей маневренностью, мобильностью, самостоятельностью и независимостью принимаемых решений, высокой интенсивностью социальных взаимодействий, можно смело сказать, что у них нет недостатка в общении. Но, несмотря на то, что потребительская активность представителей второго возраста значительно выше, потребительские страхи проявляются с той же интенсивностью, что и у пенсионеров.

Кредиты и ипотеки – большая тема у представителей второго возраста. Однако здесь респонденты трезво оценивают, понимают все риски и ответственность, которая на них ложится вместе с заемными средствами. Многие из информантов говорят о невозможности обзавестись жильем и другими дорогостоящими товарами, не прибегая к помощи финансовых учреждений. Однако делают они это неохотно и только в крайних случаях. Если есть альтернативное решение в виде «перезанять у родственников» или накопить, то банковские услуги игнорируются полностью. Приведем несколько цитат.

Это все же нажива, банки просто грабят народ с этими кредитами. Проценты вообще заоблачные. Люди потом попадают в такую кабалу, что просто из нее не вылезть. Это раньше были ростовщички, я вот так считаю сейчас, никуда ничего не поменялось. (М., 38 л., ср. обр., г. Кунгур).

Кредиты честно – тьфу, тьфу, тьфу – я не пользовался. Зачем? Там такие проценты, да это фишня все, да там проценты конские, поэтому я не ведусь на это. Раньше пришел – в долг дал, расписку взял, это все неофициально, ты мог по башке получить, а сейчас они официально могут по башке дать и квартиру забирать, и машину. (М., 43 г., в. обр., г. Пермь).

Да, если честно, я шел за ипотекой с таким чувством, как будто надо тебе что-нибудь очень грязное, противное, вонючее убрать. Если вот где-то, например, собака накакала, ты противишься, морщишься, надеваешь перчатки, идешь убираешь. За ипотекой я шел примерно с таким же настроением. (М., 39 л., в. обр., г. Пермь).

Исследование показало, что страхи, связанные с кредитами, присутствуют и у респондентов контрольной группы. За страхами представителей второго и третьего поколения стоит недоверие ко всем институтам, призванным организовать общественную жизнь, и, в конечном итоге, недоверие к государству в целом. Однако можно заметить, что представители второго возраста более толерантно и осознанно подходят к вопросам кредитования. Они хорошо владеют инструментами сбора и анализа информации, в большинстве случаев умеют отличать правдивые факты от фонового потока ложной информации.

Рассмотрев одну из форм потребительских страхов людей третьего возраста, можно сделать вывод, что банковские кредиты и иные финансовые услуги воспринимаются пенсионерами не как возможности, а скорее наоборот, как препятствия для нормальной жизни, в которой теперь, по мнению опрошенных, нет «возможности заработать». А деньги нужны, так как нужно решать текущие задачи жизнеобеспечения. Тем более что возможности купить автомобиль, готовую квартиру, мебель, бытовую технику и тому подобное теперь очень малы. Именно товарное изобилие, разнообразие продуктов, предлагаемых современной экономикой, их высокое качество, престижность обладания множеством красивых, удобных и полезных вещей подталкивает наших собеседников к поиску доступных денег. Но прибегнув хоть раз к помощи кредитных организаций, пенсионеры сталкиваются с шокирующим опытом, который связан с высокими переплатами, скрытыми процентами и двусмысленными условиями договоров. Тут же возникает пассивное, отчужденное отношение к кредитам и неготовность адекватно воспринять и интерпретировать экономический эффект от них. Кроме того, свой отпечаток накладывает финансовая неграмотность данной возрастной группы. Альтернативой кредитов у пенсионеров является привычная и укоренившаяся практика «перезанять» у друзей или родственников и накопить.

Природа страхов многослойна. Пенсионеры боятся не только кредитов, но и недостоверности информации, которая предоставляется банками, они не доверяют этим финансовым учреждениям. И, как следствие, отсутствует доверие ко всем финансовым институтам государства. Отсюда в речи респондентов часто используются слова махинация, обман, петля, а банк воспринимается как рабовладелец.

Однако говорить о полной безучастности пенсионеров при взаимодействии с банковскими учреждениями не приходится. Поверхностное освоение банковских продуктов пенсионерами все же произошло. Это проявляется в первую очередь в том, что треть информантов получают пенсию на банковскую карточку, некоторые из респондентов хранят свои сбережения в банках (на книжках), трезво оценивая выгоду таких вложений. Эта группа пенсионеров более гибкая и мобильная. В будущем исследовании нам предстоит выяснить, какими социокультурными особенностями они обладают, что помогает им лучше адаптироваться к новым социальным условиям.

Список литературы

1. Альперович В. Д. Проблемы старения: Демография, психология, социология. М. : Астрель : АСТ, 2004. 352 с.
2. Белехова Г. В., Барсуков В. Н. Финансовая грамотность пенсионеров и предпенсионеров: особенности и проблема доверия (на примере регионов северо-западного федерального округа) // Социальное пространство. 2020. Т. 6. № 4. 16 с.
3. Зборовский Г. Е., Широкова Е. А. Социальная ностальгия: к исследованию феномена // Социологические исследования. 2001. № 8. С. 31–34.
4. Квале С. Исследовательское интервью. М. : Смысл, 2003. 301 с.
5. Корнаи Я. Дефицит. М. : Наука, 1990. 612 с.
6. Кузина О. Е. Финансовая грамотность россиян (динамика и перспективы) // Деньги и кредит, 2012. С. 68–72.
7. Кузин С. И. Старение населения: социально-экономический аспект // Вестник ун-та. 2018. № 3. С. 137–143.
8. Кузинер Е. Н. Современный образ пожилого человека: социологический аспект / Международный научно-исследовательский журнал. № 11 (65). Ч. 1. Ноябрь, 2017. С. 58–61.
9. Постановление Центрального комитета КПСС, Совета Министров СССР от 8 августа 1960 г. N 851 О мерах по дальнейшему улучшению торговли. URL: <https://docs.cntd.ru/document/765712511> (дата обращения: 15.05.2021).
10. Миннигалеева Г. А. Социальная политика в отношении людей «третьего возраста» в России и за рубежом // «Психология зрелости и старения» – весна. 2004. № 1 (25). 120 с.
11. Твердюкова Е. Д. Продажа товаров в рассрочку как вид потребительского кредитования в СССР (конец 1950-х – 1980-е гг.). Российская История, январь (1), 2017. С. 168–180.
12. Холостова Е. И. Стратификация возраста и активное старение // «Психология зрелости и старения» – зима. 2003. № 4 (24). С. 17–24.
13. Ширинкина Н. А. Как «сотик» здоровью вредит: пенсионеры Пермского края и новые технологии // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 3 (46). С. 176–181.
14. Ширинкина Н. А. Анализ социальных страхов современных пенсионеров (на примере практик потребления продуктов питания) // Идеи и идеалы. Т. 12. № 3. Ч. 2. 2020. С. 425–439.
15. Яцемирская Р. С., Беленькая И. Г. Социальная геронтология. М. : Владос, 1999. 202 с.
16. Miller D. C., Salkind N. J. Handbook of research design and social measurement; London. New Delhi: Sage. 2002.

"Now we have bank slavery...": pensioners of the Perm Region about banks, loans and loans

N. A. Shirinkina

lecturer of the Department of Cultural Studies and Philosophy,
Perm State Institute of Culture. Russia, Perm. ORCID: 0000-0001-7236-3431. E-mail: Zgll.ru@mail.ru

Abstract. The article attempts to analyze the process of formation of consumer fears in the field of banking services among pensioners of Perm and Perm Krai (Kungur). The information base of the study is a series of semi-formalized interviews with pensioners (the first stage of the study) and able-bodied residents of the Perm Region (the control group is the second stage of the study). The analysis of the field material obtained in the course of the study showed that pensioners, feeling the need to solve financial problems that arise in their course of life, face previously unfamiliar banks, financial companies, forms and conditions of lending. The experience of using "socialist loans" is present in the collective memory of pensioners, but only as a mythologized echo of the "beautiful era". With stable employment, regular payment of wages and the absence of serious sanctions for violating the terms of the loan, the Soviet lending practice can be seen as a manifestation of the concern of the party and the government for Soviet workers. Now loans are regulated by commercial banks, their

rules are written in legal language and contain sanctions for violation of the contract. The policy of providing bank loans, microfinance loans and other financial services is perceived by pensioners not as opportunities, but rather on the contrary - as obstacles to normal life. An alternative to loans for pensioners is the usual and ingrained practice of "re-borrowing" from friends or relatives and saving up. The nature of fears is layered. Pensioners are afraid not only of loans, but also of the "foreign" language of the conclusion of the contract, which is demonstrated by bank employees (reproduction of formulas borrowed from the sale-book of a foreign bank). In the Russian outback, due to sociocultural inertia, banks and other financial organizations are perceived as state institutions. There is a contradiction in the statements of the informants – on the one hand, paternalistic sentiments dictating a high level of expectations from the state, on the other hand, resentment at the real practices of the state and distrust of financial institutions.

Keywords: people of the third age, fears, cultural trauma, socialist credit, banking products, everyday practices.

References:

1. Al'perovich V. D. *Problemy stareniya: Demografiya, psihologiya, sociologiya* [Problems of aging: Demography, psychology, sociology]. M. Astrel : ACT. 2004. 352 p.
2. Belekhoval G. V., Barsukov V. N. *Finansovaya gramotnost' pensionerov i predpensionerov: osobennosti i problema doveriya (na primere regionov severo-zapadnogo federal'nogo okruga)* [Financial literacy of pensioners and pre-retirees: features and the problem of trust (on the example of the regions of the North-Western Federal District)] // *Social'noe prostranstvo – Social space*. 2020. Vol. 6. No. 4. 16 p.
3. Zborovskij G. E., Shirokova E. A. *Social'naya nostalg'iya: k issledovaniyu fenomena* [Social nostalgia: to the study of the phenomenon] // *Sociologicheskie issledovaniya – Sociological research*. 2001. No. 8. Pp. 31–34.
4. Kvale S. *Issledovatel'skoe interv'yu* [Research interview]. M. Smysl (Sence). 2003. 301 p.
5. Kornai Ya. *Deficit* [Deficits]. M. Nauka (Science). 1990. 612 p.
6. Kuzina O. E. *Finansovaya gramotnost' rossiyan (dinamika i perspektivy)* [Financial literacy of Russians (dynamics and prospects)] // *Den'gi i kredit – Money and credit*. 2012. Pp. 68–72.
7. Kuzin S. I. *Starenie naseleniya: social'no-ekonomicheskij aspekt* [Population aging: socio-economic aspect] // *Vestnik un-ta – Herald of the university*. 2018. No. 3. Pp. 137–143.
8. Kuziner E. N. *Sovremennyy obraz pozhilogo cheloveka: sociologicheskij aspekt* [The modern image of the older person: a sociological aspect] // *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal – International research journal*. No. 11 (65), part 1, November 2017. Pp. 58–61.
9. The resolution of the Central Committee of the CPSU, the Council of Ministers of the USSR dated August 8, 1960 851 On measures for further improvement of the trade. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/765712511> (date accessed: 15.05.2021) (in Russ.).
10. Minnigaleeva G. A. *Social'naya politika v otnoshenii lyudej "tret'ego vozrasta" v Rossii i za rubezhom* [Social policy towards people of the "third age" in Russia and abroad] // *"Psihologiya zrelosti i stareniya" – vesna – "Psychology of maturity and aging" – spring*. No. 1 (25). 2004. 120 p.
11. Tverdyukova E. D. *Prodazha tovarov v rassrochku kak vid potrebitel'skogo kreditovaniya v SSSR (koniec 1950-h – 1980-e gg.)* [Sale of goods in installments as a form of consumer credit in the Soviet Union (late 1950s–1980s)] // *Rossijskaya Istoriya – Russian History*, Jan (1), 2017. Pp. 168–180.
12. Kholostova E. I. *Stratifikaciya vozrasta i aktivnoe starenie* [Stratification of age and active ageing] // *"Psihologiya zrelosti i stareniya" – zima – "Psychology of adulthood and aging" – winter*. 2003. No. 4 (24). Pp. 17–24.
13. Shirinkina N. A. *Kak "sotik" zdorov'yu vredit: pensionery Permskogo kraja i novye tekhnologii* [How a "cell phone" harms health: pensioners in Perm Krai and new technologies] // *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii – Herald of archaeology, anthropology and ethnography*. No. 3 (46). 2019. Pp. 176–181.
14. Shirinkina N. A. *Analiz social'nyh strahov sovremennyh pensionerov (na primere praktik potrebleniya produktov pitaniya)* [Analysis of the social fears of today's retirees (for example, practices of food consumption)] // *Idei i idealy – Ideas and ideals*. Vol. 12. Is. 3. Part 2. 2020. Pp. 425–439.
15. Yacemirskaya R. S., Belen'kaya I. G. *Social'naya gerontologiya* [Social gerontology]. M. Vldos. 1999. 202 p.
16. Miller D. C., Salkind N. J. *Handbook of research design and social measurement*; London. New Delhi : Sage. 2002.

УДК 947.8

DOI: 10.25730/VSU.2070.21.042

Формирование корпоративной культуры у советских милиционеров в 1940–50-е гг.

А. Д. Попова

доктор исторических наук, профессор, Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина.
Россия, г. Рязань. E-mail: a.d.popova@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется процесс формирования корпоративной культуры советской милиции в 1940–50-е гг. Актуальность статьи обуславливается значением исторического опыта формирования корпоративной культуры и ее роли в развитии правоохранительных органов. Исследование основано на использовании архивных документов Главного управления милиции МВД СССР (ГА РФ) и публикаций в ведомственных изданиях. Автором исследования показано появление в первой половине 1950-х гг. таких элементов корпоративной культуры, как система ведомственных наград, ритуала вступления в профессиональную корпорацию, профессионального праздника и профессионального фольклора. Автор приходит к выводу, что формирование корпоративной культуры стало важным направлением воспитательной работы в органах милиции, которому руководство МВД СССР уделяло большое внимание. Было выработано единое идеологическое составляющее всех элементов воспитательной работы, которые подчеркивали главную цель работы советской милиции – защищать интересы советского народа и коммунистической партии. Служба в милиции представлялась как очень ответственная и приравнивалась к воинской. Также развитие корпоративной культуры было направлено на повышение самооценки сотрудников милиции и на их имидж в общественном сознании. Анализ целого ряда песен и стихов, опубликованных в журнале «Советская милиция», показывает, что руководство советской милиции стремилось повысить ее имидж в обществе посредством создания произведений искусства о работе милиции. В стихах и песнях милиционеры были представлены не только отважными защитниками народных интересов, готовыми в любой момент прийти на помощь, но обычными людьми, способными любить, радоваться весне. Все выработанные формы развития корпоративной культуры сохранили свою актуальность до современных дней.

Ключевые слова: корпоративная культура, советская милиция, имидж, ведомственные награды, профессиональный фольклор.

Важным залогом успеха работы любого учреждения, организации и государственного органа является правильная кадровая политика. Однако результативность кадровой политики складывается из целого ряда составляющих. Элементом кадровой политики является развитие корпоративной культуры. Понятие «корпоративная культура» вошло в отечественный лексикон относительно недавно, чаще всего его связывают с развитием бизнес-сферы, понимая под ним именно культуру отдельной компании, выражающейся в различных формах: от форменной одежды, оформления офисных помещений до проведения корпоративных праздников. Однако можно смело утверждать, что зарождение корпоративной культуры произошло довольно давно. Еще в средние века люди единой профессии объединялись в цеха, которые вырабатывали единый кодекс профессионального поведения. В более поздние времена, когда цеховые организации уже ушли в прошлое, для многих профессий сохранялся набор правил, регулирующих этический кодекс, правила поведения в обществе и прочее. Таким образом, под корпорацией следует понимать не просто сотрудников одной организации или компаний, но «совокупность людей, профессионально задействованных в решении соответствующей задачи или комплекса задач соответствующей организации» [9, с. 199]. При этом можно встретить утверждение, что главной целью корпоративной культуры является повышение прибыли компании. В частности, А. А. Калаев пишет: «Цель корпоративной культуры – обеспечение высокой прибыльности компании посредством совершенствования управления человеческими ресурсами для обеспечения лояльности сотрудников к руководству...» [12, с. 70]. Вряд ли следует понимать корпоративную культуру так узко. Можно согласиться с мнением А. Н. Галагузова, который приравнивает понятие «корпоративность» к понятию «сотрудничество» и считает, что корпоративность можно представить как систему отношений сотрудничества между людьми, занятых совместным решением определенного социально

значимого комплекса задач. При таком подходе в корпоративной культуре на первый план выходит не совместная погоня за прибылью или стиль оформления рабочего помещения, а общая цель работы людей той или иной профессии: «Именно общие духовные, нравственные цели и ценности позволяют совокупности работников стать единым коллективом, согласовать индивидуальное поведение с целью достижения общего успеха» [23, с. 22]. В этом смысле корпоративная культура присутствовала и в советское время как профессиональная культура людей одной профессии. При этом корпоративная культура направлена как внутрь корпорации, то есть она имеет цель улучшить понимание общей профессиональной цели, повышения статуса сотрудников в собственных глазах, так и внешне, то есть – повышение имиджа профессии в обществе. При этом корпоративная культура включает целый ряд элементов: общая цель и понимание социальной ответственности, морально-психологические элементы, то есть правила и традиции, принятые в коллективе, этикет, включая элементы субординации и даже способы проведения досуга, в том числе профессиональный фольклор (песни, стихи, отражающие специфику профессиональной деятельности) [23, с. 22].

Поэтому актуальным является исторический опыт развития корпоративной культуры как способа повышения имиджа и самоуважения сотрудников милиции в послевоенный период путем формирования корпоративной культуры.

После окончания Великой Отечественной войны кадровая проблема была одной из наиболее острых для советской милиции. Многие милиционеры погибли на фронте. С началом демобилизации в управления кадров направлялись бывшие фронтовики. Формально считалось, что кандидаты должны соответствовать большому ряду требований: иметь хорошее здоровье и физическую подготовку, соответствующий моральный облик и образование. Однако порой выбирать особо было не из кого и некогда. Крепкие мужские руки нужны были не только в милиции, но и на заводах и стройках. Людей, имеющих образование, не хватало и в других сферах. Проверка личных качеств кандидата требовала времени, а его не было.

Поэтому многим начальникам приходилось ослаблять предписанные требования, чтобы хоть как-то укомплектовать кадры, чтобы было кому справляться с текущими задачами. И только практическая работа серьезно проверяла личные и деловые качества новичков. Большинство сотрудников милиции самоотверженно несли службу, не щадя себя работали порой круглосуточно, бесстрашно шли задерживать вооруженных бандитов. В докладах руководству МВД регулярно указывалось о героических поступках советских милиционеров. Например, в начале 1953 г. милиционер 2-го отделения г. Одессы Павленко, находясь на посту, ночью услышал выстрелы. Пospешив на помощь, он обнаружил труп женщины. Умело ориентируясь в обстановке, Павленко стал преследовать преступников. Заметив милиционера, грабители оказали вооруженное сопротивление. Будучи легко раненным, Павленко продолжал преследование, двое бандитов были убиты, третий обезоружен и доставлен в отделение [5, л. 51]. Инспектор отдела наружной службы УМ Западно-Казахстанской области старший сержант милиции Ткачев в составе группы из четыре работников милиции несколько дней преследовал бандита, вооруженного автоматом и ведущего огонь при попытке сблизиться с ним. Ткачев сумел умелыми действиями обезоружить и захватить бандита [5, л. 51]. Милиционер 37-го отделения г. Ленинграда, комсомолец Целиков, 19 апреля 1952 г. преследуя грабителя, вооруженного пистолетом, был ранен в руку, несмотря на ранение и потерю крови, он смог задержать преступника, доставить его в отделение милиции [3, с. 201 об.].

Советские милиционеры неоднократно рисковали жизнью не только при задержании преступников, но и при оказании помощи в чрезвычайных ситуациях, например, при пожаре или спасая утопающих. Делопроизводственная документация Главного управления милиции МВД СССР сохранила много примеров подобного рода. Так, 24 августа 1952 г. с моста р. Курилка Курильского района Сахалинской области упал в воду 5-летний ребенок, сильное течение понесло ребенка в море, люди стояли и ничего не могли сделать. Мальчика спас милиционер Ахремчиков, который, услышав крики, бросился в воду и спас ребенка [3, л. 201 об.].

Документы за 1954 г. фиксируют несколько подобных эпизодов. 27 декабря командир оперативного взвода Управления милиции Кривой Рог Кузьма Акимович Коротаев, проходя мимо реки Саксагань, где на коньках катались подростки, заметил, что один мальчик провалился под лед и начал тонуть. Рискуя жизнью, Коротаев снял одежду, подплыл к мальчику и спас его, спасенный оказался учеником школы Виноградовым [7, л. 4]. Участковый уполномоченный Андреево-Ивановского РОМ МВД Одесской области, младший лейтенант милиции Григорий Федорович Жук, будучи 31 января по служебным делам в селе Ново-Скосаревка,

услышал крик, а потом увидел провалившегося под лед подростка, немедленно бросился его спасать. Жук по льду подполз к утопающему, подал ему ремень и вытащил ребенка, а потом доставил его домой к матери.

Однако в то же время накапливались и противоположные примеры. И хотя каждый второй кандидат при приеме на службу отсеивался по состоянию здоровья или в силу отрицательной характеристики, случайных людей оказывалось достаточно много [13, с. 13]. Некоторые сотрудники милиции запятнали честь мундира непорядочным поведением в быту или преступлениями по службе. В докладе Главного политического управления ГУМ МВД министру внутренних дел С. Н. Круглову «О состоянии партийной и политической работы в органах милиции МВД СССР за 1954–55 гг.» признается, что работа милиции вызывает жалобы со стороны населения.

Наиболее распространенными видами нарушений, допущенными сотрудниками милиции, являются нарушение законности, незаконное применение оружия, хулиганство [10, с. 79]. Нарушение законности выражалось в разных формах: отказ в принятии заявлений, нарушение процессуальных норм, использование недопустимых мер воздействия на подозреваемых. Предпосылкой для этих нарушений являлся низкий профессиональный уровень некоторых сотрудников милиции. Согласно справке Политотдела за 1953 г. на 1 января 1953 г. 51,1 % сотрудников милиции имели начальное образование [4, л. 15]. Не владея знаниями о методах раскрытия преступлений, некоторые «правоохранители» просто скатывались к противозаконным методам допроса – угрозам, избияниям задержанных. В других случаях потерпевших пытались убедить не подавать заявление или просто отказывались его принимать. Ведомственная печать была вынуждена приводить анекдотичные примеры в отказах возбуждения уголовных дел, высмеивая милиционеров-халтурщиков. Так, московская газета «На боевом посту» опубликовала заметку под характерным заголовком «Поймаете, позовите милиционера, он задержит!». Газета высмеивала сотрудников 20-го отдела милиции г. Москвы, которые отказались принимать заявление от гражданки, ставшей жертвой мошенников: она отдала деньги малоизвестной женщине, которая пообещала достать ей пальто, но, получив денежные средства, скрылась. В отделении женщины заявили, что ничем помочь не могут: «Раз вы сами отдали деньги, то ловите ее сами. Поймаете, позовите милиционера, он задержит» [1]. В 1952 г. в специальной справке на имя начальника Главного управления милиции МВД СССР приводился целый ряд фактов необоснованных отказов в возбуждении уголовных дел. В частности, в отделениях милиции Минска было обнаружено 500 заявлений, по которым было необоснованно отказано в возбуждении уголовных дел. В Саратове было не зарегистрировано 135 преступлений, из них были ограбления и квартирные кражи [5, л. 27]. В Алма-Атинской области во время проверки было вскрыто более 100 случаев укрытия от учета уголовных преступлений, связанных с хищением социалистической собственности. В Пензенской области было скрыто 39 дорожных происшествий, из них 20 со смертельным исходом [5, л. 28]. Аргументы для отказа в возбуждении дела порой звучали более чем наивно: «потерпевшие никого не подозревают и свидетелей не имеют» [5, л. 28].

Взяточничество в то время было меньше распространено, чем нарушение законности, но с ним граждане тоже сталкивались. В основном имели место мелкие взятки, которые допускают сотрудники паспортного стола, работники ГАИ, меньше в этом виде правонарушений был замечен оперсостав [5, л. 51].

Конечно, важной мерой для профилактики было ужесточение кадровой политики, недопущение в ряды милиции людей с неустойчивыми моральными качествами, склонных к насилию или злоупотреблению алкоголем. Однако, как уже говорилось, осуществить на практике это было не так просто. Поэтому неизбежно вставала задача воспитания тех, кого принимали. Руководство советской милиции проводило огромную работу по работе с личным составом. Одним из направлений работы с личным составом, способным также положительно повлиять на повышение уровня дисциплины и соблюдения законности, являлось развитие и укрепление корпоративной культуры. Именно она должна была сформировать у сотрудников милиции понимание, что их должностные обязанности наполнены высоким смыслом: охранять интересы граждан и социалистического государства, помогать всем, кто нуждается в помощи. Осуществлялось это различными способами: с сотрудниками проводили беседы и политические занятия, выпускалась наглядная агитация.

Темы бесед и методические разработки для них в помощь агитаторам и политработникам разрабатывались централизованно политотделом Главного управления милиции МВД

СССР. Можно указать темы некоторых таких бесед: «О моральном облике работника милиции», «На страже общественного порядка», «Дисциплина и организованность – залог успеха в работе», «Чутко относиться к жалобам и заявлениям трудящихся», «Строго соблюдать социалистическую законность», «О культуре в работе милиции», «Сила советской милиции – в связи с народом» и другие [8, л. 56 об.].

Большую роль в формировании представлений об общей единой цели работников милиции играла ведомственная печать. Ведомственная печать советской милиции в послевоенные годы была представлена газетами, которые выпускались краевыми или областными управлениями внутренних дел. Чаще всего они имели типичные названия: «На страже», «На посту», «На страже Октября» (в украинском варианте – «На варті Жовтня»). В 1955 г. в органах милиции Союза ССР издавалась 61 газета, многие из которых публиковались уже 15–20 лет. С 1951 по 1954 гг. тираж ведомственных газет вырос с 47 000 до 92 500 экземпляров [6, л. 9]. Однако до смерти И. В. Сталина они имели исключительно внутреннее назначение: на газетах стоял гриф «только для сотрудников милиции». Материалы практически каждого номера в той или иной форме напоминали сотрудникам, что цель советской милиции – служить партии, государству и народу. Со страниц газет милиционерам постоянно напоминали, что надо быть дисциплинированными, чутко относиться к заявлениям граждан, всегда приходить к ним на помощь, быть преданными делу коммунистической партии. Интересы государства и партии были представлены в неотрывном союзе с интересами народа.

Важными этапами формирования корпоративной культуры стало появление торжественной присяги. Процесс вступления в профессиональную корпорацию также является элементом корпоративной культуры. Еще со средневековых времен, со времени существования профессиональных цехов и рыцарских орденов стали возникать различные обряды и ритуалы, цель которых заключалась в подчеркивании, с одной стороны, некоторой элитарности профессиональных групп, с другой – в наложении определенных обязательств, приобщении к кодексу профессиональной этики. Одними из самых живучих оказались традиции посвящения в профессиональные корпорации у медиков, военных и сотрудников правоохранительных органов. Люди этих профессий в наибольшей степени связаны со спасением жизни людей, должны быть готовы всегда прийти на помощь, а некоторые даже рисковать собственной жизнью ради жизни других людей.

Идея торжественной присяги сотрудников милиции возникла в 1950-е гг. В документах Главного управления милиции МВД СССР за 1956 г. сохранился перевод клятвы полицейского США, что свидетельствует об изучении зарубежного опыта в этом вопросе [8, л. 79]. Интересно, что изучался документ капиталистического государства, в котором, согласно идеологической установке, полиция защищает власть капиталистов, а не народ. Советский вариант первоначально назывался «Присяга», но потом на нем появилось исправление карандашом: слово «присяга» зачеркнуто и вписано «обещание». Сравнение советского документа и зарубежного показывает, что советские политорганы создали свой документ, а не списали его у иностранных коллег. Только прослеживаются некоторые общие ориентиры и вехи этического кодекса. В частности, на первом месте выделяется задача охраны закона и помощи людям. В присяге американского полицейского прописано: «Я твердо осознаю, что на моей обязанности лежит защита правого, охрана слабого, оказание помощи пострадавшему: я должен быть на страже закона в общественных делах и в личной жизни» [8, л. 79]. Аналогичная цель прослеживается и в советском обещании: «По первому зову советских людей в любую минуту, не считаясь с опасностью для своей жизни, прийти к ним на помощь, чутко и внимательно относиться к их нуждам и запросам» [8, л. 76]. Оба документа содержали слова о соблюдении служебной дисциплины и этики. В американском это было сформулировано так: «Я обязуюсь, в соответствии с моим званием, приводить только подлинные факты, не искажать их в зависимости от личной заинтересованности, хранить в тайне все сведения, которые становятся мне известны по долгу службы и применять их только для официальных целей... При исполнении своих обязанностей я обязуюсь не совершать никаких неэтичных или нелояльных поступков и выполнять свою работу бесстрашно, добросовестно и беспристрастно». Более лаконичные формулировки были выбраны для советского документа: «Я обещаю неустанно учиться и овладевать мастерством милицейской службы, проявлять инициативу и находчивость при выполнении служебных обязанностей, свято хранить государственную тайну, безупречно выполнять уставы, приказы и распоряжения начальников. Я обязуюсь перед моими товарищами по службе быть готовым немедленно прийти к ним на помощь и выручку всякий раз, когда они будут в этом нуждаться».

Формулировки советского обещания более строгие, конкретные, без поэтических образов. В нем не было поэтических сравнений работы милиционера с художником, который доводит любое дело до совершенства, с учителем, который наставляет членов общества на путь истинный, с врачом, который искореняет бактерии преступности. Только иногда чувствуется, что авторы читали американский вариант. В частности, советский милиционер обещал: «Верное мне оружие я никогда не применю против честного человека, но у меня не дрогнет рука поднять его, когда этого потребует обстановка, против явных преступников, посягающих на жизнь советских людей». Советское обещание содержало еще две отличительные черты. Американский полицейский клялся в верности Конституции страны, а советский милиционер обещал быть верным не только народу и закону, но и коммунистической партии. Более того, обещание охранять социалистическую законность предшествовало обещанию охранять интересы народа. Кроме того, в советском обещании появлялись строчки о возможной ответственности за нарушение данного обещания, чего совсем не было в американском документе: «Если же отступлю я от этого торжественного обещания, пусть постигнет меня суровая кара советского закона и презрение советских людей» [8, л. 76].

Еще одной традиционной составляющей корпоративной культуры является механизм мотивации сотрудников, то есть система ведомственных наград и поощрений [9, с. 202]. Именно она стимулирует работника работать лучше, возвышая его как в глазах окружающих, так и в своих собственных. 1 ноября 1950 г. Президиумом Верховного Совета СССР была учреждена медаль «За отличную службу по охране общественного порядка». Согласно положению о медали, ею награждались сотрудники милиции за храбрость и самоотверженность, проявленные при ликвидации бандитских групп, за смелые действия, проявленные при расследовании или предотвращении преступлений, умелое руководство оперативными действиями при ликвидации бандитских групп, за умелую организацию работы милиции, за безупречное несение службы [24, с. 297].

Следующим шагом стало учреждение знака «Отличник милиции». Он был учрежден приказом МВД СССР № 246 от 23 декабря 1953 г. В 1954 г. было изготовлено 25 тысяч экземпляров знака [8, л. 56]. Для повышения статуса награды в глазах самих милиционеров была привлечена ведомственная печать, которая регулярно публиковала материалы, посвященные награжденным сотрудникам. Материалы могли быть разные по форме: рассказ о награжденном или просто портрет в парадной форме, или небольшая заметка самого награжденного, который рассказывал, какие качества ему помогли стать достойным этой награды. В любом случае издания стремились показать престижный статус награды, дать понять читателям, что ею награждают только лучших, этим можно и нужно гордиться, то есть имели цель вызвать желание быть награжденным ею, а значит нужно соответствовать требованиям, предъявляемым к кандидатам в награжденные. В 1955 г. была учреждена еще одна ведомственная награда – Почетная грамота милиции [8, л. 123].

Элементом корпоративной культуры можно назвать и профессиональные праздники. Предложение ввести такой профессиональный праздник для советской милиции прозвучало впервые на коллегии МВД СССР 21 мая 1955 г. Было предложено выйти с ходатайством в ЦК об установлении Дня милиции, который ежегодно отмечался бы 12 ноября, то есть в день обнародования декрета «О создании рабоче-крестьянской милиции» [2, л. 61]. Предложение получило поддержку не сразу, праздник был утвержден указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 сентября 1962 г. Соответствующий Указ был опубликован в газете «Известия» 28 сентября 1962 г. Одновременно на первой странице газеты была помещена обширная статья «Моя милиция», в которой подчеркивалось, что советская милиция стоит на стороне интересов народа [11].

Корпоративная культура включает в себя и профессиональный фольклор, то есть стихи, песни и даже частушки, в которых отражена специфика профессиональной деятельности. Часто они возникают стихийно и складываются в профессиональном сообществе сами по себе. Однако одним из значимых шагов власти в плане агитации и пропаганды является формирование этой стороны корпоративной культуры сверху. Идеологическая политика советского государства как раз включала такое направление работы, как использование произведений искусства для повышения престижа отдельных профессий. Бесспорно, это можно назвать очень позитивным моментом в развитии массовой культуры: государство привлекало к этому процессу не просто профессиональных поэтов и музыкантов, но и наиболее выдающихся авторов, которые создавали настоящие шедевры, запоминавшиеся не только в профессио-

нальной среде, но и в широких народных массах. Часто путевку в жизнь такие произведения получают в художественном фильме или на концерте, посвященном профессиональному празднику.

Популяризация произведений о советской милиции и организованное развитие профессионального фольклора началось с выходом первого номера журнала «Советская милиция» в сентябре 1955 г. Оживление общественной жизни после 1953 г. коснулось и ведомственной милицейской печати: с газет исчезает гриф «Только для сотрудников милиции». Появившийся профессиональный журнал уже предназначен для широких слоев общества, это проявляется в его содержании. Номера конца 1950-х наполнены довольно яркими материалами о работе милиции, которые были ориентированы не только на сотрудников милиции: читателям рассказывают о работе участковых, инспекторов по делам несовершеннолетних, деятельности народных дружин, жизни милиционеров в общежитии, съемках фильмов о милиции. Язык материалов легкий и образный, много интересных иллюстраций. В первом же номере публикуются ноты и слова «Песни советской милиции». Автором музыки был Константин Листов, а слова написал автор советского гимна Сергей Михалков. Слова песни подчеркивали, что советская милиция вышла из народа, охраняет интересы народа и партии:

Сыны и дочери народа
Свой труд Отчизне отдают,
Посланцы пашен и заводов
В ряды милиции встают.
Наказ народа зная твердо,
Любимой партии верны,
Мы на кокардах носим гордо
Чеканный герб родной страны [14, с. 78].

Возможно, что эта песня позиционировалась именно как профессиональный гимн. Еще одна песня, которая могла бы тоже выступить в такой роли, была опубликована в 3-м номере журнала. Она называлась «На посту боевом» (слова Тамары Никоновой и Елены Валиной, музыка Николая Галкина). Главным героем песни является постовой милиции:

Ветер осенний
Листья багряные
Гонит вдоль улиц пустых.
Стоял постовой,
Выполняя задание,
У темных ворот заводских.
Службу несет он
Ревностно, бдительно.
Честью поста дорожит –
Недругу злому
Решительно, смело
Путь на завод преградит.

Однако затем слова песни четко определяли, что образ постового – это скорее аллегория, которая символизирует всю работу милиции:

Можем без страха
Жить и трудиться –
Нам обеспечен покой –
Нас охраняет
Наша милиция,
Каждый ее постовой.
Припев песни подчеркивал важность работы милиции:
Нет задачи благороднее,
Дела нет важнее в жизни,
Чем беречь права народные,
Мирный труд своей Отчизны [18, с. 96].

В 1957 г. в 3-м номере журнал опубликовал еще одну песню, которая также могла стать профессиональным гимном. Даже ее название было нацелено на это – «Марш милиции». Слова были написаны известным поэтом-песенником М. Матусовским, музыка не менее известным автором – В. Соловьевым-Седым. Песня звучала в музыкальной кинокомедии «Песня та-

бунщика» (1956 г.). Слова песни также подчеркивали, что советская милиция служит народу, оберегая его покой:

Когда приходит полночь,
И город тьмой покрыт, и город тьмой покрыт,
Покой наш охраняя,
Милиция, милиция не спит.
В любое время года,
В грозу и темноту, в грозу и темноту,
Всегда мы на дежурстве,
Всегда мы на посту, мы на посту.

Слова песни приравнивали службу милиции к армейской службе, подчеркивая и готовность в любой момент прийти на помощь, и возможные трудности и риск:

Мы служим по-солдатски
Отчизне дорогой, Отчизне дорогой,
Под жарким солнцем юга,
Под снежною, под снежною пургой [16, с. 71].

В августе 1958 г. журнал опубликовал еще одну песню под названием «Милицейский марш» (слова Ф. Агапова, музыка А. Абрамова).

В ней использовались уже привычные образы – постовой, несущий службу ночью, как олицетворение всей милицейской работы:

Вот уж полночь. Часы прозвенели –
Время птицей лети в высоту...
А мой друг в темно-синей шинели –
На своем, бессменном посту.

И также песня сравнивала милицейскую службу с военной, подчеркивая ее важность и готовность быть всегда начеку:

Много тропок тревожных им пройдено.
И врагу не уйти от него...
Так нужна для спокойствия Родины
Милицейская служба его.

В один ранг была поставлена милицейская служба с армейской и в песне «Воины в синей шинели». Она тоже представила образ всей милиции в виде постовых. В этой песне особое внимание было обращено к военной истории страны, для милиционеров образцами для подражания выступают фронтовики, которые отдали жизнь за свободу страны:

Бьют куранты над Спасскою башней,
Гаснут лампочки в каждом окне.
Свято помня о битве вчерашней,
Постовые идут по стране.
Им опасность встречать не впервые,
Не страшат их ни зной, ни мороз,
Полегли их друзья фронтовые
У обугленных русских берез [22].

Однако журнал публиковал и более лиричные произведения, которые можно было бы исполнять не только в строю, но и дома, за праздничным столом. В них обращались уже несколько к другим образам и ценностям, хотя тоже очень важным: семья, любовь, дружба. Слова этих произведений показывали сотрудников милиции романтичными, способными трогательно проявлять свои чувства.

Например, в фильме «Песня табунщика» звучала еще одна песня М. Матусовского и В. Соловьева-Седого «Шуточная песня о старшине милиции», которая представляет постового уже не солдатом, а влюбленным молодым человеком. Сюжет песни очень простой: постовой задержал гражданку, которая «не по правилам перешла Таганку», и в разговоре с девушкой был поражен ее красотой – «очи темно-карие, косы золотые». В результате:

С той поры и ходит он
Часто на Таганку,
Все мечтая встретить там
Строгую гражданку.
<...>

Гаснет свет на улицах.
Тихо спит столица.
Старшине влюбленному
Одному не спится [15].

Любовная история представлена и в песне «Всплывает месяц ясный» (слова П. Фирсова и музыка Б. Мокроусова). В парке постовой несет службу, а вокруг него ходит девушка:

Наклонилась и с газона
Сорвала цветок...
Постовой взглянул сурово,
Взял под козырек:
– Уплатить за нарушение
Вам придется штраф...
Постовой был, безусловно,
В этом деле прав.
Но заметил в этот вечер
Месяц золотой:
Штраф платил за ту дивчину
Сам же постовой [20].

Тепло и очень по-доброму представлены будущие сотрудники милиции в вальсе «В милицейской школе вечер» (слова М. Кравчука, музыка И. Горина). Сюжет песни показывает эпизод, который был в жизни очень многих людей – на выпускном вечере в учебном заведении молодой человек делает предложение любимой девушке:

Льется вальс в потоках света
В шелесте гирлянд,
И подругу в вальсе этом
Кружит лейтенант.
И обнял за плечи,
И назвал родной...
В милицейской школе –
Выпускной.

Трудности службы здесь уже не выступают на первый план, а их упоминание используется, чтобы подчеркнуть лиричность ситуации – впереди вся жизнь, в которой будет переплетено все: и нелегкая служба, и счастливая семейная жизнь.

Завтра – будни трудовые.
Завтра – служба ждет:
Мерзнуть в ночи снеговые,
Мокнуть под дождем.
И обнял за плечи,
И назвал родной...
В милицейской школе –
Выпускной [21].

В некоторых песнях сотрудники милиции представлены не просто людьми, способными на проявление самых простых и искренних чувств, но и разносторонними людьми, награжденными различными талантами. Так, в песне «Вишневый сад» (слова Е. Валиной и Т. Никоновой, музыка В. Сережникова) показан образ творческого милиционера, который весной пришел в вишневый сад не по служебному вопросу:

Богат сержант талантами:
Певец и гармонист, –
Готовит для концерта он
Художественный свист.
Пришел он в сад,
Вишневый сад,
За соловьиным пением,
И соловей,
И соловей поет
С огромным увлечением.
Он птице в подражание

Так нежно засвистал,
Что соловей-соловушка
С обидой замолчал! [17]

Очень лиричная песня была опубликована в апреле 1958 г. «Синяя птица» (слова Е. Ва-
линой и Т. Никоновой, музыка Н. Галкина). На первый взгляд сюжет песни не о работе мили-
ции, а о приходе в столицу весны:

Влетела синей птицею
Под вечер к нам она,
Сама, сама пришла в милицию
Красавица-весна.
Букет цветов поставила
На паспортном столе.
Перелистала правила
Прописки по Москве.

Однако эта песня показывает, что сотрудники милиции тоже живые люди, они чув-
ствуют красоту весны, радуются ей, как и все другие жители городов и сел:

Полотна штор раскинула
В рассветной тишине
И горсть веснушек кинула
На щеки старшине.
И улыбнулся искренне
Товарищ старшина:
– Жаль, временно прописана
У нас в Москве весна [19].

Публикация песен побуждала и самих сотрудников на творчество. Журнал публикует не
только произведения, которые были созданы профессиональными авторами. Уже в первых
номерах журнала «Советская милиция» было опубликовано творчество самих сотрудников
милиции – стихотворение капитана милиции Н. Ступака «Постовой» (№ 2, 1955 г.) и стихо-
творение старшего лейтенанта милиции В. Андрусенко «Я милиционер» (№ 3, 1955 г.).

К сожалению, журнал не дает пояснение, на каких должностях служат авторы, но оба
они также обратились к образу постового, который добросовестно и мужественно, невзирая
ни на какие трудности, стоит на посту. Оба автора подчеркивают сложность и героизм служ-
бы, фоном противопоставляя картины спокойной трудовой жизни советских людей. Так, Сту-
пак выбрал такие литературные формы для передачи этого образа:

Славный город, как воин,
Уставший в далеких походах,
Весь в огнях, как в медалях,
До утренней смены уснул.
Лишь один постовой
По-хозяйски кварталы обходит,
Взяв подчаском себе
Отдохнувшую днем тишину.
Он проходит сквозь ночь,
Мирный сон земляков охраняя.
Как солдат, что стоит
На охране родимых границ...
Опаленный когда-то
Дыханием переднего края,
Он с улыбкою слушает
Трели проснувшихся птиц.

Еще более ярко переданы аналогичные образы в стихотворении В. Андрусенко:

Я был солдатом на войне: громил фашистский сброд,
Не раз тонул, горел в огне, но шел всегда вперед.
Прошел я сквозь такой огонь, что плавился металл,
Я после штыковых атак стальным солдатом стал.
Солдатский славы орган дан мне Родиной моей
За то, что страха я не знал, за то, что предан ей.

С победой я пришел домой. Была весна в цвету.
И счет побед продолжил я на трудовом посту.
Но вновь пришлось расстаться мне с гражданским пиджаком:
«Нужна милиция стране», – сказал мне военком.
А если Родина зовет, солдат без лишних слов,
Как по команде в строй встает, подтянут и суров.
И вот я на посту стою и летом, и зимой.

Трудно сказать, передает ли автор стихов элементы собственной биографии или просто очень удачно формирует собирательный образ сотрудника милиции, который мужественно защищал страну на фронте, а потом по призыву Родины заступил на пост по охране мирного труда граждан, однако нельзя не признать, что стихи получились очень яркими.

Таким образом, появился целый пласт произведений о работе советской милиции. Все они показывали ее как очень ответственную и нужную людям, милиционеры приравнивались к солдатам: они так же, как и бойцы советской армии, все время на посту, защищают советских людей, советский строй, общественное имущество. В то же время советские милиционеры были представлены и обычными людьми, способными на самые простые чувства: они влюбляются в девушек, радуются весне.

Песни были по достоинству оценены самими сотрудниками милиции. Один из номеров журнала «Советская милиция» по многочисленным просьбам опубликовал специальную таблицу, где указывалось, в каком журнале какая песня была опубликована. Сделано это было с целью облегчить работу руководителей художественной самодеятельности. Некоторые песни позиционировались как профессиональный гимн. Однако все эти песни, несмотря на довольно удачное содержание и соответствующую музыкальную форму, со временем забылись, а роль неофициального гимна на «все времена» досталась довольно простой песне из фильма «Следствие ведут знатоки» на слова А. Горохова «Наша служба и опасна, и трудна». Конечно, во многом ее успех был обеспечен популярностью самого сериала, первая серия которого вышла на экран в 1971 г. Но даже когда в поздних фильмах этого сериала зазвучала уже другая песня «Мы с тобой за этот город отвечаем», она по популярности не смогла догнать свою предшественницу. А «Наша служба и опасна, и трудна» звучит и по сей день на всех концертах, посвященных Дню работника правоохранительных органов, хотя последующее время дало дорогу новым песням.

Таким образом, кадровая политика в советской милиции в 1940–50-е гг. включала такое важное направление работы, как формирование корпоративной культуры. Она была направлена на формирование представления у сотрудников единой цели – службе интересам партии и народа. В этом аспекте партия и народ рассматривались как единое целое. Сами же работники милиции позиционировались в этой корпоративной культуре как защитники, приравненные по своей социальной роли к воинам советской армии. Формирование корпоративной культуры шло по нескольким направлениям: создание системы ведомственных наград, учреждение профессиональной награды, создание ритуала вступления в профессиональные ряды (появление профессионального торжественного обещания). Большое внимание было уделено формированию профессионального фольклора, то есть написанию стихов и песен, посвященных работникам милиции. С одной стороны, этот пласт художественных произведений должен был наполнить содержание художественной самодеятельности, с другой – повысить имидж милиции в обществе. Исторический опыт показывает, что формирование корпоративной культуры является одним из обязательных направлений кадровой работы, способной повышать самооценку сотрудников и имидж данной профессии в обществе. Все основные направления этой работы по формированию корпоративной культуры дошли до современных дней, хотя в несколько измененной форме.

Список литературы

1. Андреев А. «Поймаете, позовите милиционера, он задержит» // На боевом посту. Орган политотдела управления ордена Красного знамени милиции г. Москвы. 1945. 4 июля.
2. ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 518.
3. ГА РФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 394.
4. ГА РФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 397.
5. ГА РФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 398.
6. ГА РФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 516.
7. ГА РФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 533.

8. ГА РФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 636.
9. Галагузов А. Н. О сущности понятия «корпоративная культура» // Сибирский педагогический журнал. 2010. № 1. С. 198–203.
10. Дорохов В. Ж. Нарушение служебной дисциплины и законности в советской милиции в 1953–1968 гг. // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2013. Т. 2. № 3 (15). С. 74–80.
11. Известия. 1962. 28 сентября.
12. Калаев А. А. Корпоративная культура как инструмент управления организаций // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. 2012. № 4 (46). С. 69–75.
13. Перов И. Ф., Кузнецов М. В. История рязанской милиции. Рязань, 2001. Т. 2.
14. Советская милиция. 1955. № 1.
15. Советская милиция. 1957. № 1.
16. Советская милиция. 1957. № 3.
17. Советская милиция. 1957. № 5.
18. Советская милиция. 1957. № 11.
19. Советская милиция. 1958. № 4.
20. Советская милиция. 1958. № 9.
21. Советская милиция. 1958. № 12.
22. Советская милиция. 1968. № 2.
23. Стручалина А. П. Корпоративная культура: сущность и функции // Известия Волгоградского государственного технического университета. Серия: Проблемы социально-гуманитарного знания. 2008. Т. 5. № 7 (45). С. 21–24.
24. Указ Верховного Совета СССР от 1 ноября 1956 г. об учреждении медали «За отличную службу по охране общественного порядка» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР (1938–июль 1956 гг.). М., 1956.

Formation of corporate culture among Soviet policemen in the 1940s and 50s

A. D. Popova

Doctor of Historical Sciences, professor, Ryazan State University n. a. S. A. Yesenin.
Russia, Ryazan. E-mail: a.d.popova@mail.ru

Abstract. The article examines the process of formation of the corporate culture of the Soviet police in the 1940s–50s. The relevance of the article is determined by the significance of the historical experience of the formation of corporate culture and its role in the development of law enforcement agencies. The research is based on the use of archival documents of the Main Police Department of the Ministry of Internal Affairs of the USSR (GA RF) and publications in departmental publications. The author of the study shows the appearance in the first half of the 1950s. such elements of corporate culture as the system of departmental awards, the ritual of joining a professional corporation, a professional holiday and professional folklore. The author comes to the conclusion that the formation of corporate culture has become an important area of educational work in the police, to which the leadership of the Ministry of Internal Affairs of the USSR paid great attention. A single ideological component of all elements of educational work was developed, which emphasized the main purpose of the work of the Soviet militia – to protect the interests of the Soviet people and the Communist Party. Service in the militia was presented as very responsible and equated to military service. Also, the development of corporate culture was aimed at increasing the self-esteem of police officers and their image in the public consciousness. An analysis of a number of songs and poems published in the magazine "Soviet Militia" shows that the leadership of the Soviet militia sought to enhance its image in society by creating works of art about the work of the police. In poems and songs, the policemen were represented not only by brave defenders of the people's interests, ready to come to the rescue at any moment, but by ordinary people who are able to love and rejoice in spring. All the developed forms of corporate culture development have retained their relevance to the present day.

Keywords: corporate culture, Soviet police, image, departmental awards, professional folklore.

References

1. Andreev A. "Pojmaete, pozovite milicionera, on zaderzhit" ["Catch, call a policeman, he will detain"] // Na boevom postu. Organ politotdela upravleniya ordena Krasnogo znamenii milicii g. Moskvy – At a combat post. The body of the political department of the Order of the Red Banner of the militia of Moscow. 1945. July 4th.
2. SA of the Russian Federation (State Archive of the Russian Federation). F. P-9415. Inv. 3. File 518.
3. SARF. F. P-9415. Inv. 3. File 394.

4. SARF. F. P-9415. Inv. 3. File 397.
5. SARF. F. P-9415. Inv. 3. File 398.
6. SARF. F. P-9415. Inv. 3. File 516.
7. SARF. F. P-9415. Inv. 3. File 533.
8. SARF. F. P-9415. Inv. 3. File 636.
9. Galaguzov A. N. *O sushchnosti ponyatiya "korporativnaya kul'tura"* [On the essence of the concept of "corporate culture"] // *Sibirskij pedagogicheskij zhurnal – Siberian pedagogical journal*. 2010. No. 1. Pp. 198–203.
10. Dorohov V. Zh. *Narushenie sluzhebnoj discipliny i zakonnosti v sovetskoj milicii v 1953–1953 gg.* [Violation of official discipline and legality in the Soviet militia in 1953–1953] // *Uchenye zapiski Komsomol'skogo-na-Amure gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta – Scientific notes of the Komsomolsk-on-Amur State Technical University*. 2013. Vol. 2. No. 3 (15). Pp. 74–80.
11. *Izvestia – News*. 1962. September 28.
12. Kalaev A. A. *Korporativnaya kul'tura kak instrument upravleniya organizacij* [Corporate culture as a management tool of organizations] // *Vestnik Rossijskogo ekonomicheskogo universiteta im. G. V. Plekhanova – Herald of Plekhanov Russian University of Economics*. 2012. No. 4 (46). Pp. 69–75.
13. Perov I. F., Kuznecov M. V. *Istoriya ryazanskoj milicii* [History of the Ryazan militia]. Ryazan. 2001. Vol. 2.
14. *Sovetskaya miliciya – Soviet militia*. 1955. No. 1.
15. *Sovetskaya miliciya – Soviet militia*. 1957. No. 1.
16. *Sovetskaya miliciya – Soviet militia*. 1957. No. 3.
17. *Sovetskaya miliciya – Soviet militia*. 1957. No. 5.
18. *Sovetskaya miliciya – Soviet militia*. 1957. No. 11.
19. *Sovetskaya miliciya – Soviet militia*. 1958. No. 4.
20. *Sovetskaya miliciya – Soviet militia*. 1958. No. 9.
21. *Sovetskaya miliciya – Soviet militia*. 1958. No. 12.
22. *Sovetskaya miliciya – Soviet militia*. 1968. No. 2.
23. Struchalina A. P. *Korporativnaya kul'tura: sushchnost' i funkcii* [Corporate culture: essence and functions] // *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Problemy social'no-gumanitarnogo znaniya – News of Volgograd State Technical University. Series: Problems of social and humanitarian knowledge*. 2008. Vol. 5. No. 7 (45). Pp. 21–24.
24. Decree of the Supreme Soviet of the USSR of November 1, 1956 on the establishment of the medal "For excellent service in the protection of public order" // *Sbornik zakonov SSSR i ukazov Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR (1938–iyul' 1956 gg.) – Collection of laws of the USSR and decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR (1938–July 1956)*. M. 1956. (in Russ.).

Сохранение общей исторической памяти о Великой Отечественной войне

К. Н. Тарасов

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политических наук,
Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. E-mail: tar-87@mail.ru

Аннотация. В статье рассказывается о новой коллективной монографии, посвященной истории Победы многонационального советского народа в Великой Отечественной войне. Монография стала результатом совместной работы ряда ведущих историков, архивистов, музейных работников из России, Казахстана, Узбекистана, Киргизстана. Опыт многосторонней работы с учеными из разных стран, использующими данные из различных национальных архивов и коллекций, разные проекции восприятия перемещения людей, идей, переплетение судеб тех, кто воевал, дает новый ракурс для более детального взгляда на Великую Отечественную войну. Монография иллюстрирует положительную тенденцию в современной историографии Великой Отечественной войны: выстраивание системы взаимодействия и обмена результатами научных исследований между историками разных стран как важного условия объективного изучения общего прошлого. В целом авторам удалось показать общий для всех народов СССР опыт, пережитый в годы военных испытаний на фронтах, в тылу, в эвакуации, на оккупированных и освобожденных территориях.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, историческая память, историография, фронт, тыл, эвакуация.

Рецензируемая коллективная монография посвящена истории Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Она была подготовлена в рамках работы Совместной рабочей группы историков России и Казахстана. Авторами книги стали специалисты-историки, архивисты, музейные работники из России, Казахстана, Узбекистана и Киргизстана. Это позволило исследованию стать гораздо более масштабным и многомерным. Словосочетание «несломленный народ» в названии монографии, по мнению авторов, олицетворяет общность многонационального населения Советского Союза – советского народа.

Монографию открывает раздел «Историография и источниковедение». Он содержит статьи, посвященные вопросам изучения истории Великой Отечественной войны в российской и казахстанской историографии, а также характеристике исследовательского потенциала ряда архивов.

А. А. Михайлов выделил и охарактеризовал основные этапы развития отечественной историографии Великой Отечественной войны на протяжении середины XX – начала XXI в. Автор также проследил влияние внутри- и внешнеполитической конъюнктуры периода «холодной войны» на процессы изучения истории войны, отметил новые направления в исследованиях военной истории (военная антропология и другое).

Д. А. Аманжолова охарактеризовала основные подходы и тенденции в изучении Великой Отечественной войны в казахстанской историографии постсоветского времени. Исследователь указывает на возможные негативные последствия этноцентризма в освещении истории войны.

На эту же проблему обращает внимание А. Н. Кашкимбаев, подчеркивая недопустимость попыток ряда авторов рассматривать роль Казахской ССР в борьбе с нацизмом изолированно от борьбы других народов СССР.

Исследование К. С. Дроздова и В. В. Тихонова интересно тем, что на примере истории 201-й Латышской стрелковой дивизии раскрыта проблема строительства национальных воинских частей в составе Красной Армии.

Е. Л. Киселева характеризует исследовательский потенциал документов «Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков...». Автор указывает на необходимость комплексного изучения советских и германских документов относительно рассматриваемой темы.

Э. Л. Коршунов и Н. Ю. Бринюк приводят сведения о разных направлениях работы ЦА МО РФ с документами, касающимися истории войны. Сюда относятся оцифровка, создание баз данных, экспертиза документов, участие в международных историко-документальных выставочных проектах.

Аналогичные данные, но уже относительно работы Архива Президента Республики Казахстан приведены К. Ш. Алимгазиновым и Е. В. Чиликовой.

Анализ солдатских писем южноуральцев как источника для изучения внутреннего мира человека на войне представлен в статье Р. Р. Хисамутдиновой.

Отдельным сюжетам организации фронтовой жизни посвящен второй раздел монографии «Фронт».

Сложности создания национальных формирований на территории Среднеазиатского военного округа в начальный период Великой Отечественной войны изучены в статье А. Ю. Безугольного. Автор приходит к выводу, что объективные трудности (нехватка командных кадров, языковой барьер и так далее) не позволили сформировать полноценные воинские соединения из представителей среднеазиатских народов.

Участие воинов-казахстанцев в ключевых сражениях Великой Отечественной войны (от Бреста до Берлина) показано в статье Б. Г. Аяган.

Роль женщин из Казахстана в победе над врагом – тема статьи З. Г. Сактагановой. Во время войны женщины записывались в медицинские, стрелковые, снайперские части. Автор приводит конкретные фронтовые истории из жизни женщин-бойцов и медсестер.

Конкретные примеры героических подвигов воинов-уроженцев Бурятии (рядовых бойцов, героев Советского Союза, партизан) содержатся и в исследовании Л. В. Курас и Б. Ц. Жалсановой.

В работе М. Н. Супрун использованы новые архивные документы (РГАЭ, ЦА МО РФ), уточняющие характер и объемы поставок Советскому Союзу по ленд-лизу.

Вопросы становления советской военной медицины в годы Великой Отечественной войны – тема статьи О. А. Крючкова. Автор приходит к выводу, что, несмотря на объективные трудности начального периода войны, по основным направлениям (военно-полевая медицина, военная хирургия, санитарно-гигиенические и противоэпидемиологические мероприятия) медицинского обеспечения войск были достигнуты впечатляющие успехи.

Г. А. Ткачева подробно изучила основные аспекты организации оборонительной системы Дальневосточного фронта СССР: создание противотанковых, пулеметных, стрелковых пунктов, артиллерийских и минометных площадок; составление планов эвакуации населения, формирования партизанских отрядов. Уделено внимание системе управления, составу и оснащению дальневосточной группировки войск и силам Тихоокеанского флота.

Третий раздел монографии «Оккупация» объединяет вопросы, посвященные оккупационной политике германских войск, коллаборационизму, партизанскому движению, холокосту.

В. И. Мусаев характеризует систему оккупационных органов управления на территории Ленинградской области. Германское командование создавало достаточно стройную вертикаль управления на занятых советских землях, которая помимо военно-оккупационного аппарата (полевые и местные комендатуры, охранные дивизии, карательные части) включала так называемое «самоуправление» из представителей местного населения (деревенские старосты, волостные старшины). Политика фашистов затрагивала все важные вопросы общественной жизни – аграрные отношения, образование, деятельность РПЦ и другое.

Вопросам военного коллаборационизма в Крыму посвящена статья О. В. Романько. Автор исследует причины вовлечения местного населения в коллаборационистские формирования, направления и результаты их деятельности, роль крымских националистических кругов в создании коллаборационистских частей.

Трудный процесс формирования партизанского движения в Центральном Черноземье – тема исследования В. В. Коровина.

Деятельность казахстанцев в партизанском движении на Украине проанализирована К. Енсеновым.

В статье Г. М. Мендикуловой приведены ценные сведения (поименные списки) о казахстанцах (казахах и русских), которые принимали активное участие в антифашистской народ-

но-освободительной борьбе в странах Европы (Франция, Италия, Чехословакия, Польша, Югославия, Бельгия) и европейском Движении Сопротивления.

Специфику холокоста на оккупированных территориях Советского Союза изучил И. А. Альтман. Автор приходит к выводу, что уничтожение советских евреев носило тотальный характер.

Четвертый раздел монографии «Эвакуация» открывает статья И. Н. Ильиной, посвященная работе учреждений АН СССР в условиях эвакуации в среднеазиатские республики. Помимо вопросов организации научной работы и быта ученых приводятся любопытные факты. Например, в организованном в 1942 г. в Ташкенте социалистическом соревновании между гуманитарными институтами первое место занял Институт истории РАН.

Советские писатели в эвакуации воспринимали свою творческую и общественную деятельность как часть общего дела по борьбе с врагом, как свой – «ташкентский» – фронт. Об этом – статья Э. Ф. Шафранской.

Интересные сюжеты из жизни советских художников, принятых Узбекской ССР, содержит исследование А. А. Волкова и М. С. Тухтаева.

И. И. Ханипова исследовала вопрос организации детских домов в эвакуации на материалах Татарской ССР. В центре внимания автора особенности учебно-воспитательного процесса, решение кадрового вопроса, материально-бытовое положение эвакуированных детдомовцев.

Организация системы управления эвакуированными в Казахстан промышленными предприятиями, порядок их приема, монтаж оборудования и строительство корпусов – все это вопросы, рассмотренные в статье К. Енсенова. Работа содержит и статистические данные по количеству эвакуированных в Казахскую ССР рабочих.

Пятый раздел коллективной монографии «Тыл» начинается с исследования И. А. Карпенко. Оно представляет собой обстоятельный обзор отдельных сторон жизни блокадного Ленинграда.

Работа С. И. Линец посвящена изучению госпитальной базы Северного Кавказа в годы войны. Автор отмечает, что, несмотря на объективные трудности формирования сети эвакуогоспиталей, итоговые показатели лечения раненых свидетельствуют об эффективности теоретической и организационной основ советского здравоохранения.

Самоотверженный труд работников транспорта Дагестана изучен в статье М. Я. Мирзабекова.

Боевые будни киргизских пограничников – тема исследования Л. И. Сумарокова. Важное значение Киргизского пограничного округа определялось недружественной позицией афганских властей и многочисленными попытками нарушения государственной границы вооруженными бандами.

М. Ш. Калиева рассмотрела проблему военной повседневности через призму адаптации эвакуированного населения к новым условиям жизни. Определенный интерес представляет использование в качестве исторического источника детских воспоминаний.

Неоценимый вклад в победу над врагом деятелей культуры и искусства Казахстана – предмет исследования А. Ж. Габдуллиной.

В работе С. А. Атановой на основе архивных документов приведены конкретные примеры помощи отдельных граждан, трудовых коллективов Туркменской ССР фронту драгоценными металлами и камнями.

Вклад РПЦ Центрально-Азиатского региона в дело борьбы с фашизмом исследовали Ю. С. Флыгин и Е. Е. Озмитель. Примечательно, что среди священнослужителей было немало участников боевых действий, получивших награды за боевые заслуги, а также за работу на оборону в тылу.

Документы, характеризующие отношения государства и мусульман СССР в годы войны, приводятся в публикации В. А. Ахмадуллина.

Шестой раздел «Освобождение и восстановление» открывается исследованиями Н. Д. Борщика и И. В. Никитиной, посвященными соответственно восстановлению Ялты и Севастополя. На основе архивных документов авторы восстанавливают картину послевоенной реконструкции известного курорта и города – базы Черноморского флота. Помимо прочего, в статье Никитиной приводятся биографические сведения о жизни известных бригадиров строительных управлений трестов Севастополя.

Послевоенную историю Гатчинского дворца-музея изучила М. В. Кирпичникова.

Проблеме фильтрации советских военнопленных посвящены работы Ю. В. Кононова и В. С. Христофорова. Авторами анализируется исследовательский потенциал разного рода до-

кументов – фильтрационных (проверочных) дел, учетных карточек, воспоминаний и свидетельств очевидцев. Отмечается возможность установления судеб конкретных людей на основе изучения указанных источников.

Вопросы медицинского обеспечения репатриантов – предмет исследования А. А. Будко, Н. Ю. Бринюка, Г. А. Грибовской.

Статья Е. И. Пивовара, М. Ю. Мухина, О. В. Солоповой представляет собой обстоятельное исследование проблемы послевоенного восстановления советского народного хозяйства. Отмечается, что «в послевоенные пятилетия советская экономика в общих чертах воспроизводила основные стратегические решения первых пятилеток».

Завершает монографию седьмой раздел «Историческая память о войне». Его открывает работа К. С. Дроздова и В. В. Тихонова об отражении памяти о подвиге героев-панфиловцев в культуре России и Казахстана. Отмечается, что данный сюжет продолжает оставаться значимым для коммеморативных практик в обоих государствах.

К выводу о статусе Великой Отечественной войны как одному из главных событий в исторической памяти современных казахстанцев приходит в своем исследовании Н. С. Лапин.

Общность восприятия и памяти о войне у казахстанских и российских студентов отмечена в статье Н. П. Космарской.

И. И. Ханипова предприняла попытку охарактеризовать историческую память жителей Татарстана о войне на материалах устной истории.

Гендерный аспект исторической памяти рассмотрен Г. Ш. и Л. Г. Каймаразовыми на основе изучения военных воспоминаний женщин Дагестана. Отмечается, что в женских воспоминаниях преобладают сюжеты повседневного быта на фронте и в тылу.

Специфику репрезентации холокоста в советском кинематографе рассмотрел Р. Е. Жигун. Если в довоенный период факты антисемитской политики фашистских режимов использовались в интересах антифашистской пропаганды, то в послевоенное время в условиях борьбы с «космополитизмом» тема евреев как жертв нацизма оказалась фактически под запретом. В 1960–1970-е гг. тема холокоста была представлена лишь отдельными короткими эпизодами в военных фильмах.

Ряд статей повествует о современных музейных проектах, призванных сохранять историческую память о событиях Великой Отечественной войны. Среди них – проект «Стена Памяти» Калининградской области (А. С. Новиков, КОИХМ), где каждый желающий может представить для размещения в экспозиции фотографии своих родственников-участников войны.

О работе курского Музея юных защитников Родины сообщает Л. С. Холтобина. Экспозиция повествует о боевых подвигах юных защитников Отечества – разведчиков, партизан, медсестер.

Новейшие технологии использованы в экспозициях ГВИМЗ «Прохоровское поле». О. С. Мишкина отмечает, что в музейных комплексах «Третье ратное поле России», «Битва за оружие Великой Победы» и других обеспечивается реальное взаимодействие посетителя с экспозицией. Используются средства мультимедиа, информационные системы, исторические реконструкции и инсталляции. Ядром экспозиций выступают подлинные истории людей, переживших тяжесть войны.

И наконец, статья Е. И. Пивовара и Е. А. Косован сообщает о том, как сохранение совместной российско-казахстанской исторической памяти о войне реализуется через целый комплекс монументов в честь воинов-казахстанцев, погибших в сражениях Великой Отечественной. Среди них мемориалы «Сенявинские высоты» (Ленинградская область), «Парк мира» (г. Ржев), «Роща пятисот» (г. Кингисепп) и другие.

В целом рецензируемая коллективная монография иллюстрирует положительную тенденцию в современной историографии Великой Отечественной войны – выстраивание системы взаимодействия и обмена результатами научных исследований между историками разных стран как важного условия объективного изучения общего прошлого. Следует отметить, что в целом авторы справились с поставленной задачей – показать общий для всех народов СССР опыт, пережитый в годы военных испытаний на фронтах, в тылу, в эвакуации, на оккупированных и освобожденных территориях. Так, общая Победа стала залогом сохранения общей исторической памяти.

Список литературы

1. Несломленный народ. От общей победы к общей исторической памяти : колл. монография // Институт всеобщей истории Российской академии наук, Институт истории государства Министерства образования и науки Республики Казахстан / отв. ред. М. А. Липкин, Б. Г. Аяган. Москва : Весь мир, 2021. 704 с.

Preservation of the common historical memory of the Great Patriotic War

K. N. Tarasov

PhD in Historical Sciences, associate professor of the Department of History and Political Sciences,
Vyatka State University. Russia, Kirov. E-mail: tar-87@mail.ru

Abstract. The article describes a new collective monograph devoted to the history of the Victory of the multinational Soviet people in the Great Patriotic War. The monograph was the result of the joint work of a number of leading historians, archivists, museum workers from Russia, Kazakhstan, Uzbekistan, Kyrgyzstan. The experience of multilateral work with scientists from different countries using data from various national archives and collections, different projections of the perception of the movement of people, ideas, the intertwining of the destinies of those who fought, gives a new perspective for a more detailed look at the Great Patriotic War. The monograph illustrates a positive trend in the modern historiography of the Great Patriotic War: building a system of interaction and exchange of research results between historians of different countries as an important condition for the objective study of the common past. In general, the authors managed to show the experience common to all the peoples of the USSR, experienced during the years of military trials at the fronts, in the rear, during evacuation, in the occupied and liberated territories.

Keywords: Great Patriotic War, historical memory, historiography, front, rear, evacuation.

References

1. *Neslomlennyj narod. Ot obshchej pobedy k obshchej istoricheskoy pamyati* [Undeafated people. From a common victory to a common historical memory] / Collective monograph. Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, Institute of State History of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan. Responsible editors M. A. Lipkin, B. G. Ayagan. M. Ves' Mir. 2021. 704 p.

ИЗ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 37(44)

DOI: 10.25730/VSU.2070.21.044

Французская средняя школа и рост религиозного радикализма. Современные тенденции

Е. А. Осипов

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН.
Россия, г. Москва. Researcher ID: L-7995-2016. E-mail: eaossipov@gmail.com

Аннотация. Убийство в октябре 2020 г. французского учителя Самюэля Пати, демонстрировавшего школьникам карикатуры антиисламского характера, снова заставило говорить о кризисе национальной и религиозной идентичности во Франции, причем в центре внимания оказались учителя средней школы, вынужденные отстаивать принцип светскости образования в условиях регулярного оспаривания учащимися школьных программ, отсутствия учеников на уроках в период религиозных праздников, перманентных требований по разрешению специального меню в школьных столовых для верующих школьников, отказа девушек мусульманского вероисповедания от занятий физкультурой и так далее. В статье анализируются тенденции, характерные для современной французской средней школы и связанные с обострением этноконфессиональной напряженности в Пятой республике и ростом религиозного радикализма среди молодежи. Особое внимание уделяется результатам последнего исследования о положении учителей, проведенном Фондом Жана Жореса, одной из самых авторитетных гуманитарных организаций во Франции, действительно оказывающей влияние на взгляды интеллектуального и университетского сообщества страны.

Полученные в ходе исследования Фонда Жана Жореса результаты показывают, что проблема роста религиозного радикализма среди молодежи уже давно не является локальной, не концентрируется в так называемых «трудных» пригородах крупных городов и получила свое распространение по всей территории страны. Более того, она уже не имеет и возрастного акцента. Учителя не только старших классов, но и работающие в начальном и даже дошкольном образовании рассказывают о проявлениях религиозной нетерпимости учащимися во время занятий. В целом же 80 % учителей из разных регионов Франции сталкивались в своей карьере с подобными проблемами. Полученные Фондом Жана Жореса результаты сравниваются в статье с предыдущими исследованиями подобного рода, что позволяет сделать выводы о деградации ситуации.

Ключевые слова: Франция, школа, образование, религиозный радикализм, светскость.

В декабре 2020 г., через два месяца после убийства французского учителя Самюэля Пати, демонстрировавшего школьникам ранее публиковавшиеся в журнале «Шарли Эбдо» карикатуры антиисламского характера, Фонд Жана Жореса провел исследование среди французских школьных учителей, в котором участвовали более 800 учителей из разных регионов, классов (от начальной школы до выпускных классов) и типов учебных заведений (как государственные, так и частные). Первые результаты исследования, которые касаются вопросов светскости и религиозности в школьном образовании, были опубликованы уже в январе 2021 г. [13].

Проведенное Фондом Жана Жореса исследование не является уникальным. Тема религиозной радикализации школьников, оспаривания принципа светскости среднего образования и тяжелого положения французских учителей, которые вынуждены противостоять этим тенденциям, давно является одной из основных в общественно-политическом пространстве Пятой республики. За последние несколько лет во Франции опубликовано несколько знаковых монографий по этой теме. Например, Фредерик Беган в течение года ездил по стране и разговаривал с французскими учителями об эффективности закона 2004 г. о запрете ношения религиозной символики в средних учебных заведениях, конфликтах в школьных столовых, отсутствии детей в классах в период больших религиозных праздников, отказе девушек мусульманского происхождения от занятий физкультурой, в 2018 г. опубликовал книгу «Молит-

ва за школу. Учителя перед проблемой светскости» [2]. По схожей тематике в 2017 г. вышла книга «Директор колледжа или Имам Республики?» [12] Бернара Раве, который на протяжении многих лет занимал пост директора колледжей в трудных районах. А в 2020 г. свои мемуары [11] опубликовал Жан-Пьер Обин, бывший генеральный инспектор Министерства национального просвещения Франции и автор знаменитого рапорта 2004 г. [10], в котором он уже тогда поднимал все самые острые вопросы французской средней школы. Однако исследование, проведенное Фондом Жана Жореса, примечательно сразу по нескольким причинам.

Во-первых, сам по себе Фонд Жана Жореса является одной из самых известных в интеллектуальной среде Франции общественных организаций, к его публикациям всегда приковано большое внимание, особенно в университетском сообществе. В полном соответствии с названием (в честь знаменитого политика-социалиста) он всегда характеризовался взглядами левого толка. Религиозный фактор в вопросах национальной идентичности Франции никогда не играл важной роли в исследованиях Фонда Жана Жореса, фокус внимания обычно смещался в сторону социально-экономических аспектов. Достаточно сказать, что в марте 2021 г. Фондом было опубликовано эссе о школьных столовых [3], которые, как известно, являются местом регулярных споров о необходимости или недопустимости специального меню (например, халяльного или кошерного) для верующих школьников. В эссе же вопросы школьного питания рассматриваются с философской точки зрения без анализа религиозного фактора, что в целом характерно для левого взгляда на проблему. Например, в 2016 г. генеральный директор Фонда Жиль Финкельштейн опубликовал книгу «Ловушка идентичности: Размышление (переживание) о левых, правых и о демократии», в которой писал, что тема национальной и религиозной идентичности в значительной мере преувеличена и играет в основном политическую роль [4, р. 23]. Именно поэтому факт публикации Фондом Жана Жореса исследования по теме религиозного радикализма в школе важен уже сам по себе.

Во-вторых, в рамках этого исследования Фонд Жана Жореса работал вместе с Французским институтом общественного мнения, одной из крупнейших во Франции социологических служб, которая в 2018 г. проводила исследование по схожей тематике с французскими учителями, что дает возможность сравнить результаты и выявить тенденции, которые получили свое развитие за два года. В целом сотрудничество Фонда с Французским институтом общественного мнения (и в частности с его представителем Жеромом Фурке, автором «Французского архипелага» [5] – приз за лучшую книгу по политике в 2019 г.) выглядит очень перспективно с научной точки зрения и может привести к важным результатам.

Из всего массива цифр, которые были опубликованы Фондом, самым показательным является то, что 80 % опрошенных учителей хотя бы раз в своей карьере сталкивались с требованиями религиозного характера со стороны школьников [13, р. 3]. Утверждение о том, что 4/5 французских учителей на собственном примере испытали рост молодежной религиозности, с одной стороны, говорит о масштабности стоящих перед французской школой проблем. С другой стороны, очевидно, что проявления религиозности могут иметь самые разные формы и далеко не все из них вызывают тревогу. Например, 65 % опрошенных учителей сталкивались с отсутствием части детей на уроках в период больших религиозных праздников [13, р. 3], что давно уже получило большое распространение во Франции. Об этом много писалось и в рапорте Ж.-П. Обина в 2004 г., и в докладах созданного по инициативе премьер-министра Франции Высшего совета по интеграции [7, р. 10]. Школьная система адаптировалась к подобным ситуациям, и в период религиозных праздников (не только мусульманских, но и христианских) учителя обычно не проводят важные контрольные работы. В то же время 47 % французских учителей говорят о проблемах в школьных столовых, 45 % участвовавших в исследовании педагогов сталкивались с отсутствием школьников на занятиях физической культурой в бассейнах, а 28 % – с отказом от посещения некоторых религиозных мест во время экскурсий [13, р. 3], что уже является более тревожными проявлениями, поскольку школьные столовые, спортивные залы, бассейны, экскурсии – часть школьной жизни, а отказ от них приводит к разобщению школьников и росту конфликтных ситуаций. Еще более тревожно, что 25 % опрошенных учителей сигнализируют об уходе детей из общегосударственных школ в частные религиозные учебные заведения. Тенденция к переводу детей из обычных государственных школ в частные религиозные заведения существует давно. Мотивация у родителей при этом совершенно разная. Дети мусульманского вероисповедания часто оказываются в частных школах из-за желания родителей дать им традиционное образование, которое не получишь в светских государственных школах. Но в частные школы уходят еще и,

например, дети еврейского происхождения. В их случае это связано с заметным ростом антисемитизма во Франции. Обучающиеся в обычных государственных школах, особенно в трудных районах с большим количеством мусульманского населения, дети еврейского происхождения попадают во враждебную обстановку. В итоге перевод в частную иудейскую школу для них оказывается одной из немногих альтернатив эмиграции в другие страны (прежде всего, в Израиль и США) [6]. Сам факт того, что четверть французских учителей в своей практике сталкивались с переходом детей из государственных школ в частные религиозные заведения, говорит о том, что эта тенденция усиливается. Еще более тревожно то, что 21 % учителей сигнализируют о случаях отказа школьников от рукопожатий со сверстниками по религиозным мотивам [13, р. 4]. Если переход детей в частные религиозные школы говорит о потере контроля государства за частью молодежи и возможной ее радикализации в частных религиозных школах, то систематический отказ от рукопожатий по религиозным причинам свидетельствует уже о конкретных фактах религиозного радикализма, с которыми сталкивалась пятая часть французских учителей.

Один из главных выводов исследования касается распространения молодежного религиозного радикализма по территории Пятой республики. В последние несколько лет во Франции часто говорят, что представления о беспокойных пригородах крупных французских городов устарели, поскольку теперь есть уже города, которые целиком являются «неспокойными» (известен, например, случай французского города Рубе на границе с Бельгией с преобладающим алжирским населением). Более того, на карте территорий, «потерянных Республикой», появились и некоторые участки сельской местности [9, р. 154]. Тем более, что 2/3 французских мусульман живут на самом деле не в пригородах крупных городов [8, р. 36]. Исследование Фонда Жана Жореса подтверждает эту тенденцию. Общий вывод звучит так: «Несмотря на то, что некоторые районы испытывают более серьезные трудности, мы не можем сегодня сказать, что проблемы локализованы и затронули только определенные территории...» [13, р. 6]. Действительно, в «неспокойных», «трудных» пригородах 57 % опрошенных учителей сталкивались с проблемой оспаривания школьных программ на религиозных основаниях, что всего на 4 % выше, чем в среднем по стране (53 %) [13, р. 6]. Кстати, в 2018 г. всего 46 % учителей сигнализировали о подобных проявлениях, что говорит о постепенном ухудшении ситуации. Также в трудных пригородах, например, 66 % учителей сталкивались с требованиями религиозного меню в школьных столовых, что заметно выше, чем в среднем по стране (47 %), но в целом очевидно, что эта проблема существует в самых разных уголках Франции.

С темой географического распространения проблемы религиозного радикализма связан и разный статус учебных заведений. Так, ряд трудных районов отнесены к зонам приоритетного образования, что означает повышенное внимание власти к этим учебным заведениям. Создание зон для решения специфических проблем – традиционная составляющая французской политики. Например, в августе 1957 г. для решения жилищной проблемы были созданы «зоны приоритетной урбанизации» (“ZUP” – “zone à urbaniser en priorité”) – однотипные жилые районы из панельных домов, в квартирах которых было все необходимое для нормальной жизни. С окончанием в середине 1970-х гг. «славного тридцатилетия» (тридцать послевоенных лет с устойчивым ростом экономики) и нарастанием социально-экономических проблем многие из этих зон приоритетной урбанизации в пригородах крупных городов в итоге превратились в те самые беспокойные «гетто» [1], о которых много говорят в средствах массовой информации. Неслучайно, что в 1990-е эти районы переименовали в «зоны чувствительной урбанизации» (в начале XXI века в них проживало 4,4 млн французов). Там же создали и зоны приоритетного образования.

Исследование Фонда Жана Жореса показывает, что действительно в школах, относящихся к зонам приоритетного образования, ситуация более сложная, чем в других районах. Так, 75 % учителей, работающих в этих зонах, сигнализируют, что сталкивались с проблемой нарушения светских принципов образования, что сильно выше, чем в среднем по стране (59 %) [13, р. 7], однако и цифра в 59 % опять же означает, что проблема давно уже не является локальной.

Фонд Жана Жореса подтверждает общераспространенное мнение, что проблема радикализма усугубляется в старших классах школы (во французской системе образования это колледжи и лицеи). Преподаватели колледжей и лицеев в 84 % случаев утверждают, что хотя бы раз в своей карьере сталкивались с проблемами религиозного характера (напомним, что в целом 80 % учителей сигнализируют об этом). Важно, что 7 % (в 2018 г. было 3 %) учителей средней школы говорят, что постоянно сталкиваются с этой проблемой, а 17 % (в 2018 г. – 12 %) – время

от времени [13, p. 4]. Иными словами, четверть французских учителей в колледжах и лицеях работает в условиях регулярного оспаривания со стороны школьников светских принципов образования, и за два года количество таких учителей выросло на 9 %, что, безусловно, является тревожным сигналом. Очень важно и то, что цифры показывают распространение проблемы и на начальную, и даже дошкольную ступени образования, что ранее было нехарактерно для Франции. По результатам исследования 75 % учителей начальной школы и 74 % работников детских садов сталкивались с требованиями религиозного характера [13, p. 8].

Есть и позитивные результаты исследования. По сравнению с 2018 г. во Франции снизилось количество зафиксированных конфликтных случаев на уроках истории-географии и философии, которые наряду с физической культурой являются наиболее проблемными. Успехи объясняются тем, что по этим предметам давно ведется педагогическая практика по обучению учителей преподаванию трудных вопросов. Специальная подготовка учителей начала приносить свои плоды. Однако есть и менее оптимистичное объяснение. За годы регулярных конфликтов на уроках истории-географии и философии учителя научились обходить острые вопросы. Результаты исследования Фонда Жана Жореса показывают, что 49 % опрошенных учителей (на 13 % больше, чем в 2018 г.) [13, p. 1] прибегают к «самоцензуре», чтобы избежать конфликтов.

Важная часть исследования Фонда Жана Жореса касается реакции на убийство французского учителя Самюэля Пати в октябре 2020 г. 19 % опрошенных учителей заявили о том, что в их учебных заведениях часть школьников пыталась сорвать минуту молчания в его честь (15 % столкнулись с проявлениями насилия, 10 % – с отказом от участия в минуте молчания, 8 % – с оскорблениями и провокациями) [13, p. 9]. Эти цифры заметно выше представленной Министерством национального просвещения Франции официальной статистики. Важно, что в учебных заведениях из зоны приоритетного образования ситуация заметно хуже – 34 % учителей столкнулись с проблемами во время минуты молчания. Среди молодых учителей (до 30 лет) 36 % (по всем школам) рассказали о попытках срыва минуты молчания. Такой высокий показатель среди молодых учителей объясняется тем, что их в начале карьеры направляют в сложные районы (опытные учителя зачастую не хотят там работать), и это еще одна серьезная проблема французской средней школы, поскольку молодые учителя, очевидно, не имеют достаточного опыта для работы в таких сложных условиях.

Если же говорить о позиции самих французских учителей относительно методов работы Самюэля Пати, то 25 % считают, что он был не прав, когда показывал школьникам карикатуры на пророка Мухаммеда. Среди учителей частных школ (многие частные школы во Франции имеют религиозный уклон) этот показатель вырастает до 34 %, среди верующих учителей он достигает 40 %. Важно также, что молодые учителя более склонны к критике Самюэля Пати, чем опытные. Самое же показательное в том, что эта часть исследования Фонда Жана Жореса озаглавлена следующим образом: «В профессиональном сообществе существует критичный взгляд на педагогические методы Самюэля Пати» [13, p. 8]. В самом заголовке просматривается удивление авторов исследования полученными результатами, что лишний раз подчеркивает, что левый фланг французского политического спектра только начинает осознавать реальность происходящего в вопросе роста религиозного радикализма в школах.

В целом проведенное исследование – важная веха в развитии французского кризиса национальной и религиозной идентичности. Внимание Фонда Жана Жореса к теме религиозного радикализма в школе показывает, что отныне интеллектуальное и университетское сообщество, долгое время дистанцировавшееся от проблемы, включилось в изучение вопроса и в поиски путей выхода из сложившейся ситуации. Результаты исследования также подтверждают, что проблема религиозного радикализма среди молодежи во Франции уже не локализована в «неспокойных районах», а получила свое распространение на всей территории страны, даже в сельской местности. Масштаб проблемы требует разработки комплексного подхода ко всей французской системе образования, от дошкольной ступени до университетской скамьи.

Список литературы

1. *Осинов Е. А.* Франция. 1983–1989. От марша за равенство к делу о мусульманском платке // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8. Вып. 9 (63). URL: <https://history.jes.su/s207987840002027-8-1/> (дата обращения: 08.06.2021). DOI: 10.18254/S0002027-8-1.
2. *Béghin F.* Une prière pour l'école. Les profs face au casse-tête de la laïcité. P., 2018.
3. *Delafosse M.* Restauration scolaire: la politique est dans l'assiette. La Fondation Jean-Jaurès. 2021.

4. *Finchelstein G.* Piège d'identité: Réflexions (inquiètes) sur la gauche, la droite et la démocratie. P., 2016.
5. *Fourquet J.* L'Archipel français. Naissance d'une nation multiple et divisée. P., 2019.
6. *Fourquet J., Manternach S.* L'an prochain à Jérusalem. P., 2016.
7. Haut Conseil à l'intégration. Les défis de l'intégration à l'école. Recommandations relatives à l'expression religieuse dans les espaces publics de la République. Paris, 2011.
8. *Karoui H. El.* L'Islam, une religion française. Paris, 2018.
9. Les territoires conquis de l'islamisme / sous la direction de Bernard Rougier. P., 2020.
10. *Obin J.-P.* Les signes et manifestations d'appartenance religieuse dans les établissements scolaires. 2004.
11. *Obin J.-P.* Comment on a laissé l'islamisme pénétrer l'école. P., 2020.
12. *Ravet B.* Principal de collège ou imam de la république? P., 2017.
13. *Roder I.* Les enseignants de France face aux contestations de la laïcité et au séparatisme. La Fondation Jean-Jaurès. 2021.

French high school and the rise of religious radicalism. Current trends

E. A. Osipov

PhD in Historical Sciences, senior researcher, Institute of General History of the Russian Academy of Sciences.
Russia, Moscow. Researcher ID: L-7995-2016. E-mail: eaosipov@gmail.com

Abstract. Murder in October 2020 of a French teacher Samuel Pati, who showed anti-Islamic caricatures to schoolchildren, was again forced to talk about the crisis of national and religious identity in France, and the focus was on secondary school teachers who were forced to defend the principle of secularism of education in conditions of regular contesting of school curricula by students, the absence of students in lessons during religious holidays, permanent requirements for the permission of a special menu in school canteens for religious schoolchildren, refusal of Muslim girls from physical education and so on. The article analyzes the trends characteristic of modern French secondary schools and associated with the aggravation of ethnic and confessional tensions in the Fifth Republic and the growth of religious radicalism among young people. Particular attention is paid to the results of the latest study on the situation of teachers conducted by the Jean Jaures Foundation, one of the most authoritative humanitarian organizations in France, which really influences the views of the intellectual and university community of the country.

The results obtained during the research of the Jean Jaures Foundation show that the problem of the growth of religious radicalism among young people has not been local for a long time, is not concentrated in the so-called "difficult" suburbs of large cities and has spread throughout the country. Moreover, she no longer has an age accent. Not only high school teachers, but also those working in primary and even preschool education talk about manifestations of religious intolerance by students during classes. In general, 80% of teachers from different regions of France have faced similar problems in their careers. The results obtained by the Jean Jaures Foundation are compared in the article with previous studies of this kind, which allows us to draw conclusions about the degradation of the situation.

Keywords: France, school, education, religious radicalism, secularism.

References

1. *Osipov E. A.* *Franciya. 1983–1989. Ot marsha za ravenstvo k delu o musul'manskom platke* [France. 1983–1989. From the March for Equality to the case of the Muslim headscarf] // *Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal "Istoriya"* – Electronic scientific and educational magazine "History". 2017. Vol. 8. Is. 9 (63). Available at: <https://history.jes.su/s207987840002027-8-1/> (date accessed: 08.06.2021). DOI: 10.18254/S0002027-8-1.
2. *Béghin F.* Une prière pour l'école. Les profs face au casse-tête de la laïcité. P., 2018.
3. *Delafosse M.* Restauration scolaire: la politique est dans l'assiette. La Fondation Jean-Jaurès. 2021.
4. *Finchelstein G.* Piège d'identité: Réflexions (inquiètes) sur la gauche, la droite et la démocratie. P., 2016.
5. *Fourquet J.* L'Archipel français. Naissance d'une nation multiple et divisée. P., 2019.
6. *Fourquet J., Manternach S.* L'an prochain à Jérusalem. P., 2016.
7. Haut Conseil à l'intégration. Les défis de l'intégration à l'école. Recommandations relatives à l'expression religieuse dans les espaces publics de la République. Paris, 2011.
8. *Karoui H. El.* L'Islam, une religion française. Paris, 2018.
9. Les territoires conquis de l'islamisme / sous la direction de Bernard Rougier. P., 2020.
10. *Obin J.-P.* Les signes et manifestations d'appartenance religieuse dans les établissements scolaires. 2004.
11. *Obin J.-P.* Comment on a laissé l'islamisme pénétrer l'école. P., 2020.
12. *Ravet B.* Principal de collège ou imam de la république? P., 2017.
13. *Roder I.* Les enseignants de France face aux contestations de la laïcité et au séparatisme. La Fondation Jean-Jaurès. 2021.

УДК 37(47)(091)

DOI: 10.25730/VSU.2070.21.045

Концепция русского централизованного государства в контексте «десталинизации» советского школьного образования (1956–1964 гг.)

Н. В. Тихомиров

старший преподаватель кафедры философии и социально-гуманитарных наук,
Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии – МВА им. К. И. Скрябина,
Россия, г. Москва. E-mail: tihomirov_n@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме развития школьного исторического образования в условиях борьбы с пережитками культа личности в СССР после XX съезда КПСС. Актуальность настоящего исследования обусловлена высоким общественным и научным интересом в современной России к событиям указанного периода. Целью статьи является изучение процесса формирования новых подходов к раскрытию темы становления единого Русского государства в школьных учебниках по истории СССР после 1956 г. Объектом изучения служат учебные пособия, подготовленные крупными отечественными учеными и методистами в период с 1956 по 1962 гг. Предметом изучения являются содержание, характер и направленность изменений в содержании школьного курса истории СССР в части, посвященной проблеме создания централизованного государства. В статье рассмотрены ключевые изменения, коснувшиеся подходов к изложению и оценке событий периода складывания единого Русского государства. Проанализировано содержание теоретических и методических преобразований. Результатом исследования стало выявление закономерностей в работе историков и методистов при подготовке новых школьных учебников, особенностей формирования соответствующих целевых установок. Получены выводы о тенденциях развития отечественной исторической науки рассматриваемого времени, теоретико-методологических особенностях марксистской историографии в послесталинский период развития. Результаты исследования призваны служить расширению научных представлений о развитии школьного исторического образования в СССР, в частности – о развитии теоретических подходов к отражению в школьной программе представлений о складывании единого Русского государства. Полученные выводы могут быть использованы для дальнейшего углубленного изучения советской историографии и школьного образования.

Ключевые слова: десталинизация, единое Русское государство, историческая концепция, исторический материализм, преподавание истории в школе.

Цель статьи – исследовать развитие подходов к отражению концепции образования единого Русского государства в школьных учебниках по истории СССР в период идейно-теоретической борьбы с пережитками культа личности. Задачи, решаемые для достижения поставленной цели: 1) рассмотреть изменения, вносившиеся в соответствующие разделы школьных учебников; 2) проанализировать характер, направленность и содержание научно-методической работы авторов; 3) установить взаимосвязь идейно-политических мероприятий советского государства с тенденциями в работе сообщества историков.

Советскую историографию конца 1930-х – начала 1950-х гг. можно уверенно назвать «сталинской». Не только потому, что на указанный период пришлось нахождение И. В. Сталина на высших руководящих должностях в советской политической системе. Сталин принял непосредственное и деятельное участие в становлении новой марксистской концепции отечественной истории: его рассуждения легли в основу академических построений, сделались опорными точками в решении важнейших проблем отечественной историографии. В этот период замечания и указания советского вождя «подхватываются научным сообществом и превращаются в руководящие, задают направленность в понимании сути и содержания исторического процесса» [16, с. 402]. Первый стабильный учебник для школы по истории СССР был разработан при личном негласном вмешательстве Сталина.

Смерть Сталина и последовавший через три года XX съезд КПСС подготовили условия для пересмотра ряда положений в стройной, как прежде казалось, концепции отечественной истории. Принятый руководством страны курс на борьбу с последствиями культа личности, определяемый нередко как «десталинизация», коснулся, кроме прочего, области исторического знания.

В рамках статьи представляется затруднительным проанализировать во всей полноте развернувшуюся работу, направленную на пересмотр устоявшихся научных представлений об историческом процессе в России. Потому мы сосредоточимся на отдельно взятой теме, имевшей (и имеющей), тем не менее, ключевое значение для всего здания концепции отечественной истории. Рассмотрим, как формулировались и воплощались критические замечания по поводу концепции образования единого Русского государства, или в терминологии изучаемого периода – Русского централизованного государства. Данная тема «была и остается одной из ведущих в отечественной исторической науке» [15, с. 68].

Основным материалом для исследования стали школьные учебники, созданные в период с конца 1950-х по начало 1960-х гг. Выбор данного вида источников обусловлен его высокой репрезентативностью. Школьное образование служит основным каналом формирования массовых исторических представлений, а школьный учебник является концентрированным выражением господствующих научных представлений о характере и содержании исторического процесса. Не случайно, историческое образование в СССР представлялось основой гражданского воспитания и развития идей советского патриотизма. Таким образом, «учебная литература служит высокоинформативным источником, позволяющим установить логическую взаимосвязь между представленной в ней концепцией исторического процесса и господствующими социально-политическими теориями» [19, с. 87].

Хронологические рамки изучаемого периода определены в связи с датами опубликования школьных учебников, разработанных в рамках борьбы с заявленными политическим руководством СССР пережитками культа личности. В новых изданиях отразились изменения в подходах к изложению и оценке событий, касающихся складывания Русского государства в XV–XVI вв.

Показательно, что вскоре после XX съезда компартии в сообществе историков был поднят вопрос о преодолении ошибок и заблуждений, содержащихся в прежних, «сталинских» учебниках отечественной истории. В конце 1956 г. вопрос о потребности реформирования курса школьной истории был поднят на страницах журнала «Преподавание истории в школе». Передовая статья сообщала о ненадлежащем состоянии актуальных школьных учебников, которые, «обрастая заплатками, не освободились до последнего времени от своих основных недостатков» [14, с. 7]. Среди таковых были названы: «крайняя перегруженность фактами», а также «недостаточное раскрытие роли народных масс, несоответствие трактовки многих исторических фактов современным взглядам исторической науки» [14, с. 7].

Более подробно претензии к содержанию школьных учебников по истории были изложены в совместной лекции академика А. М. Панкратовой и старшего научного сотрудника АПН РСФСР Л. П. Бущика, с которой они выступили в том же 1956 г. перед аудиторией Центрального института повышения квалификации руководящих работников народного образования. Ученые отмечали: «Борьба против пережитков культа личности в исторической науке и в преподавании истории, особенно борьба против переоценки роли исторических деятелей имеет большое значение для успешного решения основных задач советской школы» [3, с. 7]. Примечательно, что Панкратова являлась соавтором и редактором учебника по истории СССР для средней школы (8 класс), выдержавшего более десятка переизданий на протяжении 1940-х – начала 1950-х гг. Вместе с тем ученый констатировала: «К сожалению, действующие ныне в средней школе учебники по истории СССР, за исключением учебника для X класса, переизданы Учпедгизом на 1956–57 учебный год без исправлений и переработки» [3, с. 7].

Ключевые нарекания состояли в следующем. Во-первых, в учебниках преувеличивалась роль отдельных личностей в истории при слабом раскрытии влияния творчества народных масс на исторический процесс. Во-вторых, за рассказами о значимых свершениях государственных деятелей прошлого терялись представления о классовой сущности их политики, что противоречило положениям марксистской теории о классовой борьбе как движителе истории. К примеру, Панкратова и Бущик напоминали, что Александр Невский «не только успешно громил полчища шведских и немецких рыцарей, но и душил народные восстания» [3, с. 11].

Авторы отдельно остановились на недочетах, связанных с решением в учебной литературе проблемы образования русского централизованного государства. Первое, на что было указано, это недостаточно конкретное раскрытие экономических и политических предпосылок централизации [3, с. 14]. Причиной тому было названо избыточное внимание, уделявшееся в учебниках деятельности русских правителей, в случае объединения русских земель – Ивана III. «При таком изложении фактов, – сетовали Панкратова и Бущик, – учащиеся часто

приходят к выводу, что создателем централизованного Русского государства был сам Иван III. Общая характеристика деятельности Ивана III еще больше укрепляет этот вывод» [3, с. 14]. Следует отметить, что в учебных текстах «сталинского» периода, помимо известного олицетворения исторического процесса, нередко были хвалебные характеристики выдающихся правителей. В учебнике для средней школы под редакцией А. М. Панкратовой (1953 г.) так оценивается деятельность Ивана III: он «осторожно и настойчиво добивался усиления Русского государства. Отдельные неудачи не пугали и не останавливали его. Он действовал умно, с расчетом и уверенно. Тонкую политику вел он с татарскими ханствами» [8, с. 134–135]. В свете высказанной критики подобные характеристики делались неуместными как умаляющие определяющее значение творчества народных масс.

В контексте проблемы образования Русского централизованного государства особую остроту приобретал вопрос о пересмотре исторической роли Ивана IV Грозного. Его возвеличение в прежней историографии явилось одним из ключевых направлений для критики в последующее время. В цитированном выше учебнике 1953 г. находим такую характеристику первого русского царя: «Это был талантливый и умный человек. Он был хорошо образован для своего времени, любил и умел писать, обладал острым и тонким умом. И во внутренней и во внешней политике он метко и верно определял свои цели и задачи и преследовал их с упорством и настойчивостью. Его мысль о необходимости для России овладеть берегами Балтийского моря делает честь его проницательности» [8, с. 149].

В изменившихся условиях подход к оценке личности правителя существенно поменялся. «Нет никаких оснований для идеализации Ивана IV и его ярко выраженной крепостнической политики», – указывали Панкратова и Бущик, отмечая, что такая идеализация получила широкое распространение в научной и художественной литературе, а также в преподавательской практике [3, с. 20–21]. В числе заметных поборников идеализации царя были названы С. В. Бахрушин, Р. Ю. Виппер, И. И. Смирнов. Следует отметить, что Бахрушин был не только автором фундаментальных трудов по социально-политической истории средневековой Руси, но и одним из создателей цитированного выше учебника истории для средней школы, а также учебника истории СССР для вузов [7], по сути, одним из творцов сталинской концепции Русского централизованного государства.

Приведенные выше положения, с учетом статуса озвучивших их научных работников, можно считать программными, что подтверждает анализ последующих изменений в учебной литературе по отечественной истории. Уже в 1956 г. вышел в свет учебник по истории СССР для 8 класса авторства Л. П. Бущика и под редакцией А. М. Панкратовой [1]. Через два года появилось его второе издание [2]. В учебнике были отработаны все принципиальные замечания, озвученные ранее Панкратовой на выступлении в ЦИПКРРНО.

Прежде всего, обращают на себя внимание новшества в структуре учебника. Из раздела об образовании Русского централизованного государства исчез тематический блок, посвященный правлению Василия III. Последний упоминается в тексте как отец Ивана Грозного и в качестве самостоятельного деятеля не рассматривается. В этом, видимо, выразилось намерение авторов избежать «крайней перегруженности фактами», о которой писала цитированная выше передовица «Преподавания истории в школе». В то же время в указанный раздел были включены параграфы «Обострение классовых противоречий и политическая борьба в России» и «Опричнина, ее классовый характер и значение». Их появление (в издании учебника под редакцией Панкратовой от 1953 г. таких разделов не было) свидетельствует о попытке исправить отмеченную выше недоработку, связанную со слабым раскрытием классовой подоплёки событий русской истории, в частности – правления Ивана IV. Нельзя сказать, что данная сторона опричной политики была обойдена вниманием в старом учебнике, в нем, в частности, отмечалось, что «опричнина отвечала классовым интересам мелкого и среднего дворянства» [8, с. 146]. Таким образом, в новом пособии видно желание авторов не столько ввести классовую составляющую в оценку событий, сколько усилить ее значение.

То же можно сказать о раскрытии экономических и политических предпосылок создания объединенного Русского государства. В учебнике для средней школы (1953 г.) в параграфе «Образование территории Русского государства» читаем: «С XIV в. складывались более тесные экономические связи между отдельными русскими княжествами. Это способствовало постепенному объединению их в одно национальное Русское государство» [8, с. 124]. Далее: «Объединение русских княжеств вокруг Москвы было уже подготовлено развитием рыночных связей между отдельными русскими землями» [8, с. 126].

Освещение экономико-политических предпосылок централизации в таком объеме в новых условиях было сочтено недостаточно. В новый учебник (1958 г.) был введен специальный параграф «экономическое и политическое развитие русских земель в конце XV – первой половине XVI века» [2, с. 102]. Вывод в конце параграфа настойчиво подчеркивал мысль о том, что «не только экономическое, но и политическое развитие русских земель требовало завершения их объединения в едином государстве» [2, с. 106].

Дальнейшее развитие школьного исторического образования происходило в условиях изменения принципа преподавания истории СССР и связанного с ним обновления корпуса учебных пособий. С 1930-х гг. в системе школьного образования утвердился концентрический принцип изучения отечественной истории, предполагавший освоение в 4-м классе элементарного курса истории СССР, а затем в 8–10 классах – систематического курса.

8 октября 1959 г. появилось Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР «О некоторых изменениях в преподавании истории в школах». Документом вносились изменения в порядок изучения отечественной истории в школах. В частности, в VII–VIII классах предписывалось освоение элементарного курса истории СССР, а в IX–XI классах – систематического курса истории СССР. Постановление также устанавливало сроки подготовки и опубликования соответствующих учебников – до 1961 и 1962 гг. соответственно [12, с. 196]. Во исполнение партийно-правительственных указаний к означенному сроку были разработаны новые пособия по истории СССР для 7-го класса. Авторами первого выступили М. В. Нечкина и А. В. Фадеев (1962 г.), второго – А. А. Вагин, Н. В. Сперанская и Т. С. Шабалина (1962 г.).

Оба издания в различной мере отражают идейные послы XX съезда ЦК КПСС в их интерпретации, данной в 1956 г. А. М. Панкратовой. В то же время в учебниках содержатся многие положения, оценки и акценты, унаследованные от предшествующего, «сталинского» поколения учебных пособий. Так, оба авторских коллектива весьма опосредованно отметили классовую сторону опричнины. В учебнике Нечкиной и Фадеева на поставленный вопрос «Что же такое опричнина?» давался короткий ответ в духе еще дореволюционной концепции С. Ф. Платонова: «Это была целая система мер, направленных на укрепление самодержавия» [13, с. 72]. Далее в учебнике содержится более развернутая формулировка: «Смысл опричнины был в том, что она уничтожила власть бояр-княжат в бывших уделах и заменила ее единой властью царя. Она укрепила мелких служилых помещиков-дворян – опору самодержавия царя. Помещики построили свое государство» [13, с. 73]. Такая трактовка не отличалась от принятой в историографии сталинского периода, упор в ней был по-прежнему сделан на идею внутриклассовых противоречий в ущерб раскрытию сущности опричнины как проявлению политики классового гнета феодалов по отношению к закрепощаемому крестьянству.

Близкая по духу трактовка явления содержится в учебнике Вагина, Сперанской и Шабалиной. В нем опричнина подана как орудие борьбы царской власти с боярством, а ухудшение положения эксплуатируемого народа представляется как, по сути, побочный итог усиления самодержавия. Авторы четко говорили о достигнутой цели Ивана IV: «феодалная знать была разгромлена», а «самодержавная власть царя укрепилась» [4, с. 81].

Подобно учебнику Бушика и Панкратовой (1958 г.), новые издания были освобождены от «перегруженности фактами». Так, в учебнике Нечкиной и Фокина из повествования о развитии Русского государства в XVI в. исчез рассказ о Ливонской войне. Пособие Вагина, Сперанской и Шабалиной обошло молчанием период правления Василия III. Впрочем, такие изъятия не влияли существенно на концепцию образования Русского государства. Причины отсутствия в учебниках указанного материала проясняются синхронно публиковавшимися методическими замечаниями. К примеру, П. С. Лейбенгруб в методическом пособии для учителя по элементарному курсу истории СССР (1962 г.) указывал: «В теме “Образование и развитие Русского централизованного государства” тесно переплетается изучение ярких, конкретных фактов отечественной истории с разбором сложных исторических явлений и понятий» [9, с. 109]. Автор отмечал трудность темы для усвоения учащимися и приводил перечень событий и личностей, подлежащих красочному освещению на уроках: ни Василий III, ни Ливонская война в перечень не вошли. То же касается представленных далее шести поурочных планов.

Важное замечание на данный счет содержится в пособии И. Я. Лернера для учителей по преподаванию систематической истории СССР в 9-м классе (1963 г.). Автор указывал в общих чертах, какой материал подлежит изучению в рамках темы, посвященной созданию Русского государства: «предпосылки образования централизованного государства, эволюция управления им в XV–XVI вв., реформы 50-х годов XVI в., Ливонская война, идеология господствующего

класса. Этих вопросов либо вовсе нет в элементарном курсе, либо они изучаются очень кратко» [10, с. 17]. Таким образом, на примере освещения в учебниках проблемы складывания единого Русского государства можно наблюдать изменения в подходах к организации учебного материала на разных ступенях школьного образования.

Кроме прочего, из учебников для 7-го класса были удалены хвалебные характеристики русских правителей – Ивана III и Ивана IV, что отвечало заявленной ранее цели борьбы с пережитками культа личности. В остальном рассматриваемые пособия не обнаруживают заметных изменений в подходах и трактовках к освещению процесса складывания и укрепления Русского государства. Усиление положений о классовой борьбе, исторической роли народных масс, а также о политико-экономических предпосылках государственного строительства было осуществлено в рамках соответствующего курса для старших классов.

Учебник для старшей школы был подготовлен П. П. Епифановым и И. А. Федосовым и опубликован в 1963 г. Второе издание вышло уже в 1964 г. Свой подход к работе над учебником авторы изложили в статье для журнала «Преподавание истории в школе» (1964 г.). В ней они сообщили, что «поставили перед собой задачу преодолеть схематизм и социологизм в освещении социально-экономического развития общества. Со страниц истории должны вставать живые образы талантливых мастеров, изобретателей, ученых и практиков, воплощавших в своих творениях трудовой опыт и знания поколений» [6, с. 101–102].

Примечательно, что описанная задача почти в точности повторяла требования середины 1930-х гг., выдвигавшиеся в связи с пересмотром исторической концепции М. Н. Покровского и написанием стабильных учебников по истории СССР. Это говорит о сохранении в сознании сообщества историков представлений о том, как в целом должен быть построен учебник истории, какие принципы должны быть положены в основу изложения материала.

Далее Епифанов и Федосов очертили круг вопросов, решению которых было уделено первостепенное внимание в ходе работы над новым учебным пособием. По существу они практически не отличались от того набора установок, что были представлены в 1956 г. в цитированном выше научном докладе Бушика и Панкратовой. Особо авторы подчеркнули, что «сквозная идея пособия – “народ – творец истории”» [6, с. 102]. Данный тезис ложился в канву одного из ведущих идейных посылов, которым руководствовались авторы учебников, начиная со 2-й половины 1950-х гг. – борьба с пережитками культа личности в историческом образовании.

Учебник для 9–10 классов полнее и детальнее освещал процесс оформления Русского государства, нежели то было представлено в учебниках для 7 класса. Вместе с тем в нем не прослеживаются принципиальных концептуальных изменений по отношению к старому учебнику для 8 класса. Изъятия и добавления в работе Епифанова и Федосова касались не столько сущности описываемых событий, сколько их внешней характеристики и атрибуции. Так, например, Иван Грозный в новом учебнике не превозносился как мудрый правитель, опричина наоборот – была подана в не свойственном прежним пособиям зловещем свете [5, с. 86]. Если в учебнике Панкратовой (1953 г.) участие Новгорода в заговоре против царя подавалось как несомненное, что оправдывало последовавший опричный погром [8, с. 146], то в новом учебнике говорилось о «карательном походе против новгородцев, заподозренных в измене» [5, с. 86]. Тем самым еще более высвечивалась недобрая натура правителя. Следует отметить, как сами авторы обозначили свою позицию в вопросе описания государства в дореволюционную эпоху. На страницах «Преподавания истории в школе» они подчеркнули свое стремление показать «систематическое казнокрадство, взяточничество, вымогательство чиновников, произвол и беззаконие» [6, с. 103]. Все это усиливало идейную нагруженность материала, но не нарушало теоретических оснований, заложенных в предшествующие годы.

Бесспорным теоретическим новшеством явилось положение о сословно-представительной монархии как форме Русского государства, сложившейся в правление Ивана IV [5, с. 85]. Впрочем, внедрение в учебник данного положения не поменяло существенно посыла о том, что в указанное время в России утверждалось именно самодержавие [5, с. 86].

В рецензии на новый учебник В. В. Мавродин и С. Б. Окунь отметили, что авторы «в целом удачно справились со своей задачей» [11, с. 149]. При этом среди мест, «которые требуют дальнейшей шлифовки», рецензенты не указали положений, касающихся проблемы образования Русского государства. Более того, была отмечена хорошо прослеживаемая в пособии прямая взаимосвязь между классовой борьбой и переменами в феодальном обществе [11, с. 148]. Следует учесть, что для Мавродина тема создания единого Русского государства дол-

гое время оставалась предметом пристального изучения, ей были посвящены две монографии ученого 1941 и 1951 гг., в которых он предпринял попытку «комплексно рассмотреть и проанализировать предпосылки, причины, характер и особенности» [17, с. 79] становления великорусской державы. Потому соответствующий раздел учебника, вне сомнения, был изучен им самым пристальным образом.

Приведение трактовок и подходов в согласие с марксистской теорией были лишь одним направлением в работе историков. Другим направлением в усовершенствовании учебников для школы стало теоретическое и фактическое усиление ряда существовавших уже положений. Это касается вопросов о прогрессивности социально-политических преобразований, усилении воспитательно-патриотической составляющей, а также об исторической дружбе народов СССР. В раскрытии темы межнационального общения сохранял определяющее значение тезис о старшинстве русского народа, закрепившийся в историографической традиции предшествующего периода. Общим местом в оценках межнациональных отношений в Русском государстве стало «подчеркивание ведущей роли русского народа и провозглашение прогрессивного значения для иных народов присоединения к великорусской державе» [18, с. 106].

С середины 1950-х гг. в идеологическом поле был актуализован вопрос о дружбе русского и украинского народов, чему способствовало громкое празднование 300-летия воссоединения Украины с Россией. В учебной литературе также были расставлены соответствующие акценты. Уже в учебнике Бушника и Панкратовой (1958 г.) появился параграф «Усиление борьбы за воссоединение Украины с Россией. Рост связей с Западной Европой» [2, с. 112]. А в параграф о Ливонской войне был включен раздел «Боевое содружество русского, украинского и белорусского народов» [2, с. 126]. Мотивы духовного сближения названных народов появились в параграфе, посвященному развитию русской культуры в XVI в. [с. 133–134].

В учебниках для 7 класса, изданных в 1962 г., проблематика единения трех славянских народов в контексте создания Русского государства не была вынесена в плоскость особого рассмотрения. Зато в учебнике для 9–10 классов в контексте изучения вопроса о складывании Русского государства появился раздел «Укрепление связей украинского и белорусского народов с братским русским народом» [5, с. 69].

Подведем итог. Сообществу советских историков как в годы сталинского руководства, так и в период подъема борьбы с пережитками культа личности, была присуща установка на последовательный самоконтроль, выражавшийся в неуклонном следовании принципам исторического материализма. Рассмотренные в статье примеры публичных заявлений и научно-методической работы показывают, что стремление ученых к строгому соответствию марксистско-ленинской парадигме не было следствием сугубо внешнего принуждения. Заметное ослабление административного давления на науку и расширение возможностей научной дискуссии после 1953 г. не привели к выхолащиванию коренных положений марксизма-ленинизма. Напротив, ключевой установкой в ходе ревизии работы историков стало очищение концепции отечественной истории от подходов и трактовок, чуждых фундаментальной марксистской теории. Это показывает, что советская историография ни до, ни после 1953 г. не должна рассматриваться как служанка партийно-правительственных структур и насаждавшихся ими идейных установлений. Марксистская парадигма, начиная с 1920-х гг., стала органичной частью теоретико-методологического аппарата отечественной исторической науки.

Между тем концепция Русского централизованного государства в новых школьных учебниках не претерпела ощутимых изменений в сравнении с тем, как ее излагали авторы учебников сталинского периода. Отказ от восхваления русских правителей не повлиял существенно на объяснение причин и характера создания единой державы в XV–XVI вв. Подчеркивание классовой сущности сопутствующих процессов служило более внешнему оформлению повествования, нежели привносило новые смыслы. То же касается положения об определяющей роли народных масс в историческом процессе и значимости экономико-политических предпосылок в деле государственного строительства. Соответствующие формулировки в текстах учебников имели в значительной мере декларативный вид, служа выражению общетеоретических установок марксистской исторической науки.

Таким образом, концепция складывания Русского централизованного государства, созданная и дорабатывавшаяся историками с конца 1930-х по начало 1950-х гг., оказалась востребованной в историографии периода борьбы с пережитками культа личности, показав свою теоретическую актуальность.

Список литературы

1. Буцник Л. П. История СССР : учебник для 8 класса. Ч. 1 / под ред. А. М. Панкратовой. М. : Учпедгиз, 1956. 200 с.
2. Буцник Л. П. История СССР : учебник для 8 класса. Ч. 1 / под ред. А. М. Панкратовой. 2-е изд. М. : Учпедгиз, 1958. 199 с.
3. Буцник Л. П., Панкратова А. М. Вопросы преподавания истории СССР в свете решений XX съезда КПСС. М. : Министерство просвещения СССР, 1956. 75 с.
4. Вагин А. А., Сперанская Н. В., Шабалина Т. С. История СССР : учеб. пособие для 7 класса. М. : Учпедгиз, 1962. 268 с.
5. Епифанов П. П., Федосов И. А. История СССР : учеб. пособие для IX-X средней школы. 2-е изд. М. : Просвещение, 1964. 432 с.
6. Епифанов П. П., Федосов И. А. Об учебном пособии по истории СССР для IX-X классов // Преподавание истории в школе. 1964. № 1. С. 100-106.
7. История СССР. Т. 1. С древнейших времен до конца XVIII в. / под ред. В. И. Лебедева, Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина. М. : Госсоцэкгиз, 1939. 792 с.
8. История СССР : учебник для 8 класса средней школы. Ч. 1 / под ред. А. М. Панкратовой. Изд. 12-е. М. : Учпедгиз, 1953. 240 с.
9. Лейбензруб П. С. Изучение элементарного курса истории СССР в VII классе (по материалам опытного преподавания) / под ред. М. В. Нечкиной. М. : АПН РСФСР, 1962. 472 с.
10. Лернер И. Я. Изучение истории в IX классе (вопросы активизации познавательной деятельности учащихся). М. : АПН РСФСР, 1963. 232 с.
11. Мавродин В. В., Окунь С. Б., П. П. Епифанов, И. А. Федосов. История СССР : учеб. пособие для IX-X классов средней школы // Вопросы истории. 1964. № 8. С. 147-149.
12. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа : сборник документов. 1917-1973 гг. / сост.: А. А. Абакумов, Н. П. Кузин, Ф. И. Пузырев, Л. Ф. Литвинов. М. : Педагогика, 1974. 560 с.
13. Нечкина М. В., Фадеев А. В. История СССР : учеб. пособие для 7 класса. М. : Учпедгиз, 1962. 264 с.
14. О задачах преподавания истории и развитии методики истории в свете решений XX съезда КПСС // Преподавание истории в школе. 1956. № 4. С. 3-11.
15. Тихомиров Н. В. Дискуссии о периодизации процесса централизации русского государства в отечественной историографии конца 1930-х – начала 1950-х гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 3. С. 67-74. DOI: 10.18384/2310-676X-2020-3-67-74.
16. Тихомиров Н. В. Отражение процесса централизации русского государства в школьных учебниках истории конца 1930-х – начала 1950-х гг. // Вестник МарГУ. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2020. Т. 6. № 4. С. 401-406. DOI: 10.30914/2411-3522-2020-6-4-401-406.
17. Тихомиров Н. В. Проблема возникновения централизованного русского государства в работах отечественных историков конца 1930-х – начала 1950-х гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 1. С. 78-87. DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-78-87.
18. Тихомиров Н. В. Проблема межнациональных отношений в концепции Русского государства в отечественной историографии 1930-х – начала 1950-х гг. // Вестник гуманитарного образования. 2020. № 4. С. 101-110. DOI: 10.25730/VSU.2070.21.005.
19. Тихомиров Н. В. Проблема создания Русского государства в учебниках истории конца 1930-х – начала 1950-х гг. // Запад – Восток. 2020. № 13. С. 85-98. DOI: 10.30914/2227-6874-2020-13-85-98.

The concept of the Russian centralized state in the context of the "De-stalinization" of Soviet school education (1956-1964)

N. V. Tikhomirov

senior lecturer of the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Sciences,
Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology – MBA n. a. K. I. Skryabin.
Russia, Moscow. E-mail: tihomirov_n@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of the development of school historical education in the context of the struggle with the remnants of the cult of personality in the USSR after the XX Congress of the CPSU. The relevance of this study is due to the high public and scientific interest in modern Russia in the events of this period. The purpose of the article is to study the process of formation of new approaches to the disclosure of the topic of the formation of a unified Russian state in school textbooks on the history of the USSR after 1956. The object of study is textbooks prepared by major Russian scientists and methodologists in the period from 1956 to 1962. The subject of the study is the content, nature and direction of changes in the content of the school course of the history of the USSR in the part devoted to the problem of creating a centralized state. The

article discusses the key changes that have affected approaches to the presentation and assessment of events during the formation of the unified Russian state. The content of theoretical and methodological transformations is analyzed. The result of the study was the identification of patterns in the work of historians and methodologists in the preparation of new school textbooks, the peculiarities of the formation of appropriate targets. Conclusions are drawn about the trends in the development of the national historical science of the time under consideration, the theoretical and methodological features of Marxist historiography in the post-Stalin period of development. The results of the study are intended to expand scientific ideas about the development of school historical education in the USSR, in particular, about the development of theoretical approaches to reflecting in the school curriculum ideas about the formation of a single Russian state. The findings can be used for further in-depth study of Soviet historiography and school education.

Keywords: de-Stalinization, the united Russian state, historical concept, historical materialism, teaching history at school.

References

1. *Bushchik L. P. Istoriya SSSR : uchebnik dlya 8 klassa. Ch. 1* [History of the USSR : textbook for 8th grade. Part 1] / ed. by A.M. Pankratova. M. Uchpedgiz. 1956. 200 p.
2. *Bushchik L. P. Istoriya SSSR : uchebnik dlya 8 klassa. Ch. 1* [History of the USSR : textbook for 8th grade. Part 1] / ed. by A. M. Pankratova. 2nd ed. M. Uchpedgiz. 1958. 199 p.
3. *Bushchik L. P., Pankratova A. M. Voprosy prepodavaniya istorii SSSR v svete reshenij XX s'ezda KPSS* [Questions of teaching the history of the USSR in the light of the decisions of the XX Congress of the CPSU]. M. Ministry of Education of the USSR. 1956. 75 p.
4. *Vagin A. A., Speranskaya N. V., Shabalina T. S. Istoriya SSSR : uchebnoe posobie dlya 7 klassa* [History of the USSR : textbook for the 7th grade]. M. Uchpedgiz. 1962. 268 p.
5. *Epifanov P. P., Fedosov I. A. Istoriya SSSR : uchebnoe posobie dlya IX-X srednej shkoly. 2-e izd.* [History of the USSR : textbook for IX-X secondary school]. 2nd ed. M. Prosveshchenie (Enlightenment). 1964. 432 p.
6. *Epifanov P. P., Fedosov I. A. Ob uchebnom posobii po istorii SSSR dlya IX-X klassov* [Textbook on the history of the Soviet Union for IX-X class] // *Prepodavanie istorii v shkole – Teaching of history in school.* 1964. No. 1. Pp. 100–106.
7. *Istoriya SSSR. T. 1. S drevnejshih vremen do konca XVIII v.* – The history of the Soviet Union. Vol. 1. From ancient times to the late eighteenth century / ed. by V. I. Lebedev, B. D. Grekov, S. V. Bakhrushin. M. Gosstatizgiz. 1939. 792 p.
8. *Istoriya SSSR : uchebnik dlya 8 klassa srednej shkoly. Ch. 1* – History of the USSR. Textbook for the 8th grade of secondary school. Part 1 / ed. by A. M. Pankratova. Ed. 12-E. M. Uchpedgiz. 1953. 240 p.
9. *Leibengrub P. S. Izuchenie elementarnogo kursa istorii SSSR v VII klasse (po materialam opytnogo prepodavaniya)* [The study of the elementary course of the history of the USSR in the VII class (based on the materials of experimental teaching)] / ed. by M. V. Nechkina. M. APN RSFSR. 1962. 472 p.
10. *Lerner I. Ya. Izuchenie istorii v IX klasse (voprosy aktivizacii poznavatel'noj deyatel'nosti uchashchihsya)* [The study of history in the IX class (issues of activation of cognitive activity of students)]. M. APN RSFSR. 1963. 232 p.
11. *Mavrodin V. V., Okun' S. B. P. P. Epifanov, I. A. Fedosov Istoriya SSSR. Uchebnoe posobie dlya IX-X klassov srednej shkoly* [History of the USSR. Textbook for IX-X grades of secondary school] // *Voprosy istorii – Questions of history.* 1964. No. 8. Pp. 147–149.
12. *Narodnoe obrazovanie v SSSR. Obshcheobrazovatel'naya shkola : sbornik dokumentov. 1917–1973 gg.* – Public education in the USSR. Secondary school : collection of documents. 1917–1973 / comp.: A. A. Abakumov, N. P. Kuzin, F. I. Puzyrev, L. F. Litvinov. M. Pedagogika. 1974. 560 p.
13. *Nechkina M. V., Fadeev A. V. Istoriya SSSR : uchebnoe posobie dlya 7 klassa* [History of the USSR : textbook for the 7th grade.] M. Uchpedgiz. 1962. 264 p.
14. *O zadachah prepodavaniya istorii i razvitiia metodiki istorii v svete reshenij XX s'ezda KPSS* – On the tasks of teaching history and the development of the methodology of history in the light of the decisions of the XX Congress of the CPSU // *Prepodavanie istorii v shkole – Teaching history at school.* 1956. No. 4. Pp. 3–11.
15. *Tihomirov N. V. Diskussii o periodizacii processa centralizacii russkogo gosudarstva v otechestvennoj istoriografii konca 1930-h – nachala 1950-h gg.* [Discussions on the periodization of the process of centralization of the Russian state in the Russian historiography of the late 1930s – early 1950s] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki – Herald of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences.* 2020. No. 3. Pp. 67–74. DOI: 10.18384/2310-676X-2020-3-67-74.
16. *Tihomirov N. V. Otrazhenie processa centralizacii russkogo gosudarstva v shkol'nyh uchebnikah istorii konca 1930-h – nachala 1950-h gg.* [Reflection of the process of centralization of the Russian state in school history textbooks of the late 1930s – early 1950s] // *Vestnik MarGU. Seriya: Istoricheskie nauki. Yuridicheskie nauki – Herald of MarSU. Series: Historical Sciences. Legal sciences.* 2020. Vol. 6. No. 4. Pp. 401–406. DOI: 10.30914/2411-3522-2020-6-4-401-406.

17. Tihomirov N. V. *Problema vozniknoveniya centralizovannogo russkogo gosudarstva v rabotah otechestvennyh istorikov konca 1930-h – nachala 1950-h gg.* [The problem of the emergence of a centralized Russian state in the works of Russian historians of the late 1930s – early 1950s] // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of Kemerovo State University. 2020. Vol. 22. No. 1. Pp. 78–87. DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-78-87.

18. Tihomirov N. V. *Problema mezhnacional'nyh otnoshenij v koncepcii Russkogo gosudarstva v otechestvennoj istoriografii 1930-h – nachala 1950-h gg.* [The problem of interethnic relations in the concept of the Russian state in the domestic historiography of the 1930s – early 1950s] // Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya – Herald of Humanitarian Education. 2020. No. 4. Pp. 101–110. DOI: 10.25730/VSU.2070.21.005.

19. Tihomirov N. V. *Problema sozdaniya Russkogo gosudarstva v uchebnikah istorii konca 1930-h – nachala 1950-h gg.* [The problem of the creation of the Russian state in the history textbooks of the late 1930s – early 1950s] // Zapad – Vostok – West - East. 2020. No. 13. Pp. 85–98. DOI: 10.30914/2227-6874-2020-13-85-98.

Вестник гуманитарного образования
Научный журнал № 3 (23) (2021)

16+

Редактор *А. В. Мариева*
Технический редактор *Л. А. Кислицына*
Дизайн обложки *А. К. Долгова*
Редактор выпускающий *А. Ю. Егоров*
Ответственный за выпуск *И. В. Смольняк*

Подписано в печать 18.11.2021 г.
Дата выхода в свет 28.12.2021 г.
Формат 60x84 1/8. Гарнитура Cambria.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 15,8. Тираж 100 экз. Заказ № 0164–2021.

Подписной индекс журнала «Вестник гуманитарного образования»
в объединенном каталоге «Пресса России» – 41252

Вятский государственный университет,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36
(8332) 208-964

Отпечатано в центре полиграфических услуг
Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36